

Р 8 $\frac{11}{910}$

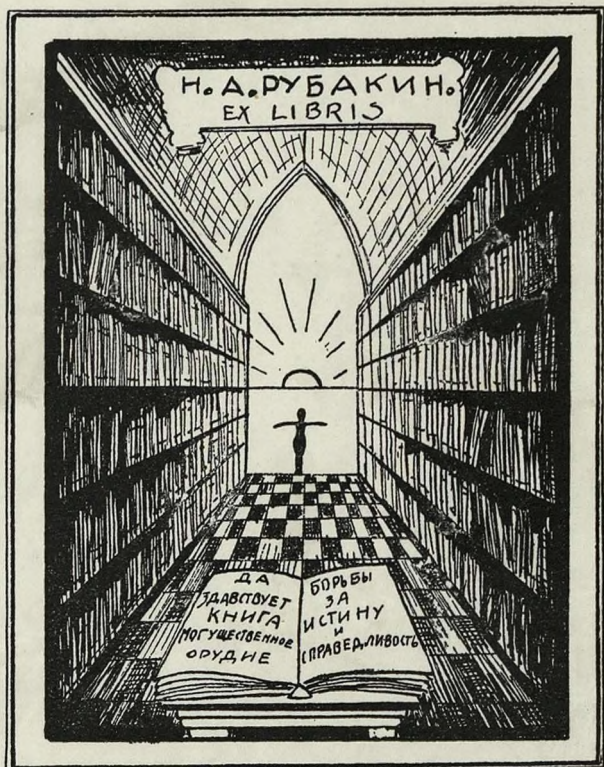
О. П. ВЕРХОВСКАЯ.

КАРТИНКИ ПРОШЛАГО

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ
ДѢТСТВА.

ИЗДАНИЕ Е. Д. ТРАУЦКОЙ.

О. П. Верховская.

Р II
910

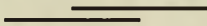
КАРТИНКИ ПРОШЛАГО.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ДѢТСТВА.

Съ иллюстраціями Ф. А. Милославина.

ИЗДАНИЕ

Е. Д. ТРАУЦКОЙ.

МОСКВА.

1913.

НАЧАЛ
ПРОШЛО

АВТОРЪ И НАЧАЛЪ

ИЗДАНИЕ А. П. РЯБУШИНСКАГО

Государственная
библиотека СССР
им. В. И. Ленина

84073-48

МОСКВА,

Типографія П. П. Рябушинскаго, Путинковскій пер., собств. домъ.

1912

2024382034

ГЛАВА I.

КАРТИНКИ ПРОШЛАГО.

*Посвящается
молодому поколѣнію.*

ГЛАВА I.

Первые годы.

Я родилась въ 1847 году, въ маленькомъ селѣ Тверской губерніи, въ то время, когда отецъ мой, инженеръ путей сообщенія, служилъ на постройкѣ Николаевской желѣзной дороги.

Семья наша состояла изъ отца, матери, бабушки и пятерыхъ дѣтей. Помнить себя я начала очень рано. Самыя первыя воспоминанія мои относятся чуть ли не къ двухлѣтнему возрасту. Я очень хорошо помню небольшой домъ въ двадцати саженьяхъ отъ полотна желѣзной дороги, въ двухъ верстахъ отъ города Вышняго-Волочка, куда мы переѣхали, когда я была еще годовалой дѣвочкой. Помню я себя маленькой крикуньей, капризницей, которую постоянно пугали «букой».

— Ужо, вотъ, бука-то придетъ!—говорила няня, и я на минуту умолкала.

Няньки лично у меня мѣнялись часто. Говорю—у меня, потому что въ домѣ у насъ было три няни. Старшая няня, Акулина, выняньчила брата и сестру, она и ходила за ними; у меня же была лично для меня взятая нянька, а у брата Васи—кормилица. Вотъ мои-то няньки и убѣгали отъ меня. Помается, помается, бывало, со мной, да и уйдетъ отъ «золота», какъ онѣ меня называли.

Первый эпизодъ, сохранившійся у меня въ памяти до мельчайшихъ подробностей, былъ слѣдующій. Заѣхала къ намъ, проѣздомъ изъ Петербурга, сестра отца съ тремя маленькими дочками. Чтобы не было лишняго шума, меня, какъ самую крикливую, уложили спать, и, чтобы дать мнѣ больше покоя, а вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить и свой, няня, по приказанію мамы, вынесла меня на антресоли, въ комнату горничной, и положила на кровать. Сидятъ внизу, разговариваютъ и рады-радешеньки, что спровадили крикунью.

А я между тѣмъ проснулась.

«Гдѣ я?»

Начинаю осматриваться. Все кругомъ незнакомо.

На полу играетъ «зайка». Это солнце свѣтитъ сквозь дырку въ ставнѣ.

Меня это заняло.

Но вотъ «зайка» спрятался. Я разсматриваю обои, вожу по нимъ ручонками. Вдругъ что-то зашуршало и забѣгало за обоями.

И подняла же я крикъ, да такой—упаси Боже!

Нянька моя, нянька Акулина, мама всѣ бросились наверхъ. А я кричала, какъ полоумная, даже посинѣла вся.

Не мудрено, что мои няньки отъ меня бѣгали.

Мнѣ было тогда два года, старшему брату Митѣ четыре, сестрѣ Нинѣ три, брату Васѣ годъ, а малютка Катя только что родилась. Всѣ были погодки и малъ-мала меньше, какъ говорится. Нина и Вася были такія тихони, что по цѣлымъ днямъ сидѣли у няни Акулины на колѣняхъ и она рассказывала имъ сказки. Мы же съ Митей играли, бѣгали, кричали.

Помня я въ нашей дѣтской старый, дырявый, клеенчатый диванъ. На немъ спала няня, но принадлежалъ онъ больше намъ, такъ какъ значительная часть на-

шей жизни проходила около него: на немъ мы играли, подъ него мы прятались, спасаясь отъ наказанія, на немъ изливали свое горе, когда приходилось плакать. У каждого изъ насъ было для такого случая свое особое мѣсто. Митѣ принадлежалъ правый уголь, мнѣ лѣвый. Вася и Нина занимали середину. Зареветь, бывало, кто-нибудь изъ насъ и сейчасъ же на свое мѣсто. Станетъ на колѣни, уткнется носомъ въ самый уголь, да такъ и стоять, пока не пройдутъ слезы,—иногда по цѣлому часу. Если намъ съ Ми-

Мы забирались на диванъ, каждый въ свой уголь.

тей приходилось плакать вмѣстѣ, мы забирались на диванъ, каждый въ свой уголь. И, Боже сохрани, было ошибиться и попасть на чужое мѣсто! Если это съ кѣмъ-либо изъ насъ случалось, другой сейчасъ же бросался къ дивану и тащилъ обидчика за ноги изъ чужого угла.

— Зачѣмъ реवेश не на своемъ мѣстѣ? А если я буду ревать, куда я дѣнусь?!—кричалъ обиженный. И захватившему чужую собственность оставалось только молча покориться и перейти на свое мѣсто.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда мы не сидѣли на диванѣ по своимъ угламъ, а всѣ вмѣстѣ играли на немъ, любимой нашей игрой была игра въ «лягушки». Она состояла въ томъ, что мы начинали прыгать по дивану, изображая лягушекъ, а потомъ быстро скатывались на полъ, головами внизъ, такъ что руки упирались въ полъ, а ноги оставались еще на диванѣ.

Случалось при этомъ зацѣплять ногами за дыры, бывшія въ диванѣ, и тогда поднималась воркотня няни.

— У-у... баловники! Ужо пупашенька придетъ, задастъ онъ вамъ!

Няня отца нашего называла «пупашенькой», маму— «мумашенькой».

И «пупашенька» приходилъ. Если онъ былъ въ духѣ, все сходило съ рукъ; если былъ сердитъ, то требовались розги. Митю и меня раздѣвали, укладывали рядышкомъ на диванъ и удары розги шли налѣво, направо по пяти, десяти ударовъ, смотря по провинности. Послѣ экзекуціи мы забивались на диванъ, каждый въ свой уголъ, и плакали.

Разъ, помню, намъ сильно досталось за игру въ «волки и овцы». Митя былъ волкъ, я—овца. «Волкъ» до того увлекся, что, поймавъ «овцу», сталъ ее грызть и пребольно укусилъ въ животъ. На мой отчаянный крикъ явился отецъ и выпоролъ насъ больно-пребольно; его за то, что онъ меня укусилъ, меня— за компанію.

Розга была у насъ въ большемъ ходу, въ особенности по субботамъ. Въ этотъ день у насъ было обыкновеніе дѣлать дѣтямъ ванну. Мама мыла насъ сама, а передъ купаньемъ имѣла привычку осматривать наши ногти на рукахъ и ногахъ. Надо сказать, не въ нашу похвалу, что мы безжалостно грызли ногти, за что насъ ужасно преслѣдовали.

Вотъ уже вода готова, мы раздѣты, начинается осмотръ. Митя смѣло подходитъ и показываетъ руки.

— Молодецъ,—говорить мама,— всѣ ногти цѣлы! — Митя отходитъ.

У Нины тоже руки оказываются въ порядкѣ.

— Ну, Нюта, что же ты не идешь?—говорить мнѣ мама.

Я продолжаю стоять въ углу.

— Поди же, покажи ногти.

Я не иду. Мама беретъ меня за руку и хочетъ по-двинуть къ свѣту.

Я упираюсь и начинаю кричать. Является отецъ.

— Что за крикъ? А! да сегодня осмотръ ногте-грызовъ! — говоритъ онъ. — Ну-ка! покажи, покажи руки!

Я зажимаю кулачки и стою. Отецъ силой раз-жимаетъ мнѣ пальцы. Всѣ ногти объѣдены до крови. Эта дурная привычка держалась у меня очень долго; я отвыкла отъ нея только взрослой.

— Розгу!—кричитъ отецъ и, получивъ ее отъ няньки, у которой она всегда была наготовѣ, награждаетъ меня надлежащимъ количествомъ ударовъ.

Послѣ меня слѣдовалъ осмотръ ногтей у Васи. У него они тоже были всегда обгрызаны. Прежде, когда онъ былъ еще настолько малъ, что его нельзя было сѣчь, наказаніе получала я одна, но потомъ, когда онъ подросъ, насъ обоихъ укладывали послѣ осмотра на неизмѣнный диванъ и воздавали дол-жное.

Иногда, кромѣ «сѣченія», производилась еще отцомъ «стрижка». Всѣхъ насъ по очереди усаживалъ отецъ на стулъ и «обкарнывалъ», какъ онъ выражался, «подъ гребенку». Какъ теперь вижу его передъ собой... съ какой любовью совершалъ онъ эту операцію. Посадить кого-нибудь изъ насъ на стулъ, закрыть простыней и

начинаетъ. Кого обстрижетъ, того мама сажаетъ въ ванну и моетъ.

Мы ужасно любили «стрижку» и, если въ этотъ день не было «сѣченія», то были вполне счастливы и довольны.

Помню одинъ комичный эпизодъ во время «стрижки». Надо вамъ сказать, что нашъ отецъ былъ очень горячъ и за малѣйшую провинность шлепалъ насъ или дралъ за «вихры», такъ что стрижку мы любили не за одно только развлеченіе, а за то, что наши «вихры» отдохнуть нѣсколько времени.

Вотъ разъ, въ одну изъ субботъ, отецъ обстригъ Васю такъ коротко, что не за что было уцепиться. Мальчикъ гладилъ, гладилъ себя по бритой головѣ, потомъ сталъ щипать за волосы. Видя, что ничего захватить не можетъ, онъ подошелъ къ отцу, лукаво улыбаясь.

— Ты что?—спросилъ отецъ.

Вася ухмыляется.

Отецъ вскинулъ на него глаза.

Вася подошелъ и поддразнивающимъ голосомъ сказалъ:

— А волосей-то и нѣту!

Этимъ онъ хотѣлъ сказать, что волосы такъ коротко острижены, что драть не за что. Рожица мальчика была такъ комична, когда онъ это говорилъ, что отецъ отъ души расхохотался.

— Ахъ ты пострѣлъ! Радъ, что не за что драть! Нѣтъ вихровъ?! погоди, вотъ отрастутъ, еще больше выдеру!

Добродушіе на нашего отца находило очень рѣдко, въ большинствѣ случаевъ мы и видѣли-то его только тогда, когда надо было кого-нибудь высѣчь, нашлепать или наказать. Онъ былъ для насъ вѣчнымъ пугаломъ. Въ особенности доставалось отъ него мнѣ. А, если сказать правду, я его одного только и боялась.

Помню такой случай. Что-то я напроказила, мама хотѣла меня наказать, я забилась подъ диванъ. Мама хотѣла меня достать оттуда, я стала барабанить ногами и отбиваться. Подошла бабушка и тоже была отбита. Бабушкѣ тогда было 50 лѣтъ; она была толстая, грузная, ей было очень тяжело нагнуться. Мама въ то время была не тоньше бабушки. Онѣ обѣ цѣлый часъ возились со мной. Но вотъ послышался голосъ отца, и я моментально выско-чила изъ-подъ дивана. Конечно, мнѣ отъ него сильно досталось.

Вообще, я была ужасный пострѣлъ и забіяка. Сестру Нину, которая была очень тиха и кротка, я вѣчно обижала. Разъ, помню, играли мы съ ней въ куклы. Кукла была съ фарфоровой головой. Я стала ее вырывать, Нина не давала; завязалась

— А волосей-то и нѣту!

драка. Мнѣ удалось, наконецъ, вырвать куклу изъ рукъ сестры, и я со всей силы ударила ею Нину по головѣ. Та побѣжала жаловаться отцу. Видя, что дѣло плохо и неминуемо послѣдуетъ наказаніе, я убѣжала и задумала спрятаться. Подвернулся на дворѣ кустъ съ крапивой; я въ него. Усѣлась, сажу. Слышу—меня ищутъ. Я притаилась.

Отецъ прошелъ мимо, не замѣтивъ меня.

— Слава Богу!—думала я,—авось не найдутъ, а тамъ, просижу до вечера... папа уѣдетъ, а на завтра у него сердце отойдетъ!

— А! вотъ ты гдѣ, проказница,—раздалось надъ моимъ ухомъ.

— Няня! Молчи! ради Бога молчи!

— Чего молчи! Вѣдь ты, почитай, въ кровь голову сестрицѣ-то расшибла! Ужо тебя пупашенька-то!...

Услыхалъ «пупашенька», подошелъ, да, не долго думая, меня крапивою и высѣкъ.

ГЛАВА II.

Мои проказы.

Было это лѣтомъ. Мнѣ было четыре года. Играли мы около крыльца и собирали камешки. Попался мнѣ гладенькій, хорошенькій. Я, недолго думая, запихала его себѣ въ ухо.

Прошелъ день, другой.

Какъ-то утромъ, когда мама, по обыкновенію, заказывала повару кушанье, я вертѣлась около нея. Отпустивъ повара, мама обратила на меня вниманіе.

— Что это, Нюта, какія у тебя грязныя уши! — сказала она, — дай, я почищу.

Говоря это, она посадила меня на колѣни и стала чистить въ ухѣ шпилькой. Что-то застучало подъ ея рукой.

— Что это, Нюта, у тебя въ ухѣ? Слышишь стучить? — спросила меня мама.

— А я туда маленькій кругленькій камешекъ запихала, — сказала я.

— Ахъ ты, глупенькая! Да развѣ это можно? Вѣдь ты глухая будешь!

Я смотрѣла на маму въ изумленіи. Позвали кучера, велѣли заложить пролетку и повезли меня къ городъ.

— Куда мы ѣдемъ, мама? — спросила я.

— Въ городъ, къ доктору, онъ тебѣ вынетъ изъ уха камешекъ. Ты дашь, вѣдь?

— Дамъ, буду умница, — обѣщала я, радуясь поѣздкѣ въ городъ.

Пріѣхали къ доктору.

Докторъ, Матвѣй Ивановичъ Бурцевъ былъ маленькаго роста, толстый-претолстый, съ огромнымъ животомъ. Только что онъ подошелъ ко мнѣ, хотѣлъ пощупать щипчиками далеко ли у меня засунуть камешекъ, какъ я забарахтала и руками и ногами и заорала во все горло.

— Надо ей связать руки, иначе я ничего не могу сдѣлать! — сказалъ докторъ.

Завязали мнѣ руки назадъ полотенцемъ. Только что докторъ взялъ въ руки щипчики и хотѣлъ вытащить камень, какъ я высвободила руки и отколотила его по животу, что было силы.

— Нѣтъ, сударыня, я ничего не могу сдѣлать съ вашей дочкой! Это какой-то бѣсенокъ! — вскричалъ разсерженный докторъ.

— Такъ, по крайней мѣрѣ, одолжите мнѣ ваши щипчики, — просила мама, — я сама попробую вытащить камень.

— Сдѣлайте одолженіе, съ удовольствіемъ, — согласился докторъ, — только врядъ ли вамъ это удастся, она вертится какъ угорь!

Щипчики были получены, и мы поѣхали домой.

— Что-то будетъ мнѣ отъ папы? — думала я, — Навѣрно, высѣчетъ...

Пріѣхали домой.

Мама прошла къ отцу въ кабинетъ. Они что-то долго совѣщались. Слышу — идутъ! Отецъ молча подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку и повелъ въ спальню, притворивъ за собой дверь. Дѣти было сунулись смотреть.

— Маршъ всѣ прочь! — закричалъ отецъ на нихъ.

Онъ велѣлъ подать гладильную доску.

— Что это будетъ? Зачѣмъ ему гладильная доска понадобилась?---соображала я.

Сердце мое стучить, но я не плачу, жду, что будетъ дальше.

— Валентина, — говоритъ отецъ мамѣ, — достань изъ комода кусокъ холста.

Мама осторожно, какъ только могла, вытащила предательскій камешекъ.

Достали холстъ.

— Ну! теперъ раздѣвайся! — приказалъ отецъ.

Я вижу, что розги нѣтъ, значить, не сѣчь, и не реву. Гладильную доску положили на два стула, меня, раздѣтую до рубашки, положили на доску и обмотали, то-есть спеленали туго-на-туго холстомъ отъ самыхъ плечъ до ногъ такъ, что я не могла шевельнуться. Голову отецъ крѣпко сжалъ руками.

— Ну, Валентина, тащи камень, авось не вырвется теперь.

И мама осторожно, какъ только могла, вытащила предательскій камешекъ, надѣлавшій столько хлопотъ. А я такъ кричала, что посинѣла вся. Меня развязали, и мама стала меня утѣшать, чѣмъ только могла. Она давала мнѣ и дыни и арбуза, но я ни на что не хотѣла смотрѣть и продолжала метаться по постели и ревѣть, какъ сумасшедшая. Отецъ хотѣлъ, было, усмирить меня шлепками, да мама воспротивилась.

— Оставь ее,—сказала она,—и безъ того ребенокъ испуганъ, измученъ...

Такъ я и избавилась на сей разъ отъ наказанія.

Помню еще одинъ случай.

Была у меня кукла, которая стояла, надѣваясь на колъ. Пошли мы разъ всей гурьбой провожать гувернантку, которая собиралась въ городъ. Всѣ мы бѣжали около нея, я съ куклой въ одной рукѣ, съ коломъ въ другой.

— Надѣнь куклу на колъ! — закричала мнѣ няня,— упадешь, наколешься!

— Не наколюсь! — вскричала я и побѣжала во всю мочь.

— А вотъ я ее догоню и отниму у нея колъ! — закричалъ Митя и бросился въ погоню за мной.

Услыхавъ за собой Митю, я удвоила силы и пустилась со всѣхъ ногъ. Сколько ни кричала няня, ничего не помогало: я неслась, что было духу. Какъ ни старался Митя, не могъ меня догнать.

Но вотъ подъ ноги мнѣ попалась кочка, я споткнулась, упала и коломъ попала прямо въ глазъ.

Раздался крикъ.

Гувернантка, няня, дѣти, всѣ бросились ко мнѣ. Я держала рукой правый глазъ и кричала во все горло.

— Да открой ты глазъ-то! — умоляла няня. — Батюшки мои! да никакъ она глазъ-то вовсе проколола, кровь течеть! — вскричала она, когда я отняла руку.

Оказалось проколото вѣко, но глазъ былъ закрытъ, изъ него текла какая-то розоватая жидкость. Такъ какъ я плакала и кричала во все горло, а глаза открыть не могла, то никто не могъ понять цѣлѣ ли глазъ или поврежденъ.

Няня помочила платокъ въ какой-то лужицѣ, завязала мнѣ глазъ, и, подхвативъ меня на руки, поспѣшила домой. Мама, увидавъ меня съ завязаннымъ глазомъ и кричащей во все горло, страшно перепугалась. Она попробовала было посмотрѣть глазъ, но я не давала.

Велѣли тотчасъ же запречь лошадь, чтобы ѣхать въ городъ. Одѣли меня, усадили и повезли къ любимому моему доктору, котораго я обѣщала слушаться.

Пріѣхали.

— А! да никакъ это мой ёршикъ себя такъ искалѣчилъ! — встрѣтилъ меня, смѣясь, докторъ. — Ну-ка! Покажи, покажи глазокъ.

Онъ поднялъ меня на руки, уложилъ на диванъ и сталъ разсматривать глазъ.

Я внимательно за нимъ слѣдила.

— У-у-у! Да глаза-то вовсе и нѣтъ! Вмѣсто глаза—дырка.

— Нѣтъ! Не правда! А вотъ тутъ есть! — И я пальцемъ ткнула въ глазъ.

— Не тронь, не тронь глазокъ, шалунья! А то и вправду будетъ дырка, надо заклеить.

— А я не дамъ!

— А не дашь, безъ глаза будешь! Провалится! Послушай, ёршикъ, будь умница, закрой глазокъ, я его заклею и пройдетъ, — уговаривалъ меня добрякъ.

Онъ взялъ какую-то тряпочку, на которой было намазано что-то желтое, разрѣзалъ на узенькія полоски и разложилъ ихъ на столѣ.

— Ну, ёршикъ! теперь смирно! Закрой глазокъ!

Я закрыла. Онъ нагрѣлъ на свѣчкѣ полоску и наложилъ на закрытый глазъ.

— Ну, смотри же, не открывай глазъ, отклеится!

Онъ потянулся за другой полоской, лежащей на столѣ, а я тѣмъ временемъ тихонько пріоткрыла глазъ. Полоска съехала.

— Ахъ ты разбойница! За это конфетъ тебѣ не дамъ! — говорилъ докторъ сердитымъ тономъ, но я ясно видѣла, что ему хочется смѣяться.

Онъ осторожно положилъ вторую полоску и поправилъ первую. Долго возился онъ со мной, пока не заклеилъ весь глазъ рѣшеткой изъ полосокъ пластыря.

— Ну вотъ и умница! — сказалъ онъ, кончивъ работу. — Вотъ тебѣ за это конфетъ! Теперь везите ее домой, черезъ два дня я заѣду. Смотри же, ёршикъ, не отлѣпляй, будь пай!

— А Москву?

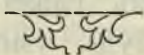
— Какую Москву? А! я и забылъ!

Онъ схватилъ меня обѣими руками за голову и высоко приподнялъ. Я держалась за его руки и, болтая ногами въ воздухѣ, визжала отъ удовольствія.

— Будетъ вамъ ее тѣшить, она не стоитъ, шалунья! — сказала мама. — Ну, ѣдемъ домой, пора. Скоро папа вернется къ обѣду.

Мы уѣхали.

«Достанется мнѣ отъ папы или нѣтъ?» думала я всю дорогу.

ГЛАВА III.

Малютка Катя.

Катя, наша меньшая сестрица, была общей любимицей.

Эта хорошенькая, бѣлокурая, голубоглазая дѣвочка, вѣчно болтливая и веселая, забавляла весь домъ. Ей не было еще и двухъ лѣтъ, а она уже умѣла строить изъ кубиковъ домики и складывать картинки. Больше всего она любила большую складную картинку, которую ей подарили на рожденіе. Картина изображала русскую бабу, сидящую за прялкой. На бабѣ былъ розовый сарафанъ, обшитый галуномъ, на головѣ кокошникъ, на шеѣ бусы. Въ другомъ углу картины сидѣла на полу дѣвочка и кормила кроликовъ капустой. За этой-то картиной мы всего чаще видѣли свою любимицу. Усядется на свой стуликъ, возьметъ коробку и начнетъ складывать. Кто-нибудь изъ насъ подойдетъ, да и положитъ ей кусочекъ вверхъ ногами.

Катя складываетъ кубики.

— Катичка, сюда?

— Нѣтъ, не сята! — скажетъ и повернетъ какъ слѣдуетъ.

Это насъ очень забавляло.

Возьмемъ да ноги къ головѣ и приложимъ.

— Нѣтъ, это нозки! — скажетъ она и положить по-своему.

Никто никогда не слыхалъ ея плача; напротивъ, она и надъ нами потѣшалась, когда мы плакали.

Мама часто наказывала насъ за шалости, — усаживала въ кругъ на стульяхъ или ставила въ уголь. Сидимъ мы. Катичка придетъ, сдѣлаетъ намъ ручкой и скажетъ:

— Здластуйте, гости! Не хотите ли цаю?

Мы засмѣмся и перестанемъ плакать. Потомъ пойдеть къ мамѣ.

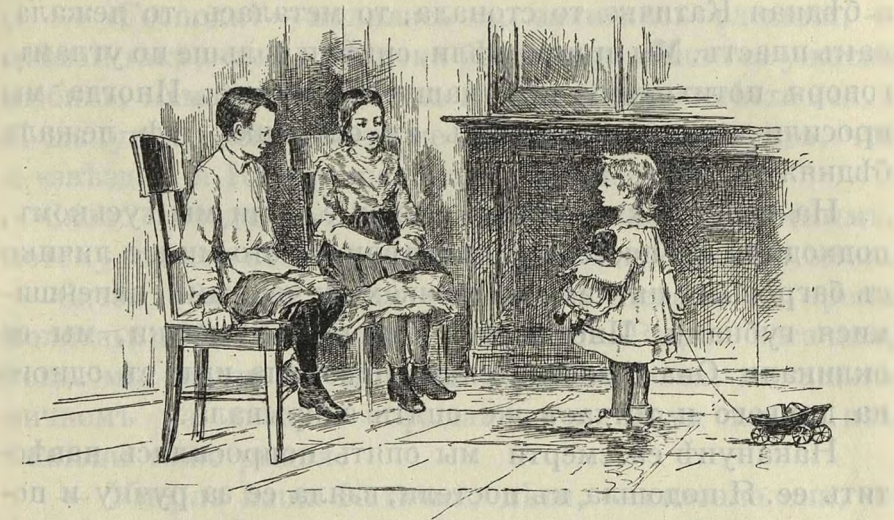
— Мамочка! пости ихъ, они босли не будутъ! — И при этомъ скорчитъ такую уморительную рожицу, что мама смилуется и проститъ насъ.

Эту милочку всѣ въ домѣ обожали, а больше всего отецъ. Когда онъ бывалъ въ домѣ, то больше всего забавлялся и игралъ съ ней. Послѣ обѣда, когда онъ имѣлъ обыкновеніе надѣвать халатъ и ложиться на диванъ отдохнуть, Катя всегда бѣжала къ нему, ложилась съ нимъ на диванѣ, болтала, рассказывала ему свои «казоцки» (сказочки) и заставляла и отца ей что-нибудь рассказывать.

Но не долго этой дѣвочкѣ суждено было быть краснымъ солнышкомъ для отца и для всѣхъ насъ.

Разъ какъ-то, лежа на диванѣ около отца, она неловко повернулась и упала съ него прямо на ножку столика, стоявшаго у дивана. Столикъ былъ о трехъ ножкахъ и на каждой было по круглой шишечкѣ. Объ эту-то шишечку и пришлось бѣдной Катѣ удариться затылкомъ. Въ другой разъ она только посмѣялась бы, такъ какъ вообще не любила плакать. Если ей слу-

чалось падать, то она сейчас же вскакивала, начинала топтать ножкой, приговаривая: «у! гадкій, бека полъ, усибъ бѣдную Катю». Теперь же она почти цѣлый часъ плакала и жаловалась на боль. Головку ей намочили холодной водой и завязали платкомъ. Какъ теперь помню эту милую рожицу съ торчащими кверху кончиками платка. Мы всѣ не могли налюбоваться на неё и поочередно подходили прикладываться то къ щечкѣ, то къ ручкѣ. Ночью сдѣлался жаръ; утромъ послали за Бурцевымъ.

— «Здластуйте, гости! Не хотите ли цаю»?

Онъ пріѣхалъ, посмотрѣлъ ее, потомъ потребовалъ чайную ложку и сталъ смотрѣть въ горлѣ. Какъ жалко намъ было бѣдной Катички! Какъ она плакала, кричала, отбивалась, когда Бурцевъ запихалъ ей всю ложку въ ротъ.

— Горлышко совсѣмъ чистое, — сказалъ онъ, — можетъ быть, это лихорадка или легкая простуда, ничего серьезнаго.

Но къ вечеру Катя уже не вставала съ постели, у ней начался бредъ.

— Сильнѣйшее воспаленіе мозга, — сказалъ Бурцевъ, пріѣхавшій на другой день, и немедленно велѣлъ положить на голову пузырь со льдомъ. Онъ сталъ доискиваться причины и когда ему сказали, что дѣвочка упала съ дивана и ударилась затылкомъ о шишечку стола, онъ покачалъ головой.

— Какимъ мѣстомъ? — спросилъ онъ.

— Немного повыше шеи, — отвѣтила мама.

— Плохо, очень плохо, — проворчалъ онъ.

Цѣлую недѣлю ѣздилъ онъ утромъ и вечеромъ, а бѣдная Катичка то стонала, то металась, то лежала, какъ пласть. Мы присмирѣли, сидѣли больше по угламъ, говоря потихоньку про нашу любимицу. Иногда мы просили маму свести насъ въ спальню, гдѣ лежала бѣдняжка.

На цыпочкахъ, затаивъ дыханіе, шли мы гуськомъ, подходили къ постели и смотрѣли на это милое личико съ багровыми пятнами на щечкахъ и черными, запекшимися губками. Иногда она открывала глазки, мы ее окликали. Она безсознательно поводила ими съ одного на другого и тотчасъ же опять закрывала.

Наканунѣ ея смерти мы опять попросились навѣстить ее. Я подошла къ постели, взяла ее за ручку и поцѣловала. Она долго, пристально глядѣла на меня и заговорила:

— Отдай мнѣ куклю, зацѣмъ ты зяла, я сама хочу игать!..

— Я не брала твою куклу, Катичка, — сказала я.

— Нѣтъ, зяла, вонъ она, тама.

И малютка указывала на стѣну. Очевидно, она бредила.

— Бека, Нюта, отдай куклю!

— Сейчасъ я тебѣ ее принесу, милочка.

И, заплакавъ, я выбѣжала изъ комнаты. Когда я вернулась съ куклой, Катичка лежала уже съ за-

крытыми глазами. Я положила тихонько куклу около нея. Она не шевельнулась. Мама стояла около ее кровати и плакала.

На другой день, только что мы встали и стояли на молитвѣ, вошла мама. Глаза ее были опухшіе, слезы такъ и текли по щекамъ.

— Молитесь, дѣти, молитесь за Катю; быть можетъ, Господь услышитъ вашу молитву!..

Она встала на колѣни и, горько рыдая, стала читать молитву, которую мы повторяли за ней.

— «Господи! — молилась я, заливаясь слезами, — сдѣлай такъ, чтобы Катичка была жива. Папа ее ужасно любить, мама тоже... Пусть лучше я умру вмѣсто нея... Я шалунья, меня никто не любитъ, всѣ говорятъ, что я «звѣзда», а Катя умненькая, хорошенькая»...

Слово «звѣзда» представлялось мнѣ чѣмъ-то ужаснымъ, потому что его всегда упоминали, когда бранили меня.

Слезы обильно текли у меня по щекамъ во время молитвы... Но она не была услышана. Въ два часа дня, когда мы вошли въ залу, мы увидали отца, лежащаго ничкомъ на диванѣ и рыдающаго. Мама вышла изъ спальни тоже рыдая.

— Умерла наша Катичка, дѣти, — сказала она, — нѣтъ больше нашей Катички!..

— А гдѣ она? — наивно спросилъ маленькій Вася, которому слово смерть, очевидно, было непонятно. Мы пошли въ спальню. Дѣвочка лежала на постели, глазки ее были закрыты, губки почернѣли, носикъ сдѣлался остренькій и все личико было бѣлое.

— Она спитъ, мама, а ты сказала умерла! — сказалъ Вася, — трогая ее пальчиками.

— Да, спитъ и никогда больше не встанетъ, ее въ гробикъ заколотятъ, въ землю зароютъ!..

— Не надо въ землю... не хочу въ землю... — плакалъ Вася, — я люблю Катичку, она милая...

Дѣвочку одѣли въ розовое платьице, положили на столъ, убрали цвѣтами. Мы цѣлый день ходили кругомъ стола, сидѣли около, трогали ее за ручки и цѣловали въ лобикъ, а Вася все приговаривалъ:

— Не надо Катичку въ землю... Она такая хорошенькая...

Онъ поцѣловалъ ее въ ручку.

— Холодная Катя! Не хочу цѣловать!

И малчикъ закрылъ ручкой губы, какъ бы стараясь согрѣть ихъ и спасти отъ холоднаго прикосновенія.

На другое утро проводили мы свою любимицу на кладбище и горько плакали, когда гробикъ опустили въ могилу и засыпали землею.

— Гадкіе мужики, милую Катичку въ яму закопали, — говорилъ, плача, Вася, возвращаясь съ кладбища. — Пусть бы она на столикѣ лежала съ цвѣточками... она такая хорошенькая, я ее люблю.

Долго не могли мы забыть свою любимицу. Долго повторяли мы всѣ ея милыя «казоцки» и берегли ту картинку, которую она такъ любила и такъ мило складывала.

ГЛАВА IV.

Первая гувернантка.

— Ужо будетъ вамъ баклуши-то бить, да озорничать, — сказала однажды няня, входя въ дѣтскую. — Сегодня «гувернантка» пріѣдетъ. Семень, ишь, въ городъ за ней поѣхаль.

Мы притихли.

— Ужотка она васъ приструнить, гувернантка-то, а то ужъ моченьки моей нѣту ти съ вами... сладу никакого... — ворчала няня.

— Да что ты, право, няня, что мы тебѣ дѣлаемъ? Какая ты, все-то ворчишь!

— Ну, ужъ ты-то, звѣзда, молчала бы лучше, — отрызнулась на мои слова няня. — Ты-то самое зелье-то и есть. Ужо будетъ тебя гувернантка-то еже день наказывать.

— Анъ, не будетъ! Я хорошо буду учиться, и не будетъ наказывать! — поддразнивала я няню.

— Увидимъ, ужотка! — ворчала няня и взялась за вязанье чулка.

— Ахти, Господи, да кто же это у меня всѣ петли-то попускаль? Это, гляди, ты озорница?!

— Да я, няня, повязать тебѣ хотѣла, — оправдывалась я. — Дай подыму?

— Уйди ты лучше отъ грѣха, сама подыму. — И няня, ворча, надѣвала очки и усаживалась поднимать петли.

— Пойдемте-ка лучше на дворъ! Будемъ въ солдаты играть, пока еще не пріѣхала гувернантка, — сказалъ Митя и мы всѣ убѣжали.

Митя, насъ выстроилъ. Игра состояла въ томъ, что мы становились въ рядъ, спиной къ нему, а онъ былъ непріятель и бросалъ въ насъ комки глины, — «убиваль», а мы должны были падать мертвые. Когда дошелъ мой чередъ быть непріателемъ и убивать, я бросила въ спину Митѣ такой громадный камень, что онъ, вмѣсто того, чтобы умереть, обернулся съ крикомъ ко мнѣ.

— Вотъ тебѣ, дура! — закричалъ онъ. — Развѣ можно бросать такіе камни!

Я разревѣлась, игра разстроилась.

Устроили другую. Придумали бросать вверхъ маленькіе камешки и ловить ихъ. Я рѣшила, что бросать большіе камни веселѣй. Нашла камень, да не круглый, а острый и бросила его съ силой вверхъ. Камень попалъ мнѣ прямо въ темя. Искры посыпались изъ глазъ. Я вскрикнула и упала. Сбѣжались всѣ. Я лежала безъ чувствъ, изъ темени текла кровь.

— Господи! — воскликнула няня, — и что это за творенье такое! Всѣ дѣти, какъ дѣти, а эта вѣчно что-нибудь да натворить!

Меня опрыскали водой. Я очнулась. Положили на голову компрессъ, уложили на кровать.

Въ эту минуту къ крыльцу подъѣхалъ экипажъ.

— Гувернантка! гувернантка! — закричали Митя и Вася и бросились къ крыльцу.

Изъ экипажа вышла молоденькая дѣвушка, лѣтъ двадцати, не больше. Ее встрѣтила мама.

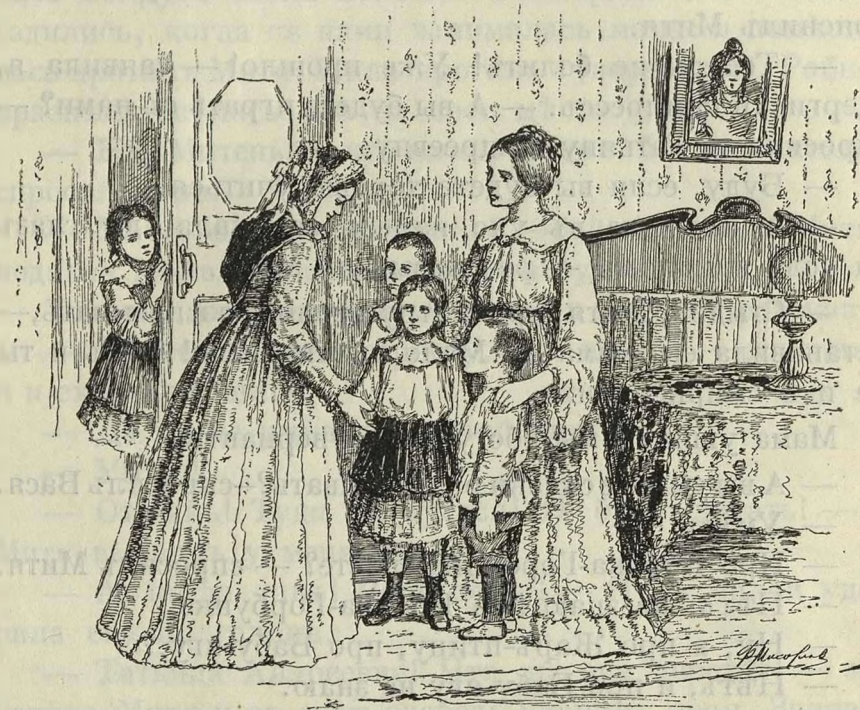
— Рекомендую вамъ вашихъ будущихъ учениковъ, — сказала она. — Вотъ Митя — старшій, Нина — вторая, а это младшій — Вася. Онъ еще малъ, ему учиться рано.

— Ахъ, какой милашка! — восторгалась гувернантка.

— А Нюта голову проломила, въ постели лежить, — отрапортоваль Вася. — Она шалунья, ее все шлепають.

— Какъ проломила голову? — ужаснулась Татьяна Андреевна. — Чѣмъ проломила?

— Бросила кверху большой камень, да и попала въ темя, — пояснила мама.

— Рекомендую вамъ вашихъ будущихъ учениковъ, — сказала мама.

А «шалунья» между тѣмъ не дремала. Не долго думая, вскочила съ постели, сбросила компрессъ и стала глядѣть въ приотворенную дверь на происходившее. Услыхавъ, что рѣчь идетъ обо мнѣ, я, боясь, что всѣ явятся въ дѣтскую, быстро легла на постель и надвинула компрессъ на голову.

— Вотъ моя вторая дочь, — обратилась входя мама къ гувернанткѣ, — посмотрите, что она съ собой сдѣлала! По этому вы можете судить, какая она у насъ смиренная...

Говоря это, мама приподняла съ головы компрессъ.

— Ахъ, Боже мой! Какой ужасъ! — воскликнула гувернантка. — Бѣдная крошка, ей, должно быть, очень больно!

— А кто жъ ей велѣлъ! Мы играли, бросали маленькіе камешки, а она взяла да большой бросила, — пояснилъ Митя.

— Теперь не болитъ! Уже прошло! — заявила я, сдергивая компрессъ. — А вы будете играть съ нами? — спросила я Татьяну Андреевну.

— Буду, если вы будете хорошо учиться.

— А она еще въ ухо камень запихала, да глазъ на колъ наколола, — рассказывалъ Митя.

— Стыдно, Митя, про сестру дурное рассказывать, — остановила его мама. — Мало ли что было! Вѣдь и ты не изъ смиренныхъ.

Мама ушла, а мы обступили гувернантку.

— А вы умѣете сказки рассказывать? — спросилъ Вася.

— Умѣю.

— Про Конька-Горбунка знаете? — спросилъ Митя.

— Нѣтъ, не знаю про Конька-Горбунка.

— Ну, а про Жаръ-птицу, про Бабу-ягу?

— Нѣтъ, и про Бабу-ягу не знаю.

— Что же вы послѣ этого за гувернантка, коли ни про Конька-Горбунка, ни про Жаръ-птицу не знаете?! Это няня наша и та знаетъ?! — разсердилась я.

— Да вѣдь гувернантка не для того, чтобы сказки рассказывать, а для того, чтобы учить! — остановила меня благоразумная Нина.

— Ты всегда со своими выговорами! Я знаю, что гувернантка должна учить, но и сказки должна знать! — волновался Митя.

Слыша такія рѣчи, бѣдная Татьяна Андреевна растерялась и не знала, что ей дѣлать. По счастью, ее позвала мама пить чай и показать ея комнату. А мы между тѣмъ рѣшили, что гувернантка ничего не знаетъ и мы ее слушаться не будемъ.

На другой день началось ученіе.

Бойко взяли мы свои книги и тетради и расположились вокругъ стола въ томъ же порядкѣ, въ какомъ сиделись, когда съ нами занималась мама: я помѣстилась противъ Мити, Нина противъ гувернантки. Робко, краснѣя, усѣлась она на свое мѣсто.

— Ну, Митенька, что же вы знаете? Умѣете читать? спросила она.

— Умѣю, вотъ въ этой книгѣ, — бойко сказалъ Митя, подавая до-нельзя истрепанную азбуку.

Татьяна Андреевна взяла книгу и выбрала рассказъ.

— Дайте я прежде прочту, онъ послѣ! — вскочила я и схватила книгу.

-- Да ты не умѣешь въ этой книгѣ!

— Умѣю!

— Отстань! Туда же суется! Я буду читать! — и Митя вырвалъ у меня книгу.

— А, когда такъ! Вотъ тебѣ!! — Я съ силой ударила его по головѣ.

— Татьяна Андреевна! Что же она дерется! — заревѣлъ Митя и въ свою очередь ударилъ меня. Завязалась драка.

— Митенька! Нюшенька! Какъ это можно! А мамаша придетъ! Что она скажетъ! — лепетала несчастная гувернантка, стараясь разнять насъ. Кое-какъ ей это удалось.

Митя сталъ читать. Бойко прочелъ онъ рассказъ, не останавливаясь ни на запятыхъ, ни на точкахъ. Татьяна Андреевна ни разу его не остановила. Рассказъ шелъ о томъ, какъ одинъ мальчикъ грызъ ногти

и такъ сильно задралъ заусеницу, что у него сдѣлался Антоновъ огонь и пришлось отрѣзать палець.

— А это что такое, Татьяна Андреевна, Антонъ и фাগонъ? — спросила я.

— Я... я... душенька, не знаю... должно быть такъ мальчика звали, — отвѣтила мнѣ она.

— Что вы, Татьяна Андреевна! Звали мальчика! Тутъ написано: съ нимъ сдѣлался Антонъ и фাগонъ, — возразила я.

— Эхъ ты! Антонъ и фাগонъ! Развѣ такъ! Антоновъ огонь, а не фাগонъ! Сама ты фাগонъ! — дразнилъ меня Митя и показалъ мнѣ языкъ.

— Да что ты дразнишься: я мамѣ скажу!

— Мамѣ скажу-у! — передразнилъ меня Митя. — Ябедница! длинный языкъ! длинный языкъ!

На эту сцену вошла мама.

— Это что такое! Такъ-то вы учитесь? Татьяна Андреевна, какъ же вы позволяете?

— Митенька, Нюшенька, команъ на ве ву па хонтъ! *)—воскликнула несчастная гувернантка, самымъ убійственнымъ образомъ выговаривая эту фразу. Очевидно, она училась французскому языку на мѣдныя деньги, какъ и всему остальному.

Водворивъ порядокъ, мама ушла. Начался урокъ ариѳметики. По тогдашней методѣ задачъ не дѣлали ни устныхъ, ни письменныхъ, а прямо задавали для сложенія и вычитанія цѣлый рядъ цифръ вершка въ два длиной. Выговорить такое число не было возможности. Тутъ были секстильоны, восьмилльоны и т. д. Такъ и на сей разъ. Митѣ было задано два длиннѣйшихъ числа для вычитанія, а Нинѣ три такихъ же для сложенія.

— Куда же вы задаете такіе длинные ряды, ихъ и выговорить нельзя! Сами, небось, не сумѣете выговорить, — грубо сказалъ Митя.

*) «Comment n'avez-vous pas honte!» («какъ вамъ не стыдно!»).

— Можно выговорить, Митенька, попробуйте. Что стоит на первомъ мѣстѣ?

— На первомъ — единицы, на второмъ десятки, на третьемъ сотни, на четвертомъ тысячи... — бойко отчеканилъ Митя до милліоновъ и запнулся.

— Дальше миліоновъ не знаю что, — сказалъ онъ. — Что на восьмомъ мѣстѣ?

— На восьмомъ бильоны, душенька.

— А вотъ и неправда! Я вспомнилъ! Десятки милліоновъ! Сами вы ничего не знаете. Давайте, лучше я вамъ покажу, какъ въ мельницу играть!

— Въ какую мельницу?

— А вотъ смотрите!

И Митя, взявъ грифельную доску, начертилъ на ней двѣ линіи на разстояніи двухъ вершковъ одна отъ другой и пересѣкъ ихъ двумя параллельными на такомъ же разстояніи. Вышла клѣтка.

— Я буду ставить кресты, а вы — нули... Только не давайте мнѣ три креста подъ рядъ ставить. Кто поставитъ подъ рядъ три креста или три нуля, тотъ и выигралъ. Въ томъ и игра состоитъ.

Татьяна Андреевна заинтересовалась мельницей, и, вмѣсто урока ариѳметики, завязалась игра.

И такъ съ перваго урока авторитетъ гувернантки былъ подорванъ, и мы себѣ уже и въ усъ не дули, что называется. Какъ только кому-нибудь изъ насъ надоѣдало учиться, мы складывали книги и приглашали ее «поиграть», на что она всегда охотно соглашалась. Въ концѣ концовъ дѣло дошло до того, что Митя сажился на нее верхомъ и заставлялъ ее возить себя по комнатѣ. Такъ шло до тѣхъ поръ, пока въ одинъ прекрасный день не вошла мама и не увидала этой картины. Понятно, что на другой же день нашу Татьяну Андреевну увезли обратно въ городъ, а намъ стали подыскивать другую гувернантку.

ГЛАВА V.

На свободѣ.

Цѣлыхъ три недѣли мы были предоставлены самимъ себѣ. Гувернантка не пріѣзжала, мама была нездорова, а бабушка предпочитала, чтобы мы болтались гдѣ-нибудь, лишь бы не слышать нашего крика.

То-то было намъ раздолье!

Быль іюль мѣсяцъ, стояла палящая жара. Съ самаго утра, напившись чаю, уходили мы въ лѣсъ, брали съ собой провизію и возвращались только къ обѣду. Шли мы втроемъ, такъ какъ маленькій Вася оставался съ няней дома. За каждымъ изъ насъ шло по провожатому. За Митей шелъ большой черный водолазъ Джальма за Ниной — индюкъ, а за мной — козель Васька.

Джальма былъ нашимъ любимцемъ. Отецъ купилъ его щенкомъ, онъ выросъ у насъ въ домѣ и былъ настоящимъ нашимъ товарищемъ. Но больше всѣхъ его любилъ Митя. Онъ шагу не могъ сдѣлать безъ своего Джальмы. Бѣда съ нимъ была во время купанья: Джальма никому не позволялъ войти въ воду, тотчасъ же бросался и тащилъ за что попало вонъ изъ воды. Приходилось или запираить его, или привязывать на веревку на берегу. И надо было видѣть, что съ нимъ тогда дѣлалось. Онъ визжалъ, лаялъ, бросался изъ стороны въ сторону съ такимъ неистовствомъ, что

На свободѣ.

часто обрывалъ веревку. Тогда онъ стремительно неся въ воду, хваталъ насъ за что попало и выволакивалъ на берегъ. Если же ему, несмотря на всѣ старанія, не удавалось оторваться, то онъ смиренно ложился, клалъ голову на лапы и жалобно вылъ, какъ бы прощаясь съ утопленниками. На гуляньяхъ онъ всегда несъ корзину съ провизіей въ зубахъ и ни за что не хотѣлъ отдать ее.

За Ниной по пятамъ слѣдовалъ индюкъ, который очень любилъ красную подкладку ея тальмы. Каждый разъ, когда вѣтеръ развѣвалъ ее, раздавалось: бль, бль, бль!! А за мной бѣжалъ козель, и нѣтъ, нѣтъ, да и боднетъ меня сзади рогами.

Такъ доходили мы до лѣсу, искали грибовъ, а затѣмъ садились завтракать. Противъ Мити сиделся Джальма, глядѣлъ ему прямо въ ротъ и вилялъ хвостомъ; противъ меня стоялъ козель, тряся бородой, а индюкъ расхаживалъ около, распустивъ хвостъ и издавая свое: бль, бль, бль! каждый разъ, какъ ему бросали кусокъ хлѣба.

Обыкновенно въ эти прогулки между нами были миръ и тишина. Мы такъ были рады остаться безъ надзора, безъ воркотни няньки, что даже бросили свои вѣчныя ссоры и драки. Митя былъ у насъ «папа», и мы его слушались и даже обращались къ нему съ этимъ именемъ.

Не долго, однако, длилось наше счастье: привезли намъ гувернантку, старую, сердитую и съ музыкой. Съ самаго утра, послѣ чѣю, засаживали насъ за фортепіано. Съ Ниной еще кое-какъ ладилось, но со мной рѣшительно было мученье, какъ выражалась Прасковья Ивановна. Да, но если ей со мной было мученье, то мнѣ съ ней и подавно. Я положительно не могла переваривать гаммъ и этихъ монотонныхъ этюдовъ въ пять нотъ. Какъ только раздавалось роковое: «*mademoiselle Annette, venez-jouer*¹⁾»—я въ слезы.

¹⁾ «Нюта, идите играть!»

Прасковья Ивановна приказывала считать, а я считать терпѣть не могла.

— *Comptez!*—раздавалось грозное приказаніе.

— *Comptez, je vous dis!* ¹⁾

Я начинаю вполголоса.

— Громче! *Plus haut!*

— Эйны, цвей-и, дрей-и; эйны, цвей-и, дрей-и!— начинаю я считать нараспѣвъ, сопровождая всхлипываніями. И такъ битыхъ полчаса раздавались въ залѣ монотонные звуки и плачь, пока терпѣніе Прасковьи Ивановны не истощалось и она не выволакивала меня съ табуретки за руку и не ставила въ уголъ. Приходилось стоять, пока не кончала урокъ Нина, и тогда снова на табуретъ и снова нараспѣвъ: эйны, цвей-и, дрей-и!

Кромѣ этихъ эпизодовъ съ музыкой, я какъ-то не особенно помню эту гувернантку. Она была такъ безцвѣтна, что не стоитъ и описывать это время. Скоро она отъ насъ уѣхала, а мы стали перебираться на новое мѣстожителство, на станцію Бологое, куда перевели отца. Немного спустя послѣ переѣзда наша семья увеличилась: у насъ родилась сестра Таня.

Новое мѣстожителство намъ очень понравилось.

Помню я большой, сѣрый, одноэтажный домъ въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ станціи и огромное озеро за садомъ. На другомъ берегу были расположены дачи и имѣнія богатыхъ помѣщиковъ. Въ особенности меня прельщало имѣніе, которое лежало прямо противъ нашего дома; мы не разъ ѣздили туда въ гости въ большемъ катерѣ, который отецъ купилъ вскорѣ по переѣздѣ въ Бологое. Въ это лѣто намъ было особенно весело. Гувернантки у насъ пока не было, и мы часто ѣздили по озеру, гуляли на свободѣ. Въ особенности было ве-

¹⁾ «Считайте, считайте, я вамъ говорю!»

село, когда прїѣзжали къ отцу его товарищи, инженеры. Чаще всего прїѣзжали трое: Оттъ, Маринъ и Некрасовъ.

Оттъ въ особенности меня любилъ. Какъ прїѣдетъ, такъ и кричить:

— А гдѣ мой «ёршикъ»?

Я прибѣгала, садилась къ нему на колѣни и начиналась потѣха. Чего, чего только онъ со мной не выдѣлывалъ!!! И «Москву» показывалъ, и на одной ногѣ качалъ, и на плечахъ носилъ... Но всего больше забавлялъ онъ меня французскими скороговорками.

— Ну, ёршикъ, повторяй за мной, да смотри скорѣй, какъ можно скорѣй!.. *Le riz tenta le rat... Le rat tenta le riz.*

Я стараюсь, но ничего сказать не могу.

— Ну, скажи: корабль лавировалъ, лавировалъ, да не вылавировалъ.

— И этого не можешь? Ну, я тебѣ полегче задамъ! Скажи: на дворѣ два дроворуба дрова рубятъ.

Но какъ я ни старалась выломать свой языкъ, ничего не выходило.

Другой товарищъ отца, Маринъ, жилъ въ Вышнемъ Волочкѣ. У него была дочь Оля, моя ровесница. Она росла одна и скучала. Часто Маринъ выпрашивалъ меня къ себѣ погостить и мама съ удовольствіемъ отпускала.

— Берите ее, — говорила она, — хоть немного отдохнемъ отъ ея шалостей и капризовъ.

— Что вы на нее нападаете! Она препослушная дѣвочка, — защищалъ меня Маринъ. — Ну, Нютка, будешь умница? Не будешь шалить? Сказывай!

— Не буду, не буду! только возьмите! — упрашивала я.

Какъ я любила эти поѣздки! Уѣзжали мы, обыкновенно, поздно вечеромъ, садились въ купѣ съ мягкими диванами, по которымъ я прыгала отъ радости. Спать я

не ложилась, а стояла у окна и смотрѣла на искры, снопомъ вылетавшія изъ паровоза.

— Нютка! ты у меня смотри, головы не высывай!—говорилъ мнѣ Маринъ,—искры налетятъ въ глаза.

Пріѣзжали мы въ Вышній-Волочекъ ночью. Меня укладывали спать.

— Спи же, Нютка, спи, — говорилъ мнѣ Маринъ.— Завтра Оля-то какъ обрадуется! Она и не знаетъ, что я тебя выпросилъ!

— Не отсылайте меня долго, долго!.. Мнѣ такъ здѣсь хорошо! — говорила я, ласкаясь къ Марину.—Я буду умница, послушная!..

— Ну, хорошо, хорошо! А теперь спи!

И онъ укрывалъ меня одѣяломъ. Довольная и счастливая, я засыпала.

На другой день, какъ только я просыпалась, являлась на мою кровать Оля, еще не одѣтая. Начинались объятія, поцѣлуи; радости и восторгамъ не было конца. Мы играли и возились до тѣхъ поръ, пока не приходилъ Маринъ и не разгонялъ насъ одѣваться.

Напившись чаю, онъ сажалъ насъ по очереди на качели и качалъ. Качели были повѣшены въ дверяхъ его кабинета.

— Скажи мнѣ, Нютка, отчего ты у насъ всегда такая послушная и умница, а дома на тебя всѣ жалуются? — спросилъ онъ меня какъ-то.

— Вотъ отчего, дядя Петя, я вамъ сейчасъ все объясню: вы здѣсь всѣ меня любите, мнѣ весело, а дома всѣ меня бранятъ и раздражаютъ.

— Ахъ ты, пострѣлъ этакій! Ее раздражаютъ! Молоко еще на губахъ не обсохло, а туда же!.. Откуда ты и слово-то такое знаешь?

— Знаю. Вы, вотъ, меня качаете, говорите со мной, а папа ни за что бы ни сталъ. Онъ меня совсѣмъ не любитъ. Онъ любитъ Митю и Нину. Бабушка все на

меня ворчитъ, одна мама ласкова со мной. Возьмите меня къ себѣ, дядя Петя, милый, голубчикъ! Оля у васъ, вѣдь, одна растеть, ей скучно, а у насъ дѣтей много, меня съ радостью отдадутъ.

И мы обѣ съ Олей повисли на шеѣ у Марина.

— Пойдите, пойдите, вы меня вовсе задушили!— говорилъ онъ, освобождаясь отъ нашихъ объятій.

— Такъ возьмете, возьмете меня? — приставала я.

— Да не отдадутъ тебя, глупенькая! Кто же отдаетъ дѣтей? Гостить — другое дѣло. А совсѣмъ не отдадутъ.

— Ну, такъ, по крайней мѣрѣ, не отвозите меня домой подольше, подольше, — умоляла я, снова цѣлуя его.

Мнѣ было здѣсь такъ хорошо, что какъ-то непріятно было думать о возвращеніи домой.

Въ послѣдній разъ мнѣ удалось прогостить въ Вышнемъ-Волочкѣ около двухъ недѣль. Вскорѣ послѣ моего пріѣзда заѣхалъ какъ-то по дѣламъ въ Волочекъ мой отецъ. Я ужасно боялась, чтобы онъ не увезъ меня домой, но Маринъ упросилъ его оставить меня, говоря, что я его развлекаю. Отецъ согласился не брать меня до пріѣзда гувернантки, которую ждали очень скоро, а я только того и желала, чтобы она подольше не пріѣзжала.

Здѣсь я была гораздо умнѣе и послушнѣе, чѣмъ дома, хотя бывали все-таки и тутъ проказы съ моей стороны. Тогда милый дядя Петя сажалъ меня къ себѣ на колѣни и усовѣщевалъ.

Разъ, помню, не поладили мы съ Олей изъ-за куклы; я отодрала ее за волосы, пихнула въ шкафъ съ платьемъ да и заперла на ключъ. Хорошо, что скоро пришла ея мама, а то она бы задохлась. Это была моя единственная провинность. Мнѣ было хорошо. Меня ласкали, баловали, дарили игрушки, а главное не бранили и не били.

Но пришелъ конецъ моему блаженству. Приѣхалъ отецъ и объявилъ, что приѣхала изъ Москвы гувернантка и чтобы я собиралась домой.

— Прощай теперь надолго, ершикъ! Теперь ужъ тебя не отпустятъ къ намъ, учиться засадятъ,—говорилъ Маринъ, прощаясь со мной.

Я плакала неутѣшно.

Я знала, что съ приѣздомъ домой начнется мое мученіе, засадятъ меня опять за уроки и за эти проклятыя гаммы, и начнется опять это невыносимое: эйны, цвей-и, дрей-и!!!

ГЛАВА VI.

Софья Александровна Рахманова.

Новую нашу гувернантку звали Софьей Александровной Рахмановой.

Когда я вспоминаю объ этой особѣ, то даже теперь, спустя пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ, мнѣ трудно подавить въ себѣ тяжелое, непріятное чувство. Это была не воспитательница, не наставница, а какой-то систематическій тиранъ. Казалось, она жила для того, чтобы придумывать намъ наказанія. Какъ теперь гляжу на нее... такъ живо въ моей памяти осталась ея фигура. Ей было лѣтъ двадцать пять. Она была высока ростомъ, стройна, худошава. Лицо у нея было очень выразительное; живые черные глаза и выющіеся черные волосы. Одѣвалась она всегда въ черное или сѣрое. Сѣрое ея платье мы особенно не любили, такъ какъ у насъ была примѣта, что она злѣе и взыскательнѣе, когда надѣвала его. Мы были очень рады, когда однажды вечеромъ она поставила свѣчу на стулъ, гдѣ висѣлъ лифъ, и подожгла его. Но увы!!.. Отъ этого она не стала добрѣй.

Ни одного дня не проходило безъ наказанія.

Начиналось утро. Вставали, одѣвались, умывались, становились на молитву.

— Lisez, mademoiselle Annette! — торжественно произносила Софья Александровна.

Я начинала. За малѣйшую запинку начиналась брань.

— Comment lisez vous? Recommencez!! ¹⁾

Я начинала снова, но языкъ меня не слушался. Отъ ежедневнаго чтенія одного и того же онъ у меня до того перемололся, что я читала такъ:

— Очи нашѣ! Ижи си на беси...

— Какъ ты читаешь? Какъ? Скверная дѣвчонка! безъ чаю! я тебя научу: «же си на беси!»

И я оставлялась безъ чаю.

— Отчего Нюта не пьетъ чаю?—спрашивала мама.

— Она дурно молитву читала.

Мама пробовала заступиться за меня, говоря, что молитву я выучу, но Софья Александровна настаивала, и я шла въ классъ голодная. Понятно, расположение духа было испорчено и уроки шли плохо.

Рѣдкій день мы не плакали и не стояли въ углу. Но бить насъ она еще не рѣшалась, такъ какъ мама часто заходила въ классъ послушать, какъ мы занимаемся.

Больше всего Софья Александровна свирѣпствовала за обѣдомъ. Она ставила за правило, чтобы все, что положено было на тарелку, было съѣдено. Никто не смѣлъ отговариваться нелюбовью къ какому-нибудь кушанью. Тогда поднималась цѣлая буря. Я особенно не любила супъ изъ риса, а Вася соусъ изъ рѣпы.

— Отчего ты не ѣшь супъ?—былъ строгій вопросъ.

— Я не могу,—отвѣчала я,—меня тошнить отъ него...

— Вздоръ! Чтобы все было съѣдено. Ничего больше не получишь, пока не съѣшь.

Я сидѣла надъ тарелкой, опустивъ голову.

— Ну-съ! Слышали вы, что я сказала?

¹⁾ Какъ вы читаете? Сначала!!

Я продолжала сидѣть неподвижно.

Супъ уже настолько остылъ, что отъ одного взгляда на него тошнило. Подали жаркое. Лакей хотѣлъ было взять мою тарелку, но Софья Александровна его остановила.

— Что же ты, такъ и не будешь ѣсть?

Она стремительно вытащила меня изъ-за стола, схватила тарелку съ остывшимъ супомъ и, впихнувъ меня въ дѣтскую, поставила на колѣни передъ стуломъ, на которомъ поставила тарелку.

— Стой же тутъ, пока не съѣшь!

Я плакала и отворачивала лицо отъ тарелки.

— Я заставлю тебя ѣсть! Ты будешь ѣсть!—кричала она и стала пихать мнѣ ложку въ ротъ.

Я зажала ротъ. Тогда она, разсвирѣпѣвъ окончательно, старалась силой разжать мнѣ зубы. Изъ рта показалась кровь. Я заревѣла.

— Зелье! Подлая тварь!—ругала она.—Не хочешь ѣсть! Будешь! Стой такъ до ночи!

Она ушла, а я стояла на колѣняхъ, обливаясь слезами.

— Злая! гадкая! Зачѣмъ она заставляетъ меня ѣсть! Если мнѣ противно! Если я не могу ѣсть! Кому польза отъ того, что я буду ѣсть этотъ отвратительный супъ!

Пришла мама.

— Нюта! Ты все еще стоишь за супомъ? Съѣшь же поскорѣй и тебя отпустить.

— Мама! Я не могу! Я этотъ супъ и горячій терпѣть не могу, а теперь онъ остылъ и какъ только я возьму въ ротъ ложку, меня рвать начинается.

И я зарыдала.

— Ну, полно, не плачь! Я пойду попрошу Софью Александровну, чтобы она тебя отпустила.

Мама пошла къ грозной гувернанткѣ, но ея заступничество не имѣло успѣха. Софья Александровна

сказала, что мама меня балуетъ и что она принуждена будетъ уѣхать. И мама, ничего не добившись, ушла въ свою комнату. А я стояла до ночи и безъ чаю легла въ кровать, напутствуемая шлепками разсвирѣпѣвшей Софьи Александровны.

— А все-таки вотъ не съѣла,—говорила я.—Сказала, что не съѣмъ, и не съѣла!!

Такое обращеніе развивало во мнѣ упрямство въ сильной степени. Я считала заслугой поставить на своемъ. Она меня колотитъ, а я въ умѣ твержу:

— Колоти, колоти, а я все-таки не сдѣлаю по-моему!

По натурѣ я была очень добрая дѣвочка, а она превращала меня въ какого-то звѣрька. Лаской можно было вить изъ меня веревки... Но, къ сожалѣнію, со мной держались совсѣмъ иной системы.

Съ Васей изъ-за рѣпнаго соуса выходила та же исторія, съ той только разницей, что онъ сразу начиналъ отчаянно ревѣть и, зажавъ ротъ рукой, не хотѣлъ ѣсть, а когда Софья Александровна заставляла его силой, то онъ выплевывалъ все на тарелку. Чаше всего отецъ, раздраженный его ревомъ, выгонялъ его изъ столовой, а соусъ выбрасывалъ въ окно.

И такъ въ слезахъ и наказаніяхъ проходили дни за днями.

Но это были цвѣточки... ягодки были впереди, — послѣ смерти мамы. Я опишу ее, какъ помню, а помню я все такъ же ясно, какъ будто это было вчера. Какъ смерть мамы, такъ и вся послѣдующая жизнь съ Софьей Александровной оставила глубокіе слѣды въ моемъ дѣтскомъ сердцѣ. Много горькихъ слезъ было нами пролито, и да будетъ стыдно этой безсердечной женщинѣ, что она такъ жестоко обращалась съ бѣдными сиротками, такъ рано оставшимися безъ родной матери.

ГЛАВА VII.

Смерть мамы.

Тепло, ясно. На крыльцѣ сидитъ мама и шьетъ. Я сижу около нея и внимательно слѣжу за ея работой. Она шьетъ голубенькое кисейное платьице для куклы. Скоро 11 августа, день моего рожденія.

— Это вѣрно мнѣ подарокъ,—думаю я. Платьице готово, мама укладываетъ его въ корзиночку. Пробыло четыре часа. Пришелъ папа къ обѣду. Мама вдругъ какъ-то вздрогнула и тихо вскрикнула.

— Мамочка! Что съ тобой? Что у тебя болитъ?—участливо спросила я.

— Голова очень болитъ,—отвѣтила мама.—Я пойду лягу, а ты, Нюта, поди и скажи, чтобы обѣдали безъ меня.

Мама ушла въ спальню и легла.

Послѣ обѣда мы пошли ее благодарить, какъ это было заведено. Она лежала на кровати, лицомъ къ стѣнѣ, и рука ея свѣсилась. Мы поочереды приложились къ рукѣ, она не шевельнулась.

Это и было наше послѣднее прощанье. Больше мы ее уже не видали, а увидѣли на столѣ.

Мы ушли въ дѣтскую. Черезъ полчаса за Софьей Александровной пришла няня, сказавъ, что мама зоветъ ее къ себѣ.

— Ваша мама захворала,—торжественно произнесла Софья Александровна, возвратясь.—Она призывала

меня, чтобы просить быть съ вами пострже и не давать шумѣть и беспокоить ее. Она пролежить долго.

— Что же такое съ мамой? Она была сегодня совсѣмъ здорова, — сказала я. — И зачѣмъ она просить васъ быть съ нами пострже. Вы и такъ строги.

...«На крыльцѣ сидитъ мама и шьетъ. Я сижу около нея и внимательно слѣжу за ея работою».

— А ты у меня поговори! Такъ я тебѣ покажу. Вотъ, для начала, за разговоръ, становись въ уголъ.

Я покорно встала и даже не заплакала; я думала о мамѣ. Остальныхъ засадили,—кого за книгу, кого за работу. Въ восемь часовъ вошла къ намъ няня.

— Съ братцемъ, дѣточки, поздравляю! Богъ прислалъ! Старушка нашла въ капустѣ и принесла.

Мы выскочили въ дѣвичью и увидали старушку, медленно прихлебывающую чай съ блюдечка, которое она держала на всѣхъ пяти пальцахъ.

— Бабушка! Гдѣ же братецъ? Когда ты его нашла? Покажи намъ!—обступили мы старушку.

Няня ушла и черезъ нѣсколько минутъ вернулась, неся что-то на рукахъ. Она отвернула одѣяло, и мы увидали маленькое, крошечное существо, копошившееся въ пеленкахъ.

— Какой малюсенькій! А ручки! ручки! Гляди, няня, онъ смотритъ! Глазки черненькіе!—кричала я, прыгая около няни.

— Тише ты, егоза! изъ рукъ вырвешь!—ворчала няня.

— Дай его поцѣловать хоть въ щечку!

— И мнѣ, и мнѣ!—раздавалось со всѣхъ сторонъ.

Расцѣловавъ поочереды крошечный кусочекъ мяса, мы ушли опять въ дѣтскую, и вскорѣ насъ уложили спать.

Мнѣ не спалось. Я думала о мамѣ и о крошечномъ существѣ... о томъ, откуда оно явилось.

— Значитъ и меня тоже нашли въ капустѣ. Кто же меня туда бросилъ? И развѣ всѣхъ дѣтей находятъ въ капустѣ?

Порѣшивъ завтра разспросить подробнѣе няню, я уснула. Ночью я поминутно просыпалась и поднимала голову. Каждый разъ я видѣла Софью Александровну, сидѣвшую за столомъ, подперевъ голову руками. Слышала я какой-то шумъ...

— Что ты все просыпаешься, Нюта? Спи!—сказала мнѣ Софья Александровна, прикрывая меня одѣяломъ. Мнѣ показалось, что она плачетъ.

На другой день было Преображенъе. Вошедшая утромъ няня принесла намъ темныя будничныя платья.

— Что это за гадость!—вскричала я.—Большой праздникъ сегодня, няня, а ты принесла надѣвать старыя, гадкія платья! Не хочу я ихъ надѣвать! Давай новыя, розовыя!

Няня подошла ко мнѣ, обняла меня и зарыдала.

Сердце у меня сжалось, ноги задрожали. Я поняла, что случилось что-то ужасное, и сама заплакала.

А случилось то, что въ двѣнадцать часовъ ночи мы стали сиротами.

Послѣ, когда я уже была постарше, узнала отъ няни, какъ все это случилось. Когда родился тотъ маленькій мальчикъ, котораго мы ласкали на рукахъ у няни, мама уснула спокойно, но въ 11 часовъ у нея сдѣлался жаръ. Послали за докторомъ. Онъ сдѣлалъ мамѣ какую-то операцію, но неудачно. Въ какіе-нибудь полчаса ея не стало. Она страшно металась по постели, звала насъ, просила отца любить и беречь ея малютокъ и умерла на его рукахъ.

Отецъ рыдалъ неутѣшно. Мы увидали его утромъ, стоящимъ у стола, на которомъ лежала мама.

Какъ живо я все это помню, точно это было вчера! Зеркала завѣшены, шторы спущены. Мама лежитъ блѣдная, худая, губы запекшіяся... На ней сѣрое шелковое платье, бѣлый чепецъ и красный бантъ на груди... Мы подошли. Слезы градомъ хлынули у меня изъ глазъ.

— Умерла наша мама! Вотъ она лежитъ холодная, неподвижная!.. Зароютъ ее въ землю, какъ Катичку, и мы никогда, никогда ее больше не увидимъ!.. Некому будетъ приласкать, некому заступиться за насъ!..

Такъ думала я, и громкія рыданія вырвались изъ груди моей. Нина стояла тутъ же и горько плакала. Очевидно, и ее одолѣвали тѣ же думы.

Принесли Таню, маленькую, двухлѣтнюю сестрицу. Увидавъ, что у мамы закрыты глаза, она погрозила намъ пальчикомъ и сказала:

— Тисе... дѣтки... мама пить!..

Маму долго не хоронили. Ждали пріѣзда тети Аняты, которая очень любила маму и хотѣла съ ней проститься. Меня съ Ниной не могли вытащить изъ

комнаты, гдѣ лежала мама. Мы сидѣли и молча на нее смотрѣли, а слезы, неудержимыя слезы лились изъ нашихъ глазъ. Очевидно, мы сознавали весь ужасъ своего положенія и чувствовали, что готовить намъ будущее.

Помню я и похороны очень хорошо. Сначала маму везли въ гробу по желѣзной дорогѣ въ товарномъ вагонѣ до станціи Вышняго-Волочка, а потомъ до кладбища несли на рукахъ. За гробомъ шло много старушекъ, стариковъ, монашенокъ... Все это были тѣ, кому мама помогала, кому деньгами, кому провизіей, чѣмъ могла. Всѣ они плакали и причитали:

— Умерла наша голубушка! Умерла наша полица-кормилица! Кто теперь насъ изъ нужды вызволить? Съ голоду помремъ!..

Меня кто-то несъ на рукахъ за гробомъ. Я поминутно открывала кисею, которою было покрыто лицо мамы, и глядѣла на нее. Вотъ и донесли до кладбища, отслужили панихиду и опустили въ могилу. Отецъ первый бросилъ горсть земли на крышку гроба и зарыдалъ.

— На, Нюточка, на землицы, брось ей, родимой, на гробъ!—говорила, рыдая, няня и совала мнѣ въ руку горсть земли.

Я бросила. Могилу забросали землею.

— Вотъ и нѣтъ мамы! зарыли маму вашу! нѣтъ нашей голубушки...—причитала няня, обнимая насъ и утирая фартукомъ обильно катившіяся слезы.

Да! Много горя, много слезъ досталось намъ на долю благодаря тому, что мы такъ рано лишились матери, заботы и ласки которой ничто на свѣтѣ замѣнить не можетъ.

ГЛАВА VIII.

Истязанія.

Вотъ когда поняли мы, бѣдныя дѣти, чѣмъ была для насъ мама!..

Хотя она мало вмѣшивалась въ наше ученье, но однимъ присутствіемъ своимъ сдерживала этого звѣря, эту ненавистную намъ Софью Александровну.

До сихъ поръ это былъ агнецъ въ сравненіи съ тѣмъ, что оказалось послѣ смерти мамы. Она сдѣлалась полной хозяйкой въ домѣ, распоряжалась всѣмъ и всѣми.

Первое время у насъ жила бабушка, но къ зимѣ она переѣхала въ Вышній-Волочекъ на отдѣльную квартиру. Еще при жизни мамы ее разбилъ параличъ. Я помню смутно, какъ ее соборовали и причащали... и она долго была больна. Потомъ бабушка поправилась и могла ходить съ помощью палки, могла и работать и вязать; только пальцы на лѣвой рукѣ были согнуты. Смерть мамы сильно повліяла на ея здоровье.

Бабушка постоянно плакала и страдала за насъ, видя жестокое обращеніе съ нами Софьи Александровны. Нѣсколько разъ пыталась она жаловаться отцу, но это ни къ чему не привело. Отецъ сказалъ ей, что она извѣстная «баловница» и что насъ нельзя не держать строго. Бабушка разгорячилась, расплакалась и уѣхала отъ насъ.

Тогда-то начались наши бѣдствія. Отецъ сталъ очень часто уѣзжать изъ дому то на линію, то къ сосѣдямъ, а мы оставались одни съ нашей грозной наставницей. Когда же еще уѣхала няня, которой было поручено отвезти малютку Сережу къ бабушкѣ въ деревню, то она получила полную власть надъ нами. Мы по цѣлымъ днямъ плакали. Только что начиналось утро, какъ поднимался крикъ за молитвой, за одѣваніемъ, за утреннимъ чаемъ.

— Какъ ты читаешь молитву? Читай громче!— кричала она одному.

— Какъ у тебя поясъ надѣтъ?—кричала она другому, и дергала Васю за поясъ съ такой силой, что онъ чуть не падалъ.

— Какъ ты чай пьешь? Вонъ!

И тотъ, кто не по правиламъ пилъ чай, вылеталъ изъ-за стола.

Начинался классъ. За малѣйшую провинность шла въ ходъ линейка. Софья Александровна такъ и держала ее подъ правой рукой.

Но ни съ кѣмъ не воевала она такъ, какъ съ Васей. Онъ былъ ужасный плакса и ревѣлъ изъ-за всякой малости. Да и не мудрено: вѣчныя колотушки, вѣчная брань довели нервы до того, что хотѣлось плакать ежеминутно. Чуть Софья Александровна возвышала голосъ,—а кричала она безпрестанно,—какъ къ горлу подступали слезы, и мы ожидали «взбучку».

Брались за книги. Раздавалось грозное: «Lisez!»

Вася начиналъ плаксивымъ голосомъ.

— Громче! Plus haut!

Вася начиналъ всхлипывать.

— Я научу тебя ревѣть, скверный мальчишка!

И разсвирѣпѣвшая Софья Александровна хватала несчастнаго Васю поперекъ тѣла за поясъ и поднимала въ воздухъ. Линейка сверкала въ ея рукѣ и

Въ классѣ.

она наносила ею удары по тѣлу несчастнаго мальчика, оравшаго во все горло. Затѣмъ она ставила его въ уголь, гдѣ онъ и ревѣлъ битый часъ.

Никогда не забыть мнѣ одинъ случай, навсегда оставшійся въ памяти. Когда мнѣ, уже взрослой, приходилось его рассказывать, многіе заподозривали меня во лжи; но, клянусь честью, что я не прибавляю ничего, а держусь голой правды.

Случилось это, кажется, черезъ мѣсяцъ послѣ смерти мамы.

Утро. Мы садимся за уроки кругомъ ломбернаго стола. Нина пишетъ чистописаніе, я повторяю урокъ, Митя отвѣчаетъ Законъ Божій, Вася выводитъ буквы.

Митя плохо отвѣчаетъ, ему бросается назадъ книга.

— Садись и повторяй!—говоритъ ему разсерженная Софья Александровна и обращается ко мнѣ:

— Ну-съ! вы теперь!

Я подаю книгу и начинаю слезливымъ тономъ:

— Русская грамматика есть наука, изъясняющая правила русскаго языка, которыя должны... должно...

— Должны... должно! А дальше что?

— Которыя должны... наглядать...

— Что-о-о? Что ты сказала? Это что такое за на-
г л я д а т ь?

Въ грамматикѣ стояло «наблюдать», но для дѣтскаго ума это было непонятно. Я молчу, не знаю, что дальше.

— Такъ наглядать?! А?!—оретъ Софья Александровна.

— ...какъ въ разговорѣ, такъ и въ письмѣ...—вспомнила я.

— Сначала!!!

— Русская грамматика есть наука, изъясняющая правила русскаго языка, которыя должны... на... на...

— Ну! Что же? должно... я слышала, а дальше?

Я начинаю плакать. Софья Александровна схватывает книгу и, колотя меня по головѣ, приговариваетъ:

— Наблюдать! Наблюдать! Вотъ тебѣ! Садись и учи.

Книга летитъ черезъ комнату. Я подбираю ее и сажусь учить непонятную мнѣ тарабарщину.

Разозленная Софья Александровна набрасывается на Васю.

— Ты что ногти глжешь вмѣсто того, чтобы буквы писать!

И звонкая пощечина раздается въ комнатѣ.

Раскрывается французская книга.

— Читай!

Вася, награжденный пощечиной, началъ ревѣть и отъ слезъ не можетъ ни разобрать слоговъ, ни произнести ихъ.

— А! А! Ревѣть! Подлый мальчишка! Я заставлю тебя читать!

И она рванула его за ухо такъ сильно, что потекла кровь. Вася зарыдалъ и закричалъ во все горло.

Софья Александровна имѣла привычку такъ безбожно драть за уши, что у Васи вѣчно была за ухомъ запекшаяся кровь.

— Ты еще орать! погоди же! Я выучу тебя орать!!

И, уже не владѣвшая собой отъ злобы, Софья Александровна выволокла его изъ-за стола, зажала ему ротъ обѣими руками, прижала его голову затылкомъ къ своей груди, приговаривая, шипя, какъ змѣя: «поори, поори теперь!!»

Вася началъ задыхаться. Глаза его налились кровью, пѣна клубомъ выбивалась изо рта изъ-подъ пальцевъ Софьи Александровны, грудь судорожно поднималась, руки и ноги вздрагивали. Нина и Миша въ ужасѣ приподнялись со своихъ мѣстъ и дрожали, какъ въ лихорадкѣ. Я же мигомъ сорвалась со своего мѣста,

бросилась на Софью Александровну и вцѣпилась съ силой своими пальцами въ ея руки. Она отъ боли разжала ихъ, и бѣдный мальчикъ покотился на полъ.

Отчаянный вопль вырвался у всѣхъ троихъ. Вася былъ въ обморокѣ. Отъ злобы или отъ испуга Софья Александровна сама была блѣдна, какъ полотно. Однако она скоро опомнилась.

— Ты еще притворяешься! Подлое созданіе!—вскричала она,—и принялась со всей силой трясти лежавшаго на полу Васю.

Тотъ очнулся. Насъ била лихорадка.

— А ты, мерзкая дѣвчонка! Заступница! Вцѣпилась! Всѣ руки мнѣ исцарапала! Я тебѣ еще задамъ за это! Будешь знать, какъ заступаться за эту мразь! И задушила бы, такъ бѣда невелика! Однимъ пащенкомъ на свѣтѣ меньше было бы!

Все это она произнесла, быстро ходя по комнатѣ. Очевидно, она и сама перетрусилась, увидавъ Васю въ обморокѣ. Мы плакали отъ волненія и испуга, а бѣдный Вася сидѣлъ на стулѣ весь синій и неподвижный.

— Кушать пожалуйста-съ! — проговорилъ лакей, входя въ комнату.

— Сейчасъ идемъ, ступай!—приказала Софья Александровна.

— Э! да никакъ Васенька-то проштрафился?—улыбнулся Петръ на сидѣвшаго съ поникшей головой Васю.

— Ступай вонъ! Что за шутки! Видишь, онъ наказанъ!—сердито вскрикнула на него Софья Александровна.

Мы пошли къ завтраку. Вася шелъ, едва передвигая ноги, онъ шатался. Мы тоже не успѣли еще оправиться.

Отецъ сидѣлъ уже за столомъ. Онъ взглянулъ на насъ исподлобья.

— Что это ты весь синій?—обратился сердито онъ къ Васѣ.

Софья Александровна даже не сморгнула.

— Онъ весь урокъ шалилъ, пачкалъ себѣ ротъ карандашомъ,—сказала она.

— У!! др-рянь! Доберусь я до тебя!—проговорилъ отецъ, грозя ему пальцемъ.

Чаша переполнилась. Вася не выдержалъ и зарыдалъ такъ горько, беспомощно... Его же чуть не задушили... и его же бранять...

— Убир-райся вонъ! Пшоль!—крикнулъ на него отецъ, и бѣдный мальчикъ, рыдая и шатаясь, вышелъ изъ комнаты.

Мы сидѣли ни живы, ни мертвы, и никто не рѣшался сказать отцу, что сейчасъ произошло. Я порывалась броситься къ нему и все рассказать, но губы не шевелились и вмѣсто того слезы градомъ полились изъ глазъ моихъ въ кушанье, до котораго я не дотрагивалась.

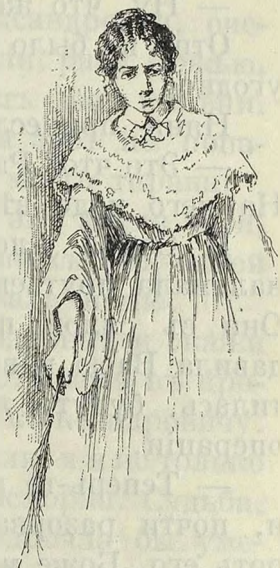
— Ты чего ревешь?! Сердобольна некстати! — проворчалъ отецъ и ушелъ въ кабинетъ.

Такъ это и осталось ему неизвѣстнымъ.

Разскажу еще одинъ случай все съ тѣмъ же злополучнымъ Васей.

Не помню, чѣмъ-то онъ досадилъ Софьѣ Александровнѣ. Она вскочила и хотѣла его ударить. Онъ спрятался за диванъ, та за нимъ. Вася отодвинулъ диванъ и забѣжалъ за него.

— Стой! Я тебѣ говорю, стой, скверный мальчишка!—кричала она, направляясь къ нему. Вася обогнулъ диванъ, она за нимъ. Только что она обѣжить одну сторону, онъ уже на другой.

Софья Александровна.

Остановись, или я тебя выдеру!—кричала она, обезумѣвъ отъ гнѣва.

Вася оралъ во все горло и съ каждымъ движеніемъ Софьи Александровны дѣлалъ такое же въ обратную сторону.

Лицо ея было до того искажено злобой, что страшно было смотрѣть.

— Розогъ!—крикнула она нянѣ, и заходила по комнатѣ.

У нея была манера, когда она злилась, ходить взадъ и впередъ, какъ солдатъ. Какъ теперь вижу ее, шагающую въ ожиданіи розогъ и засучивающую рукава.

Мы въ страхѣ ждали, что будетъ.

Няня медлила съ розгой.

Нѣсколько разъ Софья Александровна высовывала голову въ дѣвичью и кричала:

— Ну, что же! Я жду!!

Отца не было дома, и она могла бушевать, сколько угодно.

Няня принесла, наконецъ, розгу.

— Это что? Развѣ это розга? Это хлыстъ на кошку! На него надо вѣникъ!

И Софья Александровна сама сбѣгала въ садъ, наломала прутьевъ и ухитрилась-таки поймать Васю. Она съ силой придвинула диванъ къ стѣнѣ, придавила Васю и вытащила его оттуда. Она мало заботилась, будутъ ли цѣлы ребра мальчика отъ такой операціи.

— Теперь-то я потѣшусь надъ тобой!—вопила она и, почти разорвавъ на немъ платье, принялась пороть его. Боже мой! Какъ же она его порола, какъ порола! Я убѣжала въ дѣтскую, бросилась на кровать и сунула голову подъ подушку, чтобы не слышать воплей несчастнаго Васи.

Такъ шли дни за днями и каждый приносилъ новое истязаніе. Она ставила насъ, напримѣръ, на колѣни на горохъ. Это такая адская боль, что никакой нѣтъ возможности вытерпѣть. Я, впрочемъ, ухитрилась раздвинуть горохъ и стоять на голомъ полу. Тогда она стала набивать мѣшокъ такъ туго, что раздвинуть было невозможно.

Ничто отъ нея не укрывалось. Уложить, напримѣръ, она насъ спать, а сама уйдетъ въ свою комнату.

— Спать и не разговаривать!—прикажетъ она,—если услышу разговоръ—плохо будетъ!

Вотъ я лежу, лежу,—не спится.

— Нина! ты не спишь?—окликаю я сестру.

— Нѣтъ, не сплю. Молчи, Нюта, не разговаривай! Услышитъ, накажетъ,—шептала Нина.

— Она ушла, не услышитъ,—говорю я и начинаю разговаривать.

Откуда ни возмись — Софья Александровна, очевидно, подслушивавшая у дверей. Меня, рабу Божью, вытаскиваютъ изъ постели и ставятъ на колѣни. Я въ одной сорочкѣ, дрожу, зубъ на зубъ не попадаетъ. Но это не печалитъ нисколько моего тирана.

На мое счастье у насъ гостила въ это время тетя, сестра мамы. Увидавъ меня на колѣняхъ, въ одной сорочкѣ, она пришла въ ужасъ, позвала няню.

— Поди сейчасъ къ Софьѣ Александровнѣ и скажи ей, что если она сейчасъ не велитъ Нютѣ лечь въ кровать, то я буду жаловаться Павлу Александровичу.

Угроза подѣйствовала. Меня отпустили, и я не только не захворала, но даже не получила насморка. Судьба, очевидно, берегла сиротъ, хотя я предпочла бы умереть, чѣмъ терпѣть ежедневно подобныя истязанія.

ГЛАВА IX.

Переселеніе.

Отцу тяжело стало жить въ томъ мѣстѣ, гдѣ умерла наша мама, и онъ задумалъ перевестись въ городъ Кострому, поближе къ своей родинѣ. Онъ еще при жизни мамы покушался на это, но она не соглашалась. Какъ я узнала послѣ изъ рассказовъ няни, мама не любила отцовской родни. Послѣ женитьбы отецъ свезъ маму познакомиться, но мама чувствовала себя чужой въ этой семьѣ. Вѣчныя ссоры и дразги всѣхъ членовъ семьи измучили ее, и она заявила, что никогда больше нога ея не будетъ въ ихъ домѣ.

Въ ту же зиму, въ декабрѣ, стали мы собираться въ дорогу. Помню я, какъ приносили и уносили огромные сундуки и важи¹⁾, въ которыя укладывали бѣлье, платья и другія вещи.

Недѣли двѣ продолжалась эта возня, наконецъ мы тронулись въ путь. До Москвы ѣхали по желѣзной дорогѣ, а отъ Москвы въ возкахъ. Нашъ возокъ былъ огромный, шестимѣстный. Въ немъ ѣхали Софья Александровна, Нина, я, Вася, горничная и няня Акулина. У насъ въ возкѣ было такъ тепло, какъ въ банѣ. Кушанье, лежавшее у насъ въ но-

¹⁾ Важами назывались огромныя, широкія укладки, вышиной въ полъ-аршина и шириной равной крышкѣ возка, къ которому ихъ и привязывали наверхъ.

гахъ, было все талое, несмотря на 20 градусовъ мороза.

Въ другомъ возкѣ ѣхалъ отецъ съ маленькой Таней и ея хорошенькой няней Василисой. Василиса была крѣпостная нашей бабушки и была прислана къ намъ послѣ рожденія Тани. Одѣтая въ простой крестьянскій сарафанъ, Василиса казалась совершенной мужичкой, утиралась рукавомъ, сморкалась въ руку; но когда ее одѣли въ платье и она немного цивилизовалась, то выглядывала прехорошенькой барышней.

Смутно помню я приѣздъ въ Кострому, устройство тамъ и первую зиму, проведенную на новосельѣ. Одно, что осталось въ памяти, это то, что жилось крайне скучно, тоскливо, одиноко и однообразно. Софья Александровна попрежнему муштровала насъ, била, наказывала, и, что всего обиднѣе, — у нея была сообщница въ гоненіи на насъ. Кто бы вы думали? Наша старая няня Акулина. Какъ ни странно, но это такъ. Обыкновенно няни, вынянчившія дѣтей, бываютъ яркими заступниками за нихъ, а у насъ было наоборотъ.

Надо однако сказать нѣсколько словъ объ этой нянѣ.

Она поступила къ намъ еще до моего рожденія, вынянчила Митю и Нину. При ней родился и Вася, и маленькая Катя. Послѣ смерти Кати она ушла въ монастырь. Какъ ее ни отговаривала мама отъ ея намѣренія, ничего не помогло. Незадолго до смерти мамы она приѣхала къ намъ, вѣроятно къ рожденію маленькаго брата.

Когда умерла мама, она рѣшилась остаться у насъ «поняньчить сиротокъ», какъ она выражалась. При этомъ она подпирала рукой подбородокъ, вздыхала и старалась выжать слезу.

— Ахъ, ты, наша матушка! Царство тебѣ небесное! Покинула своихъ малыхъ дѣтушекъ!—причитала она, покачивая головой.

Но не очень-то заботилась она о «малыхъ дѣтушкахъ», не очень-то заступалась за «бѣдныхъ сиротокъ». Она подружилась съ нашимъ тираномъ, и тогда намъ вовсе не было житья. Онѣ вѣчно шептались, вѣчно секретничали, а о насъ и не думали.

Послѣ я узнала, что ихъ завѣтнымъ и тайнымъ желаніемъ было женить отца. Хороши бы мы были, если бы мачехой нашей сдѣлалась Софья Александровна!! Но,

Бесѣды шли по ночамъ, когда мы уже спали. Лежу я разъ, не сплю и слышу шопотъ няни.

видно, судьба не совсѣмъ еще отступилась отъ бѣдныхъ сиротъ... Этого не случилось.

Самыя оживленныя бесѣды у нихъ шли по ночамъ, когда мы уже спали.

Лежу я разъ, не сплю еще и слышу шопотъ няни:

— А вы бы, матушка, когда бы нибудь въ кабинетъ зашли, будто о дѣтяхъ поговорить!

Шопотъ сталъ такъ тихъ, что я не могла ничего разслышать. Затѣмъ Софья Александровна что-то показывала нянѣ.

Я приподнялась на кровати, какъ-будто поправить одѣяло и увидала что-то въ родѣ чепца, который Софья Александровна примѣряла. Она быстро спрятала чепецъ и подошла къ моей постели. Я притворилась, что сплю. Разговоръ продолжался.

— Онъ сталъ теперь со мной чаще разговаривать, и за обѣдомъ очень любезенъ, — шептала Софья Александровна.

— Ну, вотъ, видите, матушка... Вы его понемногу и приучайте къ себѣ, да и съ дѣтьми-то поласковѣе будьте, чтобы онъ видѣлъ, какая вы будете хорошая мать его дѣтямъ, — совѣтовала няня.

— Конечно. Какъ мнѣ ни противна эта дѣвчонка, а я ее даже при немъ иногда ласкаю... Ту-то только бы намъ сжить отсюда, а то при ней...

Тутъ было сказано что-то такое, чего я не могла разслышать.

— Какъ! Неужели же эта злая вѣдьма будетъ нашей мамой?! — и я принялась всхлипывать.

— Что ты не спишь? — подошла ко мнѣ няня.

— Да говори же, что съ тобой? — теребила меня Софья Александровна.

— Не хочу я, чтобы вы были нашей мамой, не хочу!! — и я зарыдала.

— Ахъ ты дрянъ этакая! Да кто тебѣ сказалъ это? Откуда ты взяла?

— Слышала я, сейчасъ няня говорила.

— Такъ ты подслушивать! Вотъ же тебѣ! — и звонкая пощечина раздалась въ комнатѣ.

— Христось сказалъ: «кто тебя ударить въ правую ланиту подставь ему лѣвую», — сказала я и хладнокровно подставила ей другую щеку. Не менѣе звонкая пощечина раздалась еще разъ.

— Такъ вотъ ты какъ?! Дрянъ! Скверная дѣвчонка! Врать и подслушивать!!

Я укрылась съ головой и тихо плакала, успокоенная сознаниємъ, что поступила по словамъ Христа.

— И онъ страдалъ... — думала я.

А обозленная Софья Александровна какъ ни въ чемъ не бывало продолжала бесѣду съ няней, но уже настолько тихо, что ни одинъ звукъ не долеталъ до моихъ ушей.

Утомленная слезами и думами я наконецъ заснула, а бесѣда заговорщицъ длилась еще далеко за полночь.

Дружба Софьи Александровны съ няней имѣла отчасти хорошую сторону: насъ чаще оставляли однихъ и поэтому меньше тиранили. Какъ только кончался классъ, пріятельницы усаживались за чай и бесѣдовали вполголоса; мы же получали свободу часа на два-на три. И только въ классѣ попрежнему практиковалась все та же система,—линейка и кулачная расправа.

Послѣ ночного инцидента мой тиранъ держался со мной другой системы. За малѣйшую провинность я выгонялась изъ класса. Вызываютъ меня отвѣчать. Урокъ я знаю плохо. Книга летитъ на полъ, предварительно попавъ мнѣ въ голову.

— Вонъ изъ класса!! — оретъ разсвирѣпѣвшая наставница. Меня выталкиваютъ изъ класса, рискуя отъ сильнаго толчка искалѣчить что-нибудь. Я, конечно, реву, но лишь только за порогъ, я счастлива. Я пробираюсь въ кабинетъ отца, отпираю его шкафъ съ книгами, беру оттуда мою любимую русскую исторію Ишимовой, усаживаюсь въ кресло съ ногами и читаю, читаю вплоть до завтрака.

За завтракомъ я наказана, стою за своимъ стуломъ и получаю только хлѣбъ съ масломъ. Но я не думаю о завтракѣ. Я остановилась на самомъ интересномъ мѣстѣ, какъ Святополкъ Окаянный подослалъ убійцъ умертвить Бориса и Глѣба, какъ убійцы вошли въ шатеръ, когда Борисъ молился.

— Убьютъ его убійцы или нѣтъ? — думаю я, и не плачу, что наказана.

— Дерево! Безчувственная! Ей ни по чемъ, что ее выгнали изъ класса! — ворчитъ Софья Александровна.

— Какъ жалко бѣднаго Бориса! Какой онъ хорошій! За дѣло Святополка «Окаяннымъ» прозвали, — думаю я, но въ это время рѣзкій толчокъ заставляетъ меня притти въ себя. Меня изрядно треплютъ, но я не обра-

Я усаживаюсь въ кресло и читаю.

щаю вниманія и думаю: «потащатъ ли меня въ классъ, или я могу опять засѣсть за свою любимую исторію?»

Иногда слышалось грозное: «En classe!», но большею частью Софья Александровна дѣлала видъ, что не хочетъ со мной имѣть никакого дѣла, и я опять ускользала въ кабинетъ на свое любимое кресло.

Такъ почти весь остатокъ зимы я ежедневно изгонялась изъ класса и проводила цѣлые часы за книгой. Разъ пять уже я перечла исторію Россіи до Петра I.

Петра я не любила. Его реформы, нововведенія мало меня интересовали. Дочитавъ до Петра, я начинала сначала. Больше всего я любила татарское нашествіе и татарское иго. Тутъ были все мои любимцы: Александръ Невскій, Михаилъ, замученный въ Ордѣ, Дмитрій Грозный Очи убившій въ присутствіи хана убійцу отца. Не разъ я проливала слезы, невольно катившіяся изъ глазъ при чтеніи о звѣрствахъ въ Ордѣ и о страданіяхъ князей.

Безъ сомнѣнія, чтеніе это приносило мнѣ гораздо больше пользы, чѣмъ уроки Софьи Александровны.

Такъ прошла весна, и скоро меня ждала радость. Отецъ объявилъ, что на лѣто мы поѣдемъ въ Павловку къ бабушкѣ Аннѣ Павловнѣ. Никогда мы еще не жили въ деревнѣ, и съ нетерпѣніемъ ждали мая, чтобы отправиться въ путь.

Ѣхали мы трое: Нина, Вася и я. Митя же, котораго готовили въ корпусъ Путей Сообщенія, и маленькая Таня, любимица отца, съ няней Василисой, остались въ городѣ. Софья Александровна повеселѣла. Ей ужасно надоѣло жить одиноко, она рада была поѣхать въ Павловку, гдѣ всегда было многолюдное общество съѣхавшихся на лѣто родныхъ. Она нашла себѣ массу костюмовъ и даже съ нами стала ласковѣе и меньше насъ била и муштровала. Няня уѣхала обратно въ монастырь. Мы ее не жалѣли нисколько, но Софья Александровна горько оплакивала свою ночную собесѣдницу.

ГЛАВА X.

Павловка.

До города Юрьевца мы ѣхали на пароходѣ.

Что это было за счастье! Я никогда не видала большой рѣки, никогда не видала пароходовъ. Все это было такъ ново, такъ интересно!

Софья Александровна, вырвавшись на свободу изъ нашего монастыря, обрадовалась обществу и цѣлые дни проводила въ разговорахъ. Въ два дня она перезнакомилась почти со всѣми пассажирами. Она изображала изъ себя самоотверженное существо, посвятившее себя вполнѣ «бѣднымъ сироткамъ». Приближая къ себѣ кого-нибудь изъ насъ и выжимая слезы, она рассказывала, какъ умерла наша мама и какъ она посвятила себя «осиротѣвшимъ малюткамъ». Чаше всего она сажала при этомъ къ себѣ на колѣни маленькаго Васю, обнимала его и цѣловала, и тотъ, непривыкшій къ такой ласкѣ, сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ, какъ соловей въ когтяхъ у кошки. Меня она не рѣшалась обнимать и цѣловать, боясь, чтобы я какъ-нибудь ее не выдала.

Мнѣ страшно хотѣлось вывести ее на свѣжую воду, и когда Софья Александровна ушла, я сказала:

— Не вѣрьте, не вѣрьте ей!.. Она насъ бьетъ, она насъ мучаетъ, мы ее терпѣть не можемъ! Это она вамъ только такъ говоритъ, чтобы показать, какая она добрая!

Послѣ моихъ словъ къ ней стали относиться нѣсколько недовѣрчиво. Она замѣтила это и уже не рѣшалась больше прикидываться нѣжной съ нами.

Въ Юрьевцѣ насъ ждали лошади, тройка въ тарантасѣ со старымъ кучеромъ.

Радости нашей не было конца. Цѣлый день ѣхали мы на свободѣ. Софья Александровна сама наслаждалась природой и не обращала на насъ вниманія. Мы выскакивали изъ тарантаса, бѣжали около, собирали цвѣты, траву, плели вѣнки, немедленно засыхавшіе отъ жары. Къ вечеру мы изрядно устали и не могли дожидаться конца путешествія.

Вотъ, наконецъ, показались строенія, густой садъ. Это и была Павловка.

Солнце стояло уже низко, когда мы вѣхали въ просторный дворъ, окруженный службами, посреди которыхъ возвышался домъ съ двумя террасами.

Услыхавъ знакомый колокольчикъ, всѣ высыпали на дворъ. На крыльцѣ стояла полная, красивая женщина, одѣтая въ бѣлый капотъ. Это была бабушка.

— Здравствуйте, дѣточки! Здравствуйте!—говорила она, цѣлуя насъ.—Я уже васъ давно жду! Лошади третій день уже ждутъ васъ въ Юрьевцѣ.

— Какъ на мать похожа!—обратилась она ко мнѣ... Шалунья, должно быть, большая! По глазамъ вижу!!

Мы поочередно приложились къ бабушкиной ручкѣ.

— Устали, небось, сидѣть-то! Подите пробѣгитесь по саду, пока подадутъ чай.

Мы вопросительно взглянули на Софью Александровну.

— Пустите ихъ, — сказала бабушка, — а вы пока пройдите къ себѣ въ комнату, отдохните, поправьтесь.

Говоря это бабушка кивнула головой женщинѣ, и та бросилась провожать Софью Александровну въ отведенную ей комнату. Мы съ восторгомъ побѣжали

— Здравствуйте, дѣтки! Здравствуйте!—говорила бабушка.—Я уже васъ давно жду!

въ садъ, радуясь возможности размять усталые за цѣлые день члены.

— Нина, Вася, смотрите какая красивая бесѣдка! какой прудъ!—кричала я... Идите сюда! Тутъ и лодка!

Восторгамъ не было конца. Аллей было такъ много, что трудно перечестъ, и все тѣнистыя, высокія. Посреди сада былъ большой курганъ съ бесѣдкой наверху. Я мигомъ туда влетѣла.

— Тише, Нюта, тише!—кричала снизу благоразумная Нина, боясь, чтобы я не сломала себѣ шею.

— Гдѣ вы дѣтки?—раздалось снизу.

Мы увидѣли бабушку, шедшую съ Софьей Александровной, уже перечесанной и переодѣтой. Бабушка обошла весь садъ, цвѣтникъ, оранжереи. Чего, чего не было тутъ: и персики и абрикосы, и сливы, и вишни...

— То-то поѣдимъ!—думала я.

Но бабушка, какъ бы угадавъ мои мысли, сказала:

— Только, дѣтки, уговоръ лучше денегъ, никогда не ходить въ оранжереи безъ меня и не рвать цвѣтовъ. Я не люблю этого, если увижу—накажу.

— Ахъ, бабушка! Да неужели же нельзя сорвать ни одного яблочка, ни одного персика? У васъ ихъ такъ много!

Сильный щипокъ заставилъ меня опомниться. Сви-рѣпый взглядъ Софьи Александровны говорилъ краснорѣчивѣе словъ.

По дорогѣ къ дому, бабушка навела разговоръ на то, какъ тяжело должно быть Софьѣ Александровнѣ съ дѣтьми, оставшимися безъ матери.

— Вы вполне замѣнили сироткамъ мать,—сказала она.—Бѣдная Валентина, я такъ любила ее, такъ жалѣла...

— Да, Валентина Сергѣевна была дивная женщина. Я до сихъ поръ не могу вспомнить объ этомъ ударѣ,—

— Подойдите же, дѣти, къ дѣдушкѣ, поздоровайтесь,—сказала намъ бабушка. Мы подошли.

вздыхала Софья Александровна.—Я стараюсь всѣми силами заботиться о бѣдныхъ сироткахъ...

Какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ, она взяла на руки Васю, стала ласкать его приговаривая:—«бѣдный малютка!» Вася, удивленный такой невиданной лаской, былъ ни живъ, ни мертвъ, и собирался ревѣть.

Мы, въ недоумѣніи, переглядывались.

— Каково юлить, каково лебезить передъ бабушкой-то!—шептала я на ухо Нинѣ.

— Молчи ты, молчи, Нюта! Услышитъ, достанется! Пусть ее! Намъ же лучше! Можетъ быть, здѣсь и драться не будетъ!...

Мы дошли до дому. На террасѣ былъ накрытъ большой столъ и весь уставленъ разнаго рода булками и печеніями. Тутъ были и булочки, и крошечные крендельки, и сухарики, и причудливыя завитушки...

— Ахъ, бабушка! Какіе хорошенькіе крендельки! Кто же ихъ дѣлаетъ? Я никогда не видала такихъ!..

— А вотъ тотъ самый Иванъ, котораго ты видѣла въ сѣняхъ, въ бѣломъ колпакѣ и фартукѣ.

Я юркнула въ сѣни.

— Иванъ, голубчикъ!—подлетѣла я къ нему,—позови меня пожалуйста, когда будешь дѣлать крендельки и булочки. Я хочу посмотрѣть, какъ ты дѣлаешь! Позовешь хорошо?!—приставала я, прыгая около повара.

— Хорошо-съ, слушаюсь, барышня.

Иванъ былъ небольшой, черненькій, гладко прилизанный человѣкъ, съ окладистой черной бородой и черными же усами. Бѣлая рубашка, черный жилетъ и бѣлый фартукъ еще больше выдѣляли его черноту.

Заручившись согласіемъ Ивана позвать меня, когда онъ будетъ печь булки, я воротилась въ столовую. Занятая разговорами съ бабушкой, Софья Александровна не замѣтила моего отсутствія. Пришлось обходить весь столъ и поочередно здороваться съ каждой

теткой, прикладываясь къ ручкамъ. Всѣ нашли, что я очень похожа на маму и это привело меня въ восторгъ.

— Только правомъ-то она на маму не похожа, ужасная шалунья,—сказала тетя Аня, которая гостила у насъ послѣ смерти мамы, и уже достаточно со мной познакомилась.

Усѣлись за чай. Бабушка сама не разливала, а это дѣлала экономка.

На другомъ концѣ стола я увидала маленькаго, сгорбленнаго, сѣдого старичка съ густыми, кудрявыми волосами, въ сѣромъ халатѣ, подпоясанномъ краснымъ поясомъ.

— Подойдите же, дѣти, къ дѣдушкѣ, поздоровайтесь,—сказала намъ бабушка.

Мы подошли. Дѣдушка что-то промычалъ, сунулъ намъ свою костлявую руку, которую мы поцѣловали.

Мнѣ пришлось сидѣть около тети Лизы, толстой, претолстой барыни въ бѣломъ капотѣ, ужасно широкомъ и со множествомъ сборокъ.

— А ты помнишь, Нюта, какъ я пріѣзжала къ вамъ?—спросила меня другая тетя, Аня. Она была худая и очень красивая.

— Помню,—отвѣчала я.

— А маму помнишь?

Я вскинула на нее глаза.

— Что вы? Какъ же можно маму забыть?! Я ее не забуду никогда, никогда!

— Развѣ такъ отвѣчаютъ тетѣ?—дернула меня за рукавъ Софья Александровна, но только этимъ и ограничилась.

Тетя Лиза дала мнѣ цѣлую кучу булочекъ, и я ѣла съ большимъ аппетитомъ. Напившись чаю, я подошла къ ручкѣ бабушки и дѣдушки, и, пользуясь тѣмъ, что Софья Александровна занята была разговоромъ, незамѣтно юркнула съ террасы и очутилась въ корридорѣ.

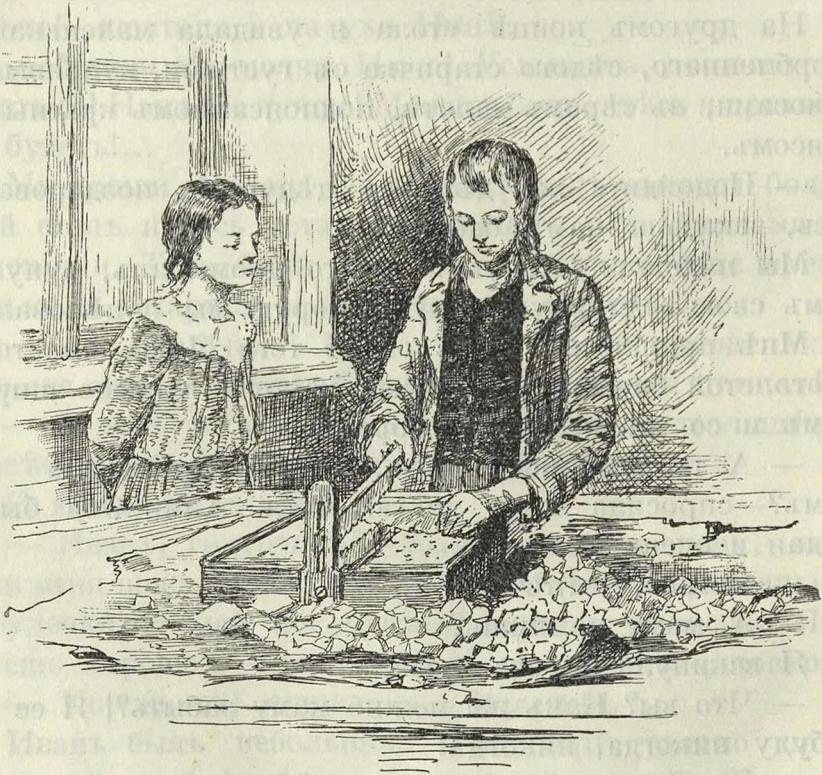
Я уткнулась прямо въ кладовую, гдѣ у стола стоялъ мальчикъ и колотъ сахаръ машинкой.

— Зачѣмъ вы колете сахаръ? Развѣ больше некому?—спросила я.

— Некому,—былъ лаконическій отвѣтъ.

— А экономка?

— Мамаша мнѣ велить.

— Зачѣмъ вы колете сахаръ? Развѣ больше некому?—спросила я,

Онъ продолжалъ работу.

— Какъ вы скоро колете.

Онъ молчалъ. Я стала его разсматривать. Это былъ плотный широкоплечій мальчикъ съ большой головой и волосами до плечъ. На немъ былъ сѣрый парусиновый пиджакъ, черные брюки и гимназическій жилетъ.

— Вы всегда колете сахаръ?—спросила я, чтобы начать разговоръ.

— Всегда. А что?

— Нѣтъ, я такъ. Скоро кончите?

— А, вотъ, ужъ немного осталось.

— Давайте я вамъ помогу.

— Пожалуй. Убирайте сахаръ въ ящикъ.

Я усердно принялась помогать ему, и скоро работа была окончена. Мы отправились въ гостиную.

— Хотите я покачаю васъ на качалкѣ?

— Хочу!—отвѣчала я.

Я усѣлась на огромную качалку и вскрикивала отъ удовольствія всякій разъ, какъ поднималась и опускалась.

— Ну, будетъ! Васъ какъ зовутъ?

— Лева.

— А вы кто?

— Дядя вашъ. Бабушки вашей младшій сынъ.

— Что? Дядя?! Такой маленькій! Ха! ха! ха!

— А хоть и маленькій, а все-таки дядя.

— А вы гдѣ учитесь?

— Въ гиманзїи, въ томъ городѣ, гдѣ вы живете.

— Отчего же вы къ намъ не приходили?

— Не знаю.

— А теперь будете къ намъ ходить?

— Буду, если мамаша позволитъ.

— А вы очень боитесь мамы? Она строгая?

— Строгая.

— Такъ же, какъ нашъ папаша. Мы его ужасно боимся!

— Вотъ она гдѣ прїютилась, и съ молодымъ человекомъ!—говорила подходя бабушка,—и уже познакомилась! А вы, Левъ Александровичъ, искололи всю голову?—обратилась она къ Левѣ.

— И скололъ, всю-съ, мамаша.

— Бабушка,—вскричала я,—онъ говоритъ, что онъ мой дядя. Правда это?

— Правда.

— Да развѣ дяди бываютъ такіе маленькіе?

— Глупенькая! Конечно бываютъ! Онъ мой сынъ, а ты моя внучка. Онъ братъ твоего отца, стало быть твой дядя.

Я убѣдилась, но все-таки мнѣ очень странно было признать за дядю такого мальчика.

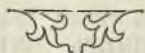
— Завтра утромъ извольте исколоть другую голову,—обратилась бабушка къ Левѣ,—а теперь маршъ спать!

Хоть и не хотѣлось, а надо было слушаться.

— За день вы достаточно измучились и надо хорошенько отдохнуть,—сказала она.

Намъ отвели двѣ большія комнаты во флигелѣ, окна котораго выходили въ садъ. Мы еще спать не хотѣли и я бы еще побѣгала и погуляла, но зная, что надо было слушаться, я покорно слѣдовала за бабушкой, которая провожала насъ въ новое помѣщеніе. Все мнѣ понравилось: и комнаты, и мягкія перины. Мы привыкли къ жесткимъ тюфякамъ, а тутъ легла и потонула...

— Какъ хорошо! Какъ мягко!—говорила я, обнимая бабушку и цѣлуя ее. Бабушка приласкала меня, перекрестила и я уснула счастливая.

ГЛАВА XI.

Крѣпостные.

На другой день я проснулась чѣмъ свѣтъ. Все еще спало. Я вскочила съ постели и тихонько, чтобы не разбудить Софью Александровну, подошла къ окну, приподняла уголокъ шторы, и передо мной во всей красѣ предстали залитые восходящимъ солнцемъ цвѣтники.

— Боже мой! Чтобы я дала, чтобы тотчасъ же выбѣжать въ садъ!

Но Софья Александровна спитъ рядомъ и о прогулкѣ нечего и думать. Я ложусь опять подъ одѣяло, но мнѣ душно, жарко... Бѣсть четыре часа.

— Только четыре! Господи! До восьми еще четыре часа придется ждать!

Вдругъ меня осѣняетъ мысль: я беру со стола всю свою одежду, надѣваю тихонько подъ одѣяломъ чулки, юбку, ботинки. На мое счастье Софья Александровна лежитъ ко мнѣ спиной и изрядно храпитъ.

Одѣвшись, я встаю, дѣлаю изъ одѣяла чучелу, чтобы, открывъ глаза, Софья Александровна не замѣтила моего отсутствія. Такъ же благополучно удастся мнѣ выбраться изъ комнаты. Я поискала свое платье, пальто, но не найдя ни того, ни другого, схватила чей-то валявшійся въ прихожей платокъ, накинула его на плечи и очутилась въ саду.

На меня пахнуло свѣжестью дивнаго майскаго утра.
Я чуть не вскрикнула отъ радости. Оглянулась.

— Куда итти? Я ничего еще не знала. Наугадъ побѣжала по дорожкѣ, которая привела меня къ оранжереѣ.

Садовникъ уже всталъ и поливалъ цвѣты.

— Кого тебѣ дѣвочка? Откедова ты?— грубо окликнулъ меня садовникъ.—Знаешь, барыня не велить здѣсь шлаться!

— Ну, Дмитрій, дай мнѣ лейку, я помогу тебѣ поливать!

— Да я внучка бабушки, вчера пріѣхала,—робко сказала я.

— Ахъ, барышня матушка, а я не призналъ васъ! Что это спозаранку встать изволили?

И голосъ его за минуту рѣзкій и грубый сталъ мягкій и ласковый.

— Я не могла спать! Миѣ гулять захотѣлось. А тебя какъ зовутъ?

— Митріємъ-съ, матушка, Митріємъ.

— Ну, Дмитрій, дай мнѣ лейку, я тебѣ помогу поливать!

— Да гдѣ вамъ, барышня! Лейка большая, тяжелая.

— А можетъ быть, у тебя есть поменьше?

— Есть, въ оранжереѣ.

— Я сама принесу, скажи только гдѣ.

Я сбросила платокъ и въ одной юбкѣ, съ голой шеей и руками бросилась за лейкой. Отыскавъ ее, я принялась поливать. Лейка все-таки была тяжела для меня и я облила себѣ всю юбку и ноги.

— Ахъ, что-то мнѣ теперь будетъ за это?—думала я.— Ну, да не бѣда! Софья Александровна здѣсь не посмѣетъ сѣчь и наказывать.

Кончивъ поливку, я пошла дальше и дошла до скотной.

— Цыпа, цыпа, цыпа!—скликала скотница цыплятъ и сыпала имъ кормъ.

Я остановилась.

— Да никакъ вы вчерашняя приѣзжая барышня, Павла Александровича дочка!—обратилась ко мнѣ скотница и подошла къ ручкѣ.

— Да что же это вы мокрая-то всѣ, и ножки и юбочка?

— Я поливала цвѣты съ Дмитріємъ-садовникомъ и облилась.

— Ахъ родименькая моя! Снимайте-ка юбочку-то, я ее передъ печкой высушу.

Скотница ввела меня въ избу, раздѣла, завернула въ платокъ, усадила на лавку, а юбку и чулки развѣсила передъ огнемъ.

— Сидите тутъ, матушка! Не угодно ли я вашу милость парнымъ молочкомъ попотчую? Чай, кушать-то хочется? Шутка ли, такую рань подняться изволили!

Она налила мнѣ кружку еще теплаго молочка, принесла краюшку черного хлѣба, и я принялась ѣсть съ большимъ аппетитомъ.

— Я вашего папашеньку-то еще махолькимъ знала,—болтала словоохотливая Настасья,—и мамашеньку видѣла, когда сюда пріѣзжать изволили... Красавица были, царство ей небесное! Вотъ и дѣтушекъ, бѣдныхъ сиротокъ, Богъ привелъ увидѣть!—И старушка утирала фартукомъ слезы и цѣловала мои руки.

— Ахъ, какая прелестъ! Какіе малюсенькіе, хорошенькіе, пушистые!—восторгалась я.

— Творожку не хочешь ли, родная? Принесу.

— Нѣтъ! Спасобо, Настасья, милая, сыта!

— Ну такъ давайте цыпляточекъ кормить, вчера только вывелись.

Она достала изъ ящика стола два яйца, сваренныя вкрутую и стала ихъ крошить.

— Что это ты дѣлаешь?—спросила я.

— А вотъ, барышня, исърошу и стану цыплятушекъ кормить.

— Давай я буду крошить!

Я принялась за работу, а Настасья тѣмъ временемъ принесла въ кошолкѣ цѣлую кучу маленькихъ цыплятъ, выпустила ихъ на полъ, насыпала на свой фартукъ накрошенныхъ мною яицъ, и цыплята стали клевать.

— Ахъ, какая прелесть! Какіе малюсенькіе, хорошенькіе, пушистые!—восторгалась я.—А вотъ одинъ бѣленькій, мохноножка!

Я была внѣ себя отъ восторга, брала цыплятъ въ руки и цѣловала ихъ.

— Приходите, барышня, каждое утро сюда, будемъ вмѣстѣ ихъ кормить. А теперь ихъ пора въ кошолку, зазябнуть!

— Я, вѣдь, Настасья, ушла тихонечко! Бѣда мнѣ будетъ, если меня хватятся!—говорила я, торопливо сажая цыплятъ.

— Это что за явленіе? Зачѣмъ ты тутъ?

Я подняла голову и выпустила изъ рукъ цыпленка, котораго цѣловала. Передо мной стояла бабушка въ весьма странномъ костюмѣ. На ней была короткая ватная юбка, туфли, теплая кофта и ночной чепецъ. Въ ея рукахъ была цѣлая связка ключей.

— Бабушка, милая, я проснулась и не могла спать, мнѣ ужасно захотѣлось погулять, я и пошла, — съ мольбой въ голосѣ говорила я бабушкѣ.

— Отчего же ты раздѣтая?

— Я не нашла платья, его, должно быть, гладить взяли... а юбку я намочила, когда поливала цвѣты съ Дмитриемъ.

— Уже все высохло, барышня, позвольте я помогу вашей милости одѣться,—заговорила подобострастно Настасья.

Я проворно обулась, одѣлась, а бабушка, поговоривъ съ Настасьей, собралась уходить.

— А сегодня, матушка барыня, буренушка отелилась.

— Кого? Бычка или телку?

— Телочку, матушка моя, телочку. Вотъ извольте взглянуть.

И Настасья пріотворила дверь въ сѣни.

— Смотрите, бабушка, какая у нея хорошенькая мордочка, какія ушки!...

На соломѣ лежала прехорошенькая, пестренькая телочка.

— Ахъ, бабушка, смотрите какая у нея розовенькая хорошенькая мордочка, какія ушки!

— Небось, барышня, вамъ въ охотку! Въ городъ-то, чай, ничего такого не видали, — говорила Настасья, поднимая телку.

— Ну ты, тпрусь, вставай, вставай, дурочка!

Телочка вскочила.

— Гляди-ка, Настасья, какъ у нея ножки-то дрожатъ!—кричала я.

— Слаба еще,—сказала бабушка.

— Ишь, скотина-то, чуть отелилась, а ужъ и на ногахъ! А человѣкъ-то, покель его выходишь!..—философствовала Настасья.

— Ты, Настасья, не корми безъ меня цыплятокъ, я буду приходить. Хорошо?—приставала я.

Бабушка заказываетъ повару кушанье.

— Ну, будетъ, Нюта, пойдемъ, пора!—сказала бабушка, и я должна была покинуть и хорошенькую телочку и цыплятокъ.

— Прощайте, барышня, приходите почаще, пожалуйста ручку!—проговорила Настасья, цѣлуя у меня руку, а потомъ почтительно приложилась и къ бабушкиной.

Бабушка пошла сначала на скотный, потомъ въ погребъ, въ подвалъ, въ кладовую, около которой уже

дождался ее поваръ. Она сѣла на табуретъ и стала заказывать кушанье. Поваръ былъ тотъ самый Иванъ, съ которымъ я вчера бесѣдовала.

— А ты уже испекъ булочки и крендельки?

— Испекъ, барышня, испекъ, пока вы почивать изволили,—отвѣтилъ онъ.

— А ты обѣщаль меня позвать!

— Въ другой разъ, барышня.

— Ну, Нюта, стой, не мѣшай намъ, иди къ себѣ! Проснется Софья Александровна и тебѣ достанется,—сказала бабушка тономъ, не терпѣвшимъ возраженія. Надо было итти.

Пробило семь часовъ. Когда я отворила дверь во флигель, я увидала какую-то женщину, гладившую намъ платья.

— Ахъ, барышня матушка, откуда вы изволите итти? Юбочка-то на васъ какая! Гдѣ это вы ее такъ испачкали? Дайте-ка ее мнѣ, я замою, да выглажу.

— Я цвѣты поливала съ Дмитриемъ, испачкала и облила. А ты кто?

— Я Павлина, бабушкина дворовая. Меня отрядили вамъ платья гладить, прислуживать.

Я сбросила юбку и тихонько прокралась въ спальню. На мое счастье всѣ еще спали. Я юркнула подъ одѣяло. Усталость взяла свое, и, пригрѣвшись въ постели, я крѣпко заснула. Когда въ девять часовъ раздалось грозное: «*levez vous!*»—я такъ заспалась, что едва могла продрать глаза.

Первой моей заботой была юбка, но она лежала на стулѣ, около моей кровати, чистая и выглаженная. Это милая Павлина уже успѣла ее замыть, высушить и выгладить. Я живо одѣлась. Молитва обошлась безъ крика, и мы пошли въ домъ къ чаю.

Бабушка, уже одѣтая въ бѣлый капотъ, причесанная, въ чепцѣ, сидѣла и вязала чулокъ.

Я подошла первая и прикладываясь къ ея рукѣ, быстро прошептала:

— Бабушка, дорогая, не говорите ничего Софѣ Александровнѣ! Накажетъ!

— То-то, стрекоза!—погрозила она мнѣ.

За чаемъ бабушка разговорила съ Софѣей Александровной и та такъ увлеклась, что охотно отпустила насъ въ садъ по просьбѣ бабушки.

— Пустите ихъ,—сказала бабушка,—пусть себѣ первый день побѣгають на свободѣ, да и вамъ надо разложиться, отдохнуть послѣ дороги.

Первое, что насъ поразило, когда мы вышли въ прихожую, былъ коренастый, молодой парень, на видъ лѣтъ 18-ти, стоящій у двери съ чулкомъ въ рукѣ, который онъ прилежно вязалъ. Отъ руки его шла тоненькая веревочка, за которую онъ былъ привязанъ къ дверной ручкѣ.

Мы съ любопытствомъ оглядывали его.

— Зачѣмъ ты чулокъ вяжешь? Развѣ мужчины вяжутъ?—спросила я его.

Одежда на веревкѣ.

— Бабинька приказали-съ,—былъ отвѣтъ.

— А это зачѣмъ? Зачѣмъ тебя къ двери привязали?

— А это барышня, чтобы онъ не убѣгъ! Онъ у насъ бѣглый!—услыхала я сзади себя.

Я обернулась. Это говорила маленькая, черненькая дѣвочка, сидѣвшая въ залѣ за пальцами.

Зала была очень большая комната, вся въ окнахъ, которая съ одной стороны выходила на дворъ, а съ другой на большую проѣзжую дорогу. Передъ окнами стояли два ряда пялецъ, ихъ было десять. За каждымъ пяльцами сидѣло по двѣ швеи изъ маленькихъ дѣвочекъ, а за нѣкоторыми по одной взрослой. Всѣ прилежно шили. Говорившая черненькая дѣвочка держала во рту иголку и смѣялась.

— Будетъ тебѣ, Машка, зубы-то скалить! Опять урока не кончишь! Выдерутъ на скотной, какъ на-меднись Варьку!—проговорила старшая швея.

— Небось! не выдерутъ!

— Храбра больно! Не выдерутъ! Нешто ты святѣе другихъ.

Мнѣ понравилась черненькая дѣвочка, я подошла къ ея пяльцамъ.

— Что это ты шьешь?—спросила я.

— Оборку на юбочку, барышня,—былъ отвѣтъ.

— А развѣ вамъ задають уроки?

— Какъ же-съ, барышня, вотъ по сестольку на день. — И Машка показала кусокъ въ четверть аршина.

— Такъ много? А если не успѣешь вышить?

— Отколотятъ, накажутъ, а то и дерку зададутъ. Намеднись, вотъ, Сашку отодрали, чуточку не дошила.

— А тебя, небось, не драли! Молчала бы ужъ!—со злобой отозвалась Сашка, блѣдная, бѣлокурая дѣвка съ красными, воспаленными глазами.

— Молчите! Чего глотки-то разстегнули,—огрызнулась на нихъ старшая.

— Что это, Саша, у тебя съ глазами? Красные такіе!—участливо обратилась Нина къ Сашкѣ.

— Болятъ, барышня.

— Такъ какъ же ты шьешь? Вѣдь не видишь ничего?

— А такъ и шью, съ грѣхомъ пополамъ!

— Лекарство надо! Ослѣпнешь! Я у бабушки попрошу,—сказала я.

— И что вы, матушка барышня, что вы! Какъ можно! Осерчаетъ бабинька!

— Такъ ослѣпнешь, хуже будетъ.

— Ослѣпну—шить не буду! Все равно страдать, что слѣпой, что зрячей,—грустно сказала Сашка и стала протирать свои слезящіеся глаза.

— Ну, шей, шей, чего раскудахталась, опять не дошьешь урока,—вразумляла старшая Сашку.

— Не дошью, не твоя бѣда!—злобно огрызнулась Сашка.

— А ты что дѣлаешь?—спросила я толстую пожилую женщину, сидѣвшую отдѣльно и казавшуюся мнѣ самой важной.

— Платочекъ шью. Вотъ, можетъ быть, бабинька вамъ его подарить. Пожалуйте ручки поцѣловать! Какія красавицы, въ маменьку всѣ!—и она подобострастно поцѣловала наши руки.

— А тебѣ тоже уроки задаютъ?—спросила ее Нина.

— Нѣтъ, барышня, мнѣ нельзя задавать. Я то много вышью, то мало, глядя какой шовъ.

— И сколько времени ты прошьешь такой платокъ?—спросила ее Нина.

— Да, почитай, что три мѣсяца прошью.

— Господи! Какая скука! Три мѣсяца одинъ платокъ шить!—удивилась я.

— Да не все ли равно, что шить! Кончу одно, дадутъ другое. Безъ дѣла не оставятъ!

— Такъ вы цѣлые дни и сидите? И погулять не даютъ?

— Такъ и сидимъ по буднямъ. А въ праздникъ отдыхаемъ.

— Отдохнешь, много, какъ же! Держи карманъ!—не утерпѣла востроглазая Машка.—А уроки некончен-

ные дошивать-то? Все, небось, по праздникамъ дошиваемъ!

— Бѣдныя вы, бѣдныя! Какъ вамъ, должно быть, надоѣло цѣлые дни сидѣть!—соболюзновала я.

— Ужъ такъ-то надоѣло! Такъ надоѣло, барышня, что, кажись, въ Сибирь бы бѣжалъ отъ этой самой жизни!

— Дождешься ты, Машка, ужотка за свой языкъ! Нѣтъ на тебя уговону,—остановила Машку старшая.

— Не мѣшайте имъ, не кончатъ урока,—имъ же достанется!

Мы обернулись и увидали, что это говорилъ Лева, сидѣвшій за большимъ столомъ, у окна, въ углу.

— Здравствуй, Лева, что это ты дѣлаешь?—спросила я, подходя къ нему и разглядывая его работу.

— А, вотъ, снимаю узоры.

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? А по чему же дѣвушки шить бы стали? Я всегда снимаю, да вотъ что-то глаза стали болѣть.

Лева провелъ рукой по глазамъ, закрылъ ихъ и такъ нѣсколько времени сидѣлъ, закрывъ глаза.

— Такъ зачѣмъ же ты снимаешь, коли глаза болятъ? Вѣдь это очень вредно для глазъ, такая мелкота,—говорила я, участливо смотря на Леву, глаза котораго, дѣйствительно, были очень красны и слезливы.

— Мамаша приказываетъ,—проговорилъ печально мальчикъ.—Да больше некому снимать, я одинъ только умѣю.

— Такъ ты цѣлый день и будешь за узорами сидѣть?

— До завтрака кончу. Ахъ! что ты сдѣлалъ?—вскрикнулъ онъ.—Теперь весь узоръ не годится!

Этотъ возгласъ относился къ Васѣ, который локтемъ сдвинулъ узоръ съ мѣста.

Лева страшно разсердился.

— А ты, Наташка,—обратилась бабушка къ высокой, красивой молодой дѣвушкѣ,—два раза не кончила урока. Не кончишь сегодня, не одобровать тебѣ!.. Наташка стояла, низко опустивъ голову; въ глазахъ стояли слезы.

— Уйдите вы! Теперь вся моя работа испорчена! Что мамаша скажетъ, что скажетъ?!—повторялъ бѣдный мальчикъ, стараясь снова положить узоръ на мѣсто.

— Экой дурень!—бранила я Васю,—просили тебя соваться! Убирайся вонъ! Левушка, дай я тебѣ помогу.

— Не надо! Я самъ.

Онъ сердито отстранилъ меня и старательно сталъ накладывать узоръ.

Въ эту минуту вошла бабушка.

— Готовъ узоръ, Левъ Александровичъ?—обратилась она къ мальчику.

— Н-н-нѣтъ еще-съ, мамаша. Онъ почти былъ готовъ, да сдвинулся... нечаянно,—робко проговорилъ Лева.

— Сдвинулся! Рохля! Розиня! И вставать не смѣть, пока не нарисуешь! Пойдемте, дѣти, не мѣшайте ему!—болѣе мягко обратилась она къ намъ.

Бабушка подошла къ пальцамъ.

Всѣ дѣвушки уткнули носъ въ работу. Бабушка каждой отмѣтила урокъ.

— Смотри строже, чтобы не болтали!—обратилась она къ старшей, Василисѣ.—Кто не вышьетъ, получить на орѣхи!

— А ты, Наташка,—сказала она, подойдя къ высокой, красивой молодой дѣвушкѣ,—два раза не кончила урока... Не кончишь сегодня, не одобровать тебѣ!

Наташка стояла, низко опустивъ голову; лицо ея было все красными пятнами, въ глазахъ стояли слезы.

Бабушка отмѣтила ей огромный урокъ, который она и сама знала, что Наташка окончить не можетъ, и отошла.

Проходя мимо Оедьки, она и ему задала урокъ на весь день.

— Бабушка, зачѣмъ вы Оедьку вязать заставляете и на веревку привязываете? Вѣдь ему даже и сѣсть нельзя! Онъ устанетъ цѣлый день стоять!

— Taisez-vous!¹⁾—раздалось около меня, и я получила здоровый щипокъ отъ Софьи Александровны, подоспѣвшей въ это время. Она увела насъ во флигель и заставила разбирать вещи и книги до самаго завтрака.

У меня изъ головы не выходили бѣдныя дѣвочки, швеи и мальчикъ съ чулкомъ на веревочкѣ.

— Вотъ несчастные-то! —говорила я Нинѣ.—Сиди, сиди цѣлый день за пальцами, да на веревкѣ съ чулкомъ! Такъ вотъ, что значить крѣпостные! Теперь я понимаю! Это все равно, что въ тюрьмѣ арестанты. Помнишь, Нина, про которыхъ мы читали? Такъ тѣ сидятъ въ острогѣ, а эти на волѣ, да хуже тюрьмы!—говорила я, пораженная всѣмъ мною видѣннымъ и слышаннымъ въ это утро.

— Если бабушка вздумаетъ мнѣ подарить юбку, которую Машка шьетъ, не возьму! ни за что не возьму! Не стану носить! Машку изъ-за нея сѣкли! Не хочу и не буду!—горячилась я.

— Велятъ взять, такъ возьмешь и носить будешь,—отозвалась благоразумная Нина.

— Не буду! Вотъ увидишь!

Я чуть не плакала. Испытавъ на себѣ, что значить неволя, я глубоко сочувствовала бѣднымъ швеямъ.

— А знаешь, Нина, вѣдь, мы тоже крѣпостныя! Только швеи бабушкины, а мы Софьи Александровны! Она, что хочеть, то съ нами и дѣлаетъ!

Долго мы философствовали на эту тему, пока насъ не позвали къ завтраку.

На той же террасѣ, гдѣ утромъ пили чай, былъ накрытъ завтракъ. Чего, чего не было только на столѣ! Тутъ была огромная сковорода съ битками въ сметанѣ, другая такая же съ жаренымъ картофелемъ, затѣмъ блюдо съ соченками. Соченки было фамильное кушанье, изъ рода въ родъ передаваемое. Это

¹⁾ Замолчите!

такіе толстыя блины, сложенные пополамъ, съ творогомъ внутри и поджаренные въ маслѣ. Я ѣла ихъ въ первый разъ.

У меня даже слюнки потекли отъ такого множества блюдъ. Мы привыкли къ завтракамъ, за которыми подавалось вчерашнее разогрѣтое мясо или котлеты для отца, а намъ давалась только гречневая размазня или хлѣбъ съ масломъ. Мнѣ пришлось сидѣть рядомъ съ тетей Соней. Прежде, чѣмъ Софья Александровна оглянулась, она наложила мнѣ на тарелку цѣлую кучу всего, и я, не теряя времени, принялась уплетать.

Бабушка любила, чтобы у нея сытно ѣли. Послѣ завтрака подали чай, кофе, и опять цѣлую гору хорошихъ булочекъ и крендельковъ, которые меня такъ плѣнили. Чаю и кофе намъ не дали, но зато тетя Соня дала намъ цѣлую кучу крендельковъ и упросила Софью Александровну отпустить насъ въ садъ.

Въ саду у пруда мы нашли Леву.

— Лева, покатай насъ на паромѣ!—просили мы.

— Хорошо! Только становитесь у периль и не суйте мнѣ подъ канатъ, а то еще въ воду упадете!—сказалъ онъ, и повезъ насъ на другой берегъ.

— Лева, а ты кончилъ узоръ?—спросила я.

— Конечно, кончилъ, иначе мамаша не пустила бы меня.

Мы сошли съ плота и пошли въ рощу.

— Пойдемте! Что я вамъ покажу!—сказалъ Лева.— Только дайте слово, что не скажете мамашѣ, что я вамъ показывалъ.

— Даемъ! даемъ!—кричали мы и помчались за Левой, горя нетерпѣніемъ увидать что-то чудесное.

Мы поворотили на узенькую аллею, которая привела насъ къ маленькой, хорошенькой избушкѣ, точь въ точь какъ крестьянскія избы. Внутри была лавка, палаты, печь,—все, все, какъ въ настоящей избѣ. Передъ

избой стоялъ столбъ съ доской, на которой крупными буквами было написано: *Петровское*.

— Это мамаша готовить сюрпризъ Петрушѣ на именины, 29 іюня. Его ждутъ на дняхъ изъ корпуса. Онъ любимецъ мамы, — пояснялъ намъ Лева.

— Ахъ какъ чудесно, какъ хорошо! Тутъ и чай можно пить и кушанье готовить! — восторгались мы.

— А вотъ будутъ именины Петруши, прїѣдутъ всѣ кузины, дочки тѣти Сони, будетъ большой праздникъ, фейерверкъ. Тогда можно будетъ здѣсь новоселье справить, обѣдъ сварить! Мамаша позволить.

— Вотъ будетъ интересно! Вотъ весело!!

Долго любовались мы Петровскимъ. Бѣгали по саду, катались по пруду на лодкѣ, пока не пришелъ за нами лакей и не провозгласилъ: «кушать пожалуйста!»

Обѣдъ въ Павловкѣ былъ такой же обильный, какъ и завтракъ. За столомъ сидѣло чуть ли не двадцать человѣкъ. Меня поразило то, что съ каждой стороны огромнаго стола стояло по двѣ «дѣвки», какъ ихъ называла бабушка, и обмахивали обѣдающихъ большими липовыми вѣтками отъ мухъ, которыхъ было здѣсь несмѣтное количество. Одна изъ этихъ «дѣвокъ» была та самая Наташка, которой бабушка задала такой огромный урокъ. Она стояла вся пунцовая, сконфуженная; мнѣ даже показалось, что она плакала. Я все на нее поглядывала; мнѣ было ее ужасно жаль.

Кушанье подавали три лакея и между ними тотъ самый Оедька, который стоялъ у двери на веревкѣ и вязалъ чулокъ.

Обѣдъ состоялъ изъ супа съ пирожками, соуса изъ зелени, жаркого телятины и вафель.

— Дадутъ ли намъ пирожковъ или не дадутъ? — думала я, умильно поглядывая на блюдо. Софья Александровна покушалась, было, не дать, но бабушка сказала:

— Дайте имъ, пусть у бабушки отъѣдаются!

Весь обѣдъ я поражалась. Все мнѣ казалось страннымъ, непривычнымъ. И обиліе блюдъ, и масса прислуги, и количество сидящихъ за столомъ, и эти четыре дѣвушки, какъ машины, махавшія надъ нашими головами.

Послѣ обѣда, всѣ подходили бабушкѣ къ ручкѣ.

Улучивъ минутку я юркнула въ залу, гдѣ работали швеи.

— Ты устала, Наташа, очень устала? А отчего ты плакала?—приставала я къ дѣвушкѣ.

— Приходила передъ обѣдомъ барыня и ругала ее, что мало нашила, — шепнула мнѣ востроглазая Машка.

Я заглянула въ работу Наташи.

— О! Сколько тебѣ еще вышивать осталось! Не кончишь, ни за что не кончишь!

Наташа сидѣла у окна, положивъ голову на локоть и не шила.

— Отчего же ты не шьешь? Шей скорѣй!—уговаривала я.

— Все равно не кончу! Нечего и шить!—злобно отозвалась Наташа.—Нешто можно такой урокъ осилить?! Еще обмахивать отрядила! Все на зло, чтобы я не могла кончить, чтобы надругаться надо мной!

— Ишь вѣдь ты какое зелье! Мало тебя бьютъ!—сказала Василиса.

— Что зелье! Будешь зелье! Чего она ко мнѣ придирается? Нарочно задала столько, что два дня шей,—не вышьешь! Надо ей на комъ-нибудь злобу-то свою срывать!

— Молчи ты, молчи, Бога ради! Неравно услышитъ!—уговаривала Наталья старшая.

— Чего молчать-то! Семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ!—злобно махнула рукой Наталья.—Мать-то мою ей ни-

какъ не забыть! Больно ужъ насолила! На дочкѣ надо вымѣстить!

И Наталья нервно захохотала.

— Охъ! наживешь съ тобой бѣды! Наживешь!— качая головой причитала старшая, а сама все оглядывалась на дверь, боясь, чтобы не вошла бабушка.

— Что жъ! Иди, ябедничай! Я не боюсь! Двухъ шкуръ не сдерутъ, а до одной все равно доберутся! Ей этого давно хочется! Мать убила, и я ей глаза мозолю!

Она не ошиблась.

Вечеромъ, того же дня, послѣ чаю, когда мы шли спать, я изъ окна своей комнаты увидала шедшую по дорожкѣ отъ скотной Наталью. Лицо ея было багровыми пятнами, волосы всклокочены, а глаза блестяли такой страшной злобой, что я не сомнѣвалась болѣе, что бабушка сдержала свое слово, и бѣдная Наталья была выдрана на скотной.

Мнѣ не спалось. Мнѣ страшно жаль было Наталью. Вдругъ дверь скрипнула. Я приподнялась.

— Кто тутъ?

— Это я, барышня, Машка!—былъ отвѣтъ.

— Ты! Какъ я рада, что ты пришла! Поди сюда! Машка опустилась на колѣни у моей постели.

— Скажи, Маша, Наташу выдрали? Да?

— И-и-и, барышня, какъ драли-то... Та-а-акъ драли!.. Я у аранжереи притаилась, видѣла. Самъ садовникъ дралъ. А она хоть бы пикнула. «Дери,— говорить.— Мать заporола и меня захотѣла!»

— Что ты, что ты говоришь, Маша! Какъ заporола?

— А какъ же, барышня, правда это, что заporоли! Маша облокотилась руками на мою постель и принялась рассказывать.

Вотъ что я услышала.

Мать Натальи была ткачиха, высокая, красивая баба, очень умная и злая. Не взлюбила ее бабушка,

а за что, Богъ вѣсть! И наткала-то мало, и напярала-то мало, и нитки не ровныя, и все что ни сдѣлаетъ, все не ладно! Задастъ урокъ всегда больше другихъ, а мать Натальи встанетъ ни свѣтъ, ни заря, и выткетъ. Придетъ утромъ бабушка работу повѣрять, а ужъ у нея все выткано, и она на бабушку съ гордымъ видомъ смотреть: что, молъ, взяла?

Машка облокотилась на мою постель и принялась рассказывать.

— Разъ какъ-то не вытерпѣла она и нагрубила бабушкѣ. Бабушка разозлилась, кликнула старосту и велѣла ему бить Натальину мать ременной плеткой, которую староста всегда въ рукѣ носилъ. Староста ее и ударилъ нѣсколько разъ по спинѣ. А она возьми, да и умри! Упала на полъ—мертвую подняли!

Машка помолчала.

— Такъ Наташка-то и осталась сироткой четырехъ годочковъ, еще махонькой,—продолжала она.—Десяти

лѣтъ ее во дворъ взяли, да вотъ все и мудруютъ надъ ней, издѣваются!

— А что же, бабушкѣ ничего не сдѣлали, что она убила Наташину мать?—спросила я.

— Какъ же! Въ ту пору полиція понаѣхала, да она ихъ задарила, запоила, закармила... ну,—и все дѣло притушили... «Ударъ. Случай такой вышелъ»,—сказали,—и все тутъ.

— Скажи, Маша, откуда ты все это знаешь?

— Люди сказывали.

— А отчего же мать Наташи не ушла отъ бабушки?

— Ахъ, барышня, да какъ же уйдешь, коли она крѣпостная.

— Такъ что же это такое «крѣпостная»?

— А то, что крѣпостную можно и продать, и въ Сибирь угнать, а уйти она не можетъ!

— Какъ въ Сибирь сослать? Что это значить сослать?—допрашивала я.

— А значить услатъ туда жить совсѣмъ,—поясняла Машка.—Въ Сибирь эту самую посылаютъ воровъ разныхъ, убійцевъ, да вотъ помѣщики своихъ холопьевъ посылаютъ.

— Что это значить «помѣщики»?—допрашивала я,—и «холопья», что значить. Я не понимаю, ты мнѣ объясни, Маша.

— Помѣщикъ, что значить? Да вотъ вамъ дѣдушка помѣщикъ, ваша бабушка помѣщица. У кого имѣнье и крестьяне есть, тотъ и помѣщикъ называется. Будетъ у васъ имѣнье, и вы будете помѣщицей.

— Не буду я никогда помѣщицей! Не буду! Никогда не будетъ у меня крѣпостныхъ, я ихъ всѣхъ сейчасъ же отпущу!—говорила я, и сердце мое билось отъ негодованія послѣ всего слышаннаго отъ Машки.

— А бабушка ваша моего дядю въ Сибирь угнали. Я еще махонькая была...

— За что?

— Нагрубилъ ей что-то...

— Что-жъ, онъ и теперь тамъ?

— Тамъ. Оброкъ большой посылаетъ бабушкѣ. Разбогатѣлъ, говорятъ. Онъ столяръ.

— Что такое, Маша, оброкъ?

— Оброкъ? А вотъ хоть бы взять примѣрно меня. Нѣтъ, я мала, а ну, хоть бы вотъ Оедьку, что сегодня на столъ подавалъ. Отпустила бы бабушка его служить кому другому. Сталъ бы онъ съ того жалованье получать, а бабушкѣ присылать, сколько велить. Вотъ, что пришлетъ, то и значить «оброкъ».

— Такъ я теперь поняла, Маша, что значить крѣпостные. Это вотъ какъ мы у нашей Софьи Александровны. Что съ нами хочетъ, то и дѣлаетъ.

— Нѣтъ, барышня, вовсе не то. Васъ Софья Александровна ваша сослать въ Сибирь не можетъ, продать не можетъ, а помѣщикъ крѣпостного холопа можетъ. Вотъ бы, бабушка, вамъ меня подарила, какъ бы я вамъ служить стала!!

— Ахъ, Маша, вотъ бы хорошо было! Мы бы съ тобой славно жили! Я бы не била тебя.

Мы обнялись и еще долго болтали, пока не услышали шаговъ Софьи Александровны, возвращавшейся послѣ ужина изъ дома.

Машка вскочила, выбѣжала въ другую комнату и притаилась за дверью.

Софья Александровна прошла мимо не замѣтивъ Машки. А я долго не могла заснуть, волнуемая всѣмъ мною видѣннымъ и пережитымъ за этотъ день.

ГЛАВА XII.

Пріѣздъ Петруши.

Петруша былъ братъ Левы, на три года его старше. Онъ учился въ Москвѣ въ кадетскомъ корпусѣ и пріѣзжалъ каждое лѣто на каникулы.

Бойкій, красивый, стройный мальчикъ былъ любимцемъ бабушки и всего дома. Когда онъ пріѣзжалъ, все въ домѣ было къ его услугамъ: лошади, экипажи, вся прислуга. Онъ могъ взять изъ конюшни любого коня, ѣздить хоть цѣлый день и никогда не получалъ выговора отъ бабушки. По натурѣ своей Петруша былъ очень добрый мальчикъ, но бабушка своимъ баловствомъ страшно его портила. Онъ зналъ, что ему все сходило съ рукъ и позволялъ себѣ всякія безобразія.

Больше всего доставалось отъ него бѣдному Левѣ, котораго онъ положительно преслѣдовалъ. Любимымъ занятіемъ этого баловня было продѣлать какую-нибудь скверную штуку надъ братомъ, какъ-нибудь надругаться надъ нимъ. Если же Лева отваживался не послушаться Петрушу, тотъ шелъ къ бабушкѣ, жаловался, и Леву тотчасъ же наказывали, бранили. Самымъ ужаснымъ для Левы наказаніемъ было колоть сахаръ и снимать узоры.

Петруша у бабушки былъ вѣчно правъ, а Лева вѣчно виноватъ.

Этотъ несчастный мальчикъ былъ нелюбимъ съ самаго дня рожденія. Ему даже не взяли кормилицы, а отрядили корову и сдали его на руки старой, глупой нянѣ Настасьѣ. И эта-то глупая нянька и была его воспитательницей до пятилѣтняго возраста. Пяти лѣтъ его отправили въ городъ Кострому къ дѣдушкѣ и бабушкѣ. Тамъ ему было хорошо; старики его любили, ласкали. Лева былъ мальчикъ смиренный и неглупый. Онъ выучился самоучкой читать и каждое утро читалъ дѣдушкѣ газеты.

Такъ прожилъ мальчикъ до семи лѣтъ, пока бабушка не умерла отъ удара. Она была маленькая, полная старушка 75 лѣтъ. Лева хорошо помнилъ, какъ однажды бабушка взяла ключи и пошла что-то доставать изъ шкафа. Вдругъ пошатнулась и грохнулась на полъ.

Дѣдушка не долго жилъ послѣ смерти бабушки, и Леву отдали на попеченіе двумъ старушкамъ сестрамъ, изъ которыхъ одной было около 65, а другой около 75 лѣтъ. Съ ними прожилъ онъ два года до поступленія въ гимназію.

— Намъ троимъ было полтора ста лѣтъ,—разсказывалъ намъ потомъ шутя Лева про свою тогдашнюю жизнь,—но изъ нихъ мнѣ было восемь.

Жилось ему со своими старушками очень хорошо. Онъ часто вспоминалъ, какъ онѣ его баловали, любили, какъ онъ съ ними продѣлывалъ всякія шалости, а ему все сходило съ рукъ. Онъ запрягалъ, на примѣръ, старушекъ, какъ лошадей, и заставлялъ бѣгать и катать его на спинѣ. Десяти лѣтъ его отдали въ гимназію. Скоро и старушки умерли, и Леву помѣстили къ какимъ-то знакомымъ.

По лѣтамъ его брали въ деревню, но онъ не любилъ этого. Ему жилось дурно въ родительскомъ домѣ. Бабушка всячески притѣсняла его, позволяла и Пе-

трушѣ его обижать, такъ что мальчикъ, возмущенный несправедливостью и дурнымъ обращеніемъ, сдѣлался угрюмымъ и сосредоточеннымъ.

Въ гимназіи Лева учился недурно, но не ровно: то шелъ первымъ, то, зачитавшись Майнъ-Ридомъ или «Тремя Мушкетерами», сидѣлъ «въ камчаткѣ», т.-е. на послѣдней лавкѣ, въ числѣ послѣднихъ учениковъ. Водились за нимъ и крупныя шалости. Разъ, на святкахъ, онъ привязалъ къ своему гимназическому мундиру, который тогда носили съ краснымъ воротникомъ, добытыя имъ гдѣ-то генеральскія эполеты, и въ такомъ видѣ ходилъ по знакомымъ. Дошло это до начальства, и его чуть-чуть не исключили изъ гимназіи. Когда объ этомъ узнала бабушка, мальчикъ былъ жестоко выдранъ.

Бабушка какъ будто забыла, что у нея есть сынъ Лева и вспоминала о немъ только тогда, когда до нея доходили слухи о его дурномъ поведеніи. Тогда дѣдушка отряжался въ городъ. Ему давалась масса порученій, вписанныхъ въ реестръ,—номеровъ сорокъ. Среди всякихъ ситцевъ, батистовъ, иголокъ, булавокъ, подъ номеромъ двадцатымъ или тридцатымъ стояло «высѣчь Льва Александровича». А затѣмъ опять шли разныя матеріи, шерсти, бумаги и т. д., и т. д.

Пріѣзжалъ дѣдушка въ Кострому, здоровался съ Левою, говорилъ съ нимъ, ласкалъ его, давалъ ему денегъ, а потомъ вдругъ, заглянувъ въ реестръ, преспокойно говорилъ:

— Ахъ да, братецъ, вотъ что: тебя «матушка-барыня» высѣчь велѣла!

И затѣмъ прехладнокровно звалъ лакея, приказывалъ ему сѣчь Леву, а послѣ экзекуціи такъ же ласково обращался съ нимъ. Лева не обижался за это на отца и любилъ его. Онъ зналъ, что самъ по себѣ отецъ

никогда бы его не сѣкъ, а исполнялъ только приказанія «матушки-барыни», какъ онъ всегда называлъ бабушку, послушаться которой онъ не смѣлъ.

Такъ росъ бѣдный мальчикъ, тая въ своемъ сердцѣ обиду противъ матери за несправедливыя нападки и излишнюю строгость. Немудрено, что онъ сталъ нелюдимымъ, недовѣрчивымъ и замкнутымъ.

Настало 29 іюня, день именинъ Петруши. Наканунѣ пріѣхали изъ Высокаго, имѣнья тети Сони, ея дочери—Зина, Аня и Варя, и съ ними Таня, красивая тринадцатилѣтняя дѣвочка, сестра Левы и Петруши, гостившая у нихъ. Таня была тоже бабушкиной любимицей. Ей позволялось рѣшительно все, какъ и Петрушѣ, но она была очень добрая дѣвочка, никому зла не дѣлала, и ее всѣ любили. Поздно вечеромъ 28-го пріѣхалъ и Петруша. Мы уже спали и увидѣли его только утромъ.

Прежде всего 29-го всѣ отправились въ церковь, которая была въ двухъ верстахъ отъ Павловки. Ѣхали на двухъ долгушахъ съ бубенцами и колокольцами. Послѣ обѣдни пили чай, кофе, шоколадъ, кто что хотѣлъ.

Петруша получилъ отъ дѣдушки часы и былъ въ восторгѣ.

Кончили чай.

— Ну, Петруша, пойдѣмъ въ садъ, теперь я тебѣ покажу свой подарокъ,—сказала бабушка, и мы гурьбой побѣжали вслѣдъ за ней. Она повела Петрушу къ домику.

— Вотъ тебѣ, помѣщикъ, и изба,—сказала она, живи да поживай!

— Ахъ, мамаша, спасибо! Какой чудесный домикъ! Вотъ отчего меня сегодня утромъ не пускали въ садъ! Ахъ, мамаша милая, спасибо вамъ большое!

Здѣсь можно и спать, можно чай пить, готовить кушанье! Вы, мамаша, дайте намъ провизіи, мы важный обѣдъ изготовимъ!—И Петруша въ восторгѣ покрывалъ поцѣлуями щеки и руки бабушки.

«Петровское».

Лева былъ отряженъ за провизіей; я вызвалась ему помогать.

— Ты, Лева, будешь поваръ, а я кухарка! Да? хорошо?—егозила я.

— А я буду хозяиномъ, буду вамъ кушанье заказывать,—говорилъ Петруша.

Бабушка ушла, и мы, дѣти, остались одни на свободѣ. Намъ надавали всякой провизіи, и веселье началось. Лева устроилъ себѣ изъ салфетки фартукъ, а изъ носового платка колпакъ, какъ долженствовало повару. Я была судомойка. Обѣдъ вышелъ на славу: мы сдѣлали яичницу, манную кашу, даже изжарили котлеты въ сметанѣ.

Это не помѣшало намъ однако съ аппетитомъ ѣсть за обѣдомъ.

Послѣ обѣда Петруша попросилъ позволенія у бабушки ѣхать верхомъ. Бабушка, конечно, позволила. Сталъ тоже проситься и Лева.

— Куда ты, неуклюжій! Петруша хорошо ѣздитъ, а ты свалишься!—сказала бабушка.

— Пустите его, мамаша, пусть ѣдетъ! Я велю ему дать Лыску,—обратился Петруша къ бабушкѣ.

— Ну ладно,—усмѣхнулась бабушка,—пусть его, коли ему охота свалиться!

Мнѣ показалось, что мать съ сыномъ переглянулись, и какое-то злорадство мелькнуло въ ихъ глазахъ. Я не сомнѣвалась, что Петруша хочетъ сыграть съ Левою какую-нибудь скверную штуку. Мальчики пошли въ конюшню, а мы на дворъ.

Петруша выѣхалъ на красивой вороной лошади. Онъ сидѣлъ ловко и смѣло проскакалъ передъ нами. Позади ѣхалъ Лева на какой-то невозможной клячѣ. Она не слушалась его и шла какъ-то бокомъ.

— Ну, всадникъ! Что же ты отстаешь? Хвалился умѣешь ѣздить, поѣзжай!—смѣялся на Леву Петруша.

— Ёхалъ бы ты самъ на такомъ одрѣ! Она вовсе не идетъ!—чуть не плача говорилъ Лева.

— Пойдетъ! Гляди еще и меня обгонить!—глумился Петруша.

Они выѣхали за ворота и понемногу скрылись изъ вида. Мы всѣ высыпали на дорогу, въ бесѣдку, и стали

Лева былъ поварь. Я—судомойка. Обѣдъ вышелъ на славу.

дожидаться ихъ возвращенія. Бесѣдка была противъ дома, черезъ дорогу. Въ ней всегда пили въ хорошую погоду по вечерамъ чай или подавали десертъ. Такъ и теперь,—тамъ былъ сервированъ столъ со всякими сладостями, фруктами, ягодами.

Не прошло и часу, какъ мы увидали облако пыли. Наши всадники неслись во весь духъ.

Лева былъ въ самомъ жалкомъ видѣ. Волосы растрепаны, шапки не было, панталоны его, бывшіе безъ штрипокъ, поднялись кверху и видны были голыя ноги. Петруша скакалъ сзади и неистово хлесталъ лошадей Левы, приговаривая:

— Вотъ такъ всадникъ!! Какъ лихо скачетъ!

Всѣ дѣти захопали въ ладоши, захохотали. Бабушка хохотала больше всѣхъ.

Лошадь между тѣмъ шарахнулась въ ворота и понеслась въ конюшню. По счастью, тутъ стояли кучера, ожидавшіе возвращенія мальчиковъ; они остановили лошадь и сняли испуганнаго Леву.

— Что это вы, баринъ, изволили съ ней сдѣлать?—спрашивалъ Иванъ Лебедевъ, главный кучеръ.—Она смиренная, смириѣ ея нѣтъ.

— Это Петруша все ее стегалъ... Я просилъ его не трогать... а онъ нарочно... по ногамъ все ее хлесталъ!..

И говоря это, мальчикъ бросился на траву и зарыдалъ. Онъ слышалъ смѣхъ матери, смѣхъ дѣтей и былъ жестоко обиженъ.

Чему они смѣялись? Тому, что баловень Петруша выставилъ его посмѣшищемъ, давъ ему негодную клячу, а потомъ хлесталъ ее для того, чтобы она его сбросила! Вѣдь онъ могъ разбиться до смерти! И мать, вмѣсто того, чтобы наказать озорника, сама потѣшилась и смѣялась!

— Нѣтъ! Левъ-то Александровичъ каковъ!—продолжала хохотать бабушка.—Охъ, вспомнить не могу его фигуру! Туда же ѣздить вздумалъ!

Всадники неслись во весь духъ. Петруша скакаль сзади и неистово хлесталь лошадь Левы, приговаривая:
—Вотъ такъ всадникъ! Какъ лихо скачетъ!!!

А Петруша между тѣмъ продолжалъ гарцевать передъ нами на своемъ жеребцѣ, ничуть не смущаясь тѣмъ, что сыгралъ надъ братомъ такую скверную штуку.

— А ловко кобыла его несла! Еще какъ усидѣлъ, удивляюсь! Небось за то ужъ не попросится больше кататься! Ха! ха! ха!—заливался онъ, а баловница маменька ему вторила.

Мнѣ стало обидно и больно за Леву. Я пошла его отыскивать и нашла его на травѣ въ горячихъ слезахъ. Увидавъ меня, онъ вскочилъ и убѣжалъ.

— Пойдемте искать Левину фуражку, а то ее поднимутъ и унесутъ!—сказала я дѣтямъ, возвратясь въ бесѣдку, и мы всей гурьбой отправились по дорогѣ, разсуждая о только что случившемся происшествіи. И странно,—всѣ почти были на сторонѣ красиваго и ловкаго Петруши и всѣ смѣялись надъ неуклюжимъ, пострадавшимъ Левой. Только я да сердобольная Нина, которая всегда была на сторонѣ униженныхъ и оскорбленныхъ, сочувствовали бѣдному мальчику. Наши собственные несчастія развили въ насъ чуткость и сочувствіе чужому горю. Мы съ Ниной горячо протестовали противъ сквернаго поступка Петруши и насмѣшекъ бабушки.

Шапку мы нашли недалеко отъ дома, и я пошла опять разыскивать Леву, чтобы возвратить ее ему.

Поиски мои были напрасны. Левы нигдѣ не было. Очевидно, обиженный мальчикъ спрятался, чтобы одному на свободѣ выплакать свою обиду.

День окончился феерверкомъ и иллюминаціей, устроенной самимъ именинникомъ, а потомъ танцами подъ аккомпанементъ фортепьяно. Дѣвочки тети Сони, хорошенькая Таня и Петруша танцовали прелестно; мы съ Ниной умѣли немного. Я была въ восторгѣ; скакала и прыгала больше всѣхъ.

Стали составлять кадрили, недоставало одного кавалера.

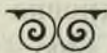
— А гдѣ же Лѣфъ Александровичъ, нашъ знаменитый Донъ-Кихоть?—спросила бабушка, ища глазами Леву.

Бабушка такъ не любила Леву, что даже назвать его по имени не могла, какъ слѣдуетъ, а коверкала его имя, произнося не Левъ, а какъ-то Лѣфъ.

Всѣ бросились искать мальчика, но напрасно,—Лева нигдѣ не находился.

— Ну, и чортъ съ нимъ!—сказала бабушка, когда мы вернулись съ поисковъ.—Гдѣ-нибудь дрыхнетъ!

Въ четвертую пару встала Софья Александровна, и танцы продолжались съ прежнимъ увлеченіемъ. Всѣ совершенно забыли про несчастнаго мальчика. А онъ забился въ самый темный уголъ гостиной и думалъ свои горькія думы.

ГЛАВА XIII.

Лягушечій прудъ.

Дня черезъ два тетя Соня съ дочками собралась обратно въ свое имѣнье. Дѣвочки неотступно просили мать пригласить насъ погостить къ себѣ на нѣкоторое время. Тетя Соня охотно согласилась. Ей очень нравилась Софья Александровна, и она рада была ее видѣть у себя. Софья Александровна въ свою очередь старалась обворожить тетю Соню, представляясь ей въ самомъ лучшемъ свѣтѣ. Мы отъ этого только выиграли, такъ какъ насъ меньше били и наказывали, и только втихомолку, когда никто не видалъ, мы получали пинки да щипки, съ которыми охотно мирились, лишь бы не было худшаго.

Три дочки тети Сони подружились съ каждой изъ насъ: старшая, тихая, кроткая Зина, полюбила нашу скромную, молчаливую Нину; Варя, младшая, все возилась съ Васей, средняя же, Аня, моя тезка, бойкая, умная дѣвочка, сдружилась со мной. Обѣ рѣзвыя, живыя, мы какъ нельзя больше подходили другъ къ другу. Нашалить ли, напроказить—первыми зачинщиками были Аня, либо я.

Мы отправились. Ъхали въ двухъ тарантасахъ. Петруша на козлахъ. Леву не пустили,—онъ долженъ былъ колоть сахаръ и снимать узоры.

Къ вечеру пріѣхали мы въ Высокое, такъ звали усадьбу тети Сони.

Мѣсто было красивое, живописное. Домъ стоялъ на горѣ, внизу протекала рѣка, а невдалекѣ шли горы, которыя назывались Швейцаріей. И правда,—было что-то въ миниатюрѣ похожее на Швейцарію. Приходилось взбираться на крутизны, а оттуда сбѣгать по узенькимъ тропиночкамъ, вившимся между столѣтними елями и соснами.

Домъ въ Высокомъ былъ большой, двухъэтажный, съ двумя террасами, изъ которыхъ одна выходила въ садъ, а другая на дворъ. На дворѣ были гимнастика и гигантскіе шаги, на которыхъ каждый вечеръ бѣгали всѣ обитатели Высокаго, и малые и большіе. Во второмъ этажѣ помѣщались дѣти, въ бельэтажѣ были парадныя комнаты, а въ нижнемъ этажѣ расположились гости.

Обѣжавъ весь садъ и всѣ достопримѣчательности усадьбы, мы наконецъ явились къ чаю. Когда мы вошли, тетя Соня подвела насъ къ какой-то маленькой, сгорбленной старушонкѣ, сидѣвшей въ высокомъ креслѣ съ газетой въ рукахъ.

— Вотъ это дѣти Павла Александровича,—сказала она,—вотъ старшая, Ниночка, вотъ вторая, Нюта, а вотъ и маленькій Вася.

Насъ заставили приложиться къ костлявой рукѣ, которую протянула намъ старушка.

Марья Ивановна была сестра дѣдушки; ей было 70 лѣтъ. Она была старая дѣва, злая, сварливая, исключительно занимавшаяся политикой. Цѣлый день она читала газеты и потомъ съ первымъ попавшимся дѣлилась газетными новостями. Имѣнія своего у нея не было, и она гостила по очереди то у тети Сони, то у бабушки.

Напившись чаю и простившись со всѣми, она пошла къ себѣ.

— Пойдемте теперь за ней, — шепнула намъ шалунья Аня, — она теперь пойдетъ къ себѣ, молиться будетъ и животъ себѣ утюгомъ гладить! Это интересно!

— Какъ животъ гладить? — удивились мы.

— А вотъ увидите! Пойдемте!

Мы сошли внизъ, на цыпочкахъ подошли къ двери, въ которую вошла Марья Ивановна, и стали прислушиваться. На наше счастье дверь была не плотно притворена, такъ что мы могли видѣть все, происходившее въ комнатѣ.

Только что она вошла въ комнату, какъ принялась звать во все горло свою крѣпостную дѣвку:

— Машка! Машка, чортъ! Гдѣ ты? Ут-ю-югъ!

— На что ей утюгъ? Скажи! — шепнула я на ухо Анѣ.

— А вотъ погоди, увидишь! Молчи!

Дѣвка явилась, принесла горячій утюгъ, уложила Марью Ивановну на постель и стала водить ей утюгомъ по животу.

Старуха кряхтѣла, охала, ругалась, приказывала гладить то тамъ, то тутъ, то выше, то ниже, то крѣпче, то легче.

Когда эта операція кончилась, Марья Ивановна встала на колѣни передъ образомъ.

— Теперь она молиться будетъ! — шепнула Аня. — Слушайте! интересно!

Марья Ивановна стала громко читать молитвы; дѣвка стала стелить постель.

Долго, сложивъ руки крестомъ и поднявъ глаза къ небу, она шептала молитвы, вздыхала, крестилась. Потомъ, опустившись на колѣни, стала класть земные поклоны.

Но, вотъ, ей понадобилось встать. Она оборачивается.

— Охъ, Машка, чортъ! Чего смотришь! Видишь, встать не могу! Лѣшая!

Машка помогла ей подняться.

— Охъ! грѣхъ какой! Господи, прости моя согрѣшенія!.. Съ тобой всегда нагрѣшишь! Дура!

Марья Ивановна снова молится, снова кланяется.

Машка уложила Марью Ивановну въ постель и стала водить ей утюгомъ по животу.

...«всякое прегрѣшеніе, вольное же и невольное, еже словомъ, еже дѣломъ, еже вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ»...

Оборачивается.

— Опять перину не взбила? Чо-о-рть! Ду-ур-ра!

... «яко благъ и человѣколюбець... прости ми»!..

Въ такомъ же духѣ продолжалась молитва дальше, пока, вдоволь намолившись и наругавшись, Марья Ивановна не улеглась въ постель, приказавъ еще разъ

на ночь своей «Машкѣ» разгладить ей животъ горячимъ утюгомъ. А мы все стояли у двери и наблюдали эту комедию, пока не услышали голоса Софьи Александровны, звавшей насъ спать.

На другой день случился эпизодъ, испортившій намъ все пребываніе въ Высокомъ.

Вотъ что случилось.

Послѣ обѣда тетя Соня съ Софьей Александровной сидѣли на террасѣ за чаемъ и мирно разговаривали; мы выпросились въ садъ.

Сначала бѣгали, играли.—Надоѣло.

— Пойдемте малину ѣсть!—предложила Аня.

— Чудесно! бѣжимъ!—заявила я.

— Но вѣдь намъ Софья Александровна не позволила,—вставила благоразумная Нина.

— Эка важность! не велѣла! Поѣдимъ, и не увидить!—протестовала я.

Пошли. Наѣлись. Никого не повстрѣчали, все обошлось какъ нельзя лучше. Но вотъ бѣда: руки въ малинѣ, лицо и губы тоже. Надо вымыться, но гдѣ?

— Пойдемте въ спальню къ тетѣ Сонѣ,—звала Нина.

— Ну вотъ еще выдумала!—воскликнула Аня,—увидятъ насъ, спросятъ отчего руки запачканы, и достанется намъ всѣмъ.

— Такъ что же дѣлать?—недоумѣвали мы.

— Пойдите! Вотъ что я придумала: идемте къ пруду, тамъ и вымоемся, утремся платками и дѣлу конецъ!

Мы побѣжали исполнять удачную выдумку.

— Только вы, неуклюжія, не суйтесь!—говорила я Нинѣ и Варѣ,—я сама васъ вымою, а то вы какъ разъ свалитесь и мнѣ придется васъ выуживать!

Говоря это, я легла ничкомъ на край пруда, зачерпнула въ горсть воды, каждой умыла лицо и руки, затѣмъ стала умываться сама. Дѣвочки смѣялись, утираясь платками.

— Вотъ хорошо умылись въ лягушечьемъ пруду!

— А вѣдь этотъ прудъ только недавно сталъ лягушечьимъ. Прежде онъ былъ для карасей. Я помню, какъ мы приходили сюда кормить маленькихъ рыбокъ. А теперь весной тутъ цѣлая куча головастиковъ и лягушатъ.

Мы сѣли на корточки и стали глядѣть въ прудъ. Онъ былъ весь покрытъ тиной и зеленью; по краямъ высывались лягушки. Мы забавлялись, пугая ихъ, и смотрѣли, какъ онѣ шлепались въ воду. Вдругъ кто-то нечаянно толкнулъ Нину, и она полетѣла въ прудъ. Падая, она уцѣпилась за близко стоящую Варю и увлекла ее за собой. Прудъ былъ не глубокъ, всего три четверти аршина, но этого было вполне достаточно, чтобы захлебнуться, тѣмъ болѣе, что Нина лежала навзничъ на днѣ пруда и только болтала кончиками пальцевъ, а Варя сидѣла по поясъ въ водѣ у нея на ногахъ.

Что было дѣлать? Нельзя было терять ни минуты. Я легла на край пруда, уперлась рукой въ берегъ, а другой стала тянуть Нину за руку, пока она не высунула головы; а Аня тѣмъ временемъ помогла Варѣ выкарабкаться.

Нина начинала уже захлебываться, но ей подали руки и вытащили общими силами. И вотъ она стоитъ вся мокрая, въ тинѣ и плачетъ.

— Я говорила, что не надо было ѣсть малину,— всхлипывая говорила она.—Вотъ, что вышло!..

Что же теперь дѣлать?

Мы приуныли. Положеніе, дѣйствительно, было критическое.

— А вотъ, погодите! Я сбѣгаю домой и достану у няни все сухое для Нины и Вари!—воскликнула егиза Аня и мигомъ исчезла.

Мы остались въ нетерпѣливомъ ожиданіи ея возвращенія. Минуть черезъ десять она явилась, неся все необходимое для обѣихъ дѣвочекъ.

— Вотъ молодецъ! Какъ же ты добыла все?—допрашивали мы.

— Да ужъ всего было! И просила, и ругалась,—не даетъ, да и только! Чуть не въ драку! Вытащила сама все изъ комода, да и удрала!!

Мы живо помогли дѣвочкамъ переодѣться, высушили на солнцѣ мокрыя платья и волосы Нины и пошли какъ ни въ чемъ не бывало.

Аня отнесла нянѣ мокрое платье, убѣдивъ старую ворчунью молчать.

Все бы такъ и обошлось благополучно, если бы взглядъ Софьи Александровны не упалъ на ботинки Нины.

— Отчего ты въ новыхъ ботинкахъ?—спросила она.

Нина, не умѣвшая лгать, молчала.

— У нея одинъ башмакъ промокъ, она въ лужу попала,—солгала Аня.

— Я не тебя спрашиваю, а Нину. Пусть она мнѣ отвѣчаетъ,—говорила Софья Александровна, продолжая допрашивать Нину.

Та плакала и не говорила ни слова.

Начались допросы, разспросы. Насъ разсадили въ разныя комнаты и уже не пускали больше бѣгать на свободѣ во все остальное время нашего пребыванія въ Высокомъ.

ГЛАВА XIV.

Побѣгъ.

Пріѣхали мы обратно въ Павловку, и насъ засадили за ученье.

Софья Александровна такъ сумѣла пріобрѣсти расположение бабушки, что та въ ней души не чаяла. Слыша часто нашъ ревъ во время занятій, бабушка считала насъ дурными и капризными дѣтьми. Она не знала, что Софья Александровна за малѣйшую провинность хлестала бѣднаго Васю плеткой и награждала меня оплеухами.

— И терпѣнье же у васъ!—говорила бабушка нашему тирану.—Я бы скорѣе камни согласилась ворочать, чѣмъ учить такихъ капризниковъ!

— Что же дѣлать! — вздыхала Софья Александровна.— Нужда! нужда, дорогая Анна Павловна!...

Кончилось тѣмъ, что и бабушка стала съ нами дурно обращаться и даже разъ собственноручно высѣкла Васю.

Вотъ какъ это произошло.

Былъ урокъ французскаго чтенія. Вася особенно не любилъ этого урока. Ему трудно было произносить носовые звуки: en, on, in, un... Учительница требовала, чтобы онъ произносилъ ихъ какъ французъ, но мальчикъ этого не могъ и, когда они ему попадались, онъ сразу начиналъ ревѣть.

Такъ было и въ этотъ день. Разозленная Софья Александровна схватила его поперекъ за поясъ, приподняла въ воздухъ и принялась бить линейкой. Послѣ такой операціи мальчикъ не могъ, конечно, произнести ни одного носового звука и только рыдалъ. Какъ разъ въ это время проходила мимо нашихъ оконъ бабушка.

— Нѣтъ! я больше не могу! И мое терпѣніе лопнуло!. Опять ты ревешь!

Говоря это, она сорвала въ саду розгу, почти вбѣжала въ комнату, схватила Васю за руку и стала хлестать его прутомъ, бѣгая за нимъ по комнатѣ, пока не упала въ изнеможеніи на диванъ.

— Уфъ! чтобъ тебя, дрянной мальчишка! Измучилась! Не отдышусь никакъ!—пыхтѣла бабушка, едва переводя духъ.

Потомъ она встала, взяла за руку Софью Александровну и обѣ удалились изъ класса.

Бѣдный Вася горько плакалъ, а мы съ Ниной были глубоко возмущены.

— Что же это такое?! Бабушка и та стала бить насъ!

— А я вотъ что сдѣлаю, Нина!—говорила я.—Я слышала, что сегодня въ городъ ѣдетъ Тихонъ съ провизіей... Я напишу папашѣ письмо, все, все ему напишу... Пожалуюсь ему, попрошу заступиться за насъ...

— Ничего изъ этого не будетъ! Только хуже будетъ!—убѣждала меня благоразумная Нина.

— Отчего не выйдетъ? Отчего? Онъ имъ не велитъ бить насъ... я знаю... не велитъ!!

Я взяла бумагу, перо и принялась писать.

Письмо вышло нѣжное, трогательное. Я описывала отцу, какъ насъ мучаетъ и бьетъ Софья Александровна, какъ мы страдаемъ, какъ даже бабушка начала насъ бить.

— «Одинъ вы нашъ заступникъ, одинъ вы нашъ родитель!..—писала я. — Защитите бѣдныхъ сиротокъ! заступитесь за насъ! Умерла наша мама... одинъ вы нашъ спаситель!»..

Вся моя наболѣвшая дѣтская душа вылилась въ этомъ письмѣ. Я была твердо увѣрена, что отецъ придетъ, возьметъ насъ, прогонитъ Софью Александровну. Я добыла конвертъ, сургучъ и запечатала письмо.

— Кто теперь передать его Тихону?

Я взяла бумагу, перо и принялась писать.

На мое счастье бѣжала обѣдать мимо нашихъ оконъ моя ночная пріятельница Машка. Я ее окликнула,— она подбѣжала къ окошку.

— Маша! Маша! Миленькая! Отыщи Тихона, отдай ему это письмо. Скажи, чтобы папашѣ въ собственныя руки отдалъ!.. Непремѣнно! Слышишь?!

— Слышу, барышня! Отыщу и отдамъ! ужъ будьте спокойны!—и она, принявъ отъ меня письмо, убѣжала.

Долго пришлось намъ ждать что-то отвѣтить отецъ. Часто мы разсуждали и гадали между собой, — что онъ скажетъ, какъ отвѣтить на мое нѣжное, полное ласки и

мольбы письмо, въ которомъ я умоляла его о защитѣ, которымъ я думала тронуть его родительское сердце...

Прошло двѣ недѣли.

Какъ-то разъ послѣ урока меня позвали къ бабушкѣ.

Сердце у меня упало.

— Что бы это значило?—думала я, и ноги у меня подкашивались.

Я вошла. Бабушка сидѣла у стола, лицо ея было злое, презлое. На столѣ, передъ ней лежало письмо.

— Ну-съ! кто это писалъ? Ты? Говори! Ты это писала?

И бабушка тыкала мнѣ въ лицо письмомъ, которое она держала въ рукахъ. Я молчала.

Письмо это было, дѣйствительно, мое, писанное отцу... Но какъ оно попало къ бабушкѣ?!

— Такъ ты на меня жаловаться! Видите ли, ихъ «обижаютъ, бьютъ!... Одинъ вы нашъ родитель! одинъ вы нашъ заступникъ!...—передразнивала она.

— А вотъ родитель-то твой, «заступникъ»-то твой оказался уменъ! Умнѣе, чѣмъ ты думала! Взялъ да и прислалъ твое письмо мнѣ же. «Расправьтесь съ ней по-своему!» Вотъ что онъ пишетъ! Что взяла?!

Я стояла какъ вкопанная.

Такъ это правда! Правда!.. Мое нѣжное письмо, способное тронуть каменное сердце, онъ прислалъ бабушкѣ?!...

Мысли мои путались. Въ глазахъ темнѣло.

Что же теперь дѣлать? У кого искать защиты? Родной отецъ и тотъ предалъ насъ!

— Вонъ, мерзкая дѣвчонка! Не смѣй мнѣ на глаза показываться! Видѣть тебя послѣ этого не хочу!—сказала бабушка и рѣзкимъ толчкомъ вытолкала меня изъ комнаты.

Въ порывѣ отчаянія я бросилась бѣжать въ садъ. Добѣжавъ до своей любимой пихты, подъ которой я

не разъ плакала, я бросилась на землю и разразилась горькими рыданіями. Долго плакала я, думая выплакать обиду, но и слезы не облегчили меня.

— Убѣгу, убѣгу совсѣмъ! Куда глаза глядятъ! Убѣгу далеко... кто-нибудь пріютить меня... Я могу работать... буду жить у какого-нибудь мужика за хлѣбъ... а домой не вернусь!..

— Ну-съ! кто это писалъ? Говори!..

Я вскочила и побѣжала.

Перескочивъ черезъ заборъ, я перебѣжала поле и достигла лѣса. Было еще свѣтло, и я безъ страха вошла въ лѣсъ.

Тамъ бабы собирали грибы.

— Откуда вы, барышня?—спросили онѣ меня.

— Я заблудилась... скажите, гдѣ дорога?

— Да тебѣ куда? Въ Павловку что ли?

— Нѣтъ, нѣтъ, не въ Павловку!—испугалась я,— въ другую сторону!

Бабы указали, и я побѣжала какъ можно скорѣе; я боялась, что бабы отвѣдутъ меня къ бабушкѣ. Долго бѣжала я по лѣсной дорогѣ безъ оглядки, не думая, куда я бѣгу, что будетъ со мной... Я думала объ одномъ, чтобы убѣжать подальше, подальше отъ моихъ мучителей!

Стало темнѣть.

Я устала, проголодалась, а кругомъ былъ все лѣсъ, ни признака деревни.

Мнѣ стало жутко. Я опустилась на траву. Голова у меня болѣла, въ вискахъ стучало, голодъ сильно давалъ себя знать: я съ утра ничего не ѣла.

— Я умру голодной смертью. Пусть отецъ мучается всю жизнь, что я умерла изъ-за него!—Я закрыла лицо руками и зарыдала.

— Ахъ! если бы была жива мама! Она не позволила бы насъ мучить! Мама! Мама! возьми меня! Я хочу умереть! хочу къ тебѣ!..

Наплакавшись, я стала спокойно ждать смерти. Я воображала, что отъ голода смерть наступаетъ мгновенно, и радовалась, что умру.

Вдругъ вижу я, что одинъ кустъ все растетъ и растетъ... Изъ него показалась сначала голова, а потомъ и вся фигура женщины въ сѣромъ платьѣ.

— Ты меня звала,—сказала она мнѣ,—я пришла за тобой!

Я узнала маму. Это была она. То же сѣрое платье и красный бантъ на груди, какой былъ у ней, когда она лежала на столѣ.

— Мама, мама! Это ты?!. Я ждала тебя! Возьми меня, возьми къ себѣ!.. Я не хочу жить!.. Меня мучаютъ! Бьютъ!... Я хочу умереть! Хочу.. быть съ тобой!..

Я протягивала къ ней руки, силясь приподняться отъ земли.

— Ты меня звала,—сказала мама—я пришла за тобой!..

— Я и пришла за тобой!

— А хорошо у васъ на небѣ?

— Да! тихо, спокойно... мирно... Идемъ же!..

Она взяла меня за руки, хотѣла приподнять, но что-то крѣпко приковывало меня къ землѣ. Я чувствовала, что мама отдѣляется отъ земли, а я остаюсь на мѣстѣ.

— Мама, мама! не уходи! возьми меня съ собой!!— хочу кричать я, но голосъ не повинуется мнѣ.

Я вижу, что мама улетаеть, что на томъ мѣстѣ, гдѣ она была, остается только густое бѣлое облако...

— Терпи... надѣйся... и молись!..—услыхала я... И все исчезло...

Я вскрикиваю и... просыпаюсь.

Надо мной, наклонившись, стоитъ нашъ кучеръ Иванъ Лебедевъ и изо всѣхъ силъ старается растолкать меня.

— Барышня, а барышня! Проснитесь!.. Я за вами пріѣхалъ... васъ всюду ищутъ... бабинька серчаютъ.

Я приподнимаюсь,—ничего не понимаю...

— Мама! Мама!.. Гдѣ она?!

— Что вы, барышня? Какая мама? вы вѣрно за-спались!

Такъ это былъ сонъ? Я опять одна, одна на свѣтѣ!!

Я бросилась на траву и судорожно зарыдала.

— Перестаньте, барышня, не плачьте! Бхать пора!

Онъ взялъ меня на руки, завернулъ во что-то теплое, усадилъ въ телѣгу и повезъ.

— Натек-ка, матушка-барышня, хлѣбушка скушайте! Машка сунула мнѣ, какъ я запрягалъ! Небось съ утра не ѣмши!

Онъ вынулъ изъ-за пазухи краюху чернаго хлѣба и подалъ мнѣ.

— Не стану я ѣсть! Умру съ голоду!—вскричала я... но черезъ минуту уже тянулась за хлѣбомъ, показавшимся мнѣ очень вкуснымъ послѣ цѣлаго дня поста.

Долго ѣхали мы, такъ какъ оказалось, что я ушла за двѣнадцать верстъ отъ дому.

Бабушка и Софья Александровна сидѣли въ гостиной и ждали меня.

— Такъ ты вотъ еще какъ?!. Бѣгать вздумала?!. — набросилась на меня бабушка. — Хорошо же! Я расправлюсь съ тобой по своему! На хлѣбъ, на воду! На чердакъ... къ крысамъ!!! А! скажите, какое зелье!! что выдумала?!. Да я тебя... я тебя... запорю!!!

Я стояла какъ истуканъ.

Мы обнялись какъ сестры. Я стала рассказывать ей о своемъ видѣніи.

Терпи... надѣйся и молись!.. — повторяла я въ умѣ слова видѣнія.

— Да ты слышишь ли, чувствуешь ли что я говорю?!. — орала въ изступленіи бабушка. — Или ты истуканъ?! — теребила она меня.

— А что было бы, кабы тебя волки загрызли? Что бы мнѣ твой отецъ сказалъ? Поняла ли ты это?.. сообразила ли ты?

Она схватила меня за руку и потащила на чердакъ. Тамъ была одна маленькая комнатка съ однимъ оконцемъ. Она толкнула меня туда и захлопнула дверь.

— Сиди тутъ, пока не расквасишься въ своемъ поступкѣ!—сказала она и ушла.

На полу былъ тюфякъ. Я опустилась на него... Голова у меня горѣла... губы запеклись, мнѣ хотѣлось пить.

— Они хотятъ уморить меня! Пусть! Я умру! Я пойду къ мамѣ... Мама! Мама! возьми меня къ себѣ!

Терпи... надѣйся... и молись!.. — вспомнила я, и слезы, обильныя слезы, такъ долго сдерживаемыя, полились изъ моихъ глазъ.

Наплакавшись, я уснула.

Кто-то стукнулъ въ дверь.

— Кто тамъ?—вскочила я въ испугѣ.

— Это я, барышня, Машка... принесла вамъ покушать. Отворите!..

Я съ радостью схватила молоко и хлѣбъ, которые принесла Машка, и стала ѣсть.

— Это я у тетки Настасьи выпросила,—сказала Машка... я знала, что вамъ негдѣ было покушать-то... А ужъ бабинька-то такъ серчали... такъ серчали!.. Насъ всѣхъ искать посылали... мы бѣгали... бѣгали... спасибо бабы въ лѣсу указали.

— Маша, ты лягъ со мной здѣсь, не уходи, мнѣ одной страшно,—просила я.

Машка легла ко мнѣ на тюфякъ.

Мы обнялись какъ сестры. Я стала ей рассказывать о своемъ видѣніи и, засыпая, повторяла слова мамы: «Терпи... надѣйся и молись!»—слова, которыя послѣ долгое время служили мнѣ поддержкой въ тяжелыя минуты жизни.

ГЛАВА XV.

Бабушкины именины.

Цѣлую недѣлю продержала меня бабушка на хлѣбѣ и на водѣ, на чердакѣ, въ полномъ одиночествѣ, и только по ночамъ вѣрная Машка приходила раздѣлять мое горе.

Нина нѣсколько разъ просила Софью Александровну позволить ей сходить ко мнѣ, но ей не позволяли. Ей удалось одинъ только разъ прибѣжать ко мнѣ на нѣсколько минутъ, пока Софья Александровна пила чай у бабушки съ какими-то гостями. Она ахнула, увидавъ меня,—до того я осунулась и похудѣла. Она обняла меня и горько заплакала.

— Говорила я тебѣ, Нюта, не пиши письма, ничего изъ этого не выйдетъ! Вотъ и вышло по-моему!

— Ну что? А какъ Софья Александровна бьетъ Васю или потише стала?—спрашивала я.

— Тише много... все говорить только: «я вамъ дамъ жаловаться! Думаете, я боюсь Павла Александровича?» А сама все-таки ужъ не такъ дерется.

— Видишь! все-таки польза вышла отъ моего письма... Христось страдалъ за людей... и я за всѣхъ насъ!

— Ну, прощай! больше нельзя оставаться, придетъ, накажетъ!—И Нина, поцѣловавъ меня, убѣжала. Больше ей не удалось урваться ко мнѣ изъ боязни наказанія.

Машка добыла мнѣ книгъ отъ Нины, и я цѣлыми днями читала. Подъ вечеръ я съ нетерпѣніемъ ожидала прихода Машки; она всегда приносила съ собой что-нибудь вкусное: лепешку, сладкій пирожокъ или кусокъ мяса, который выпрашивала у экономки, милой, доброй Юліи Николаевны. Надо, кстати, сказать о ней нѣсколько словъ.

Юлія Николаевна была молоденькая, 22-хъ лѣтняя дѣвушка, очень некрасивая и очень бѣдная. Все лицо ея было изрыто оспой и только большіе голубые глаза глядѣли ласково и свѣтились такой добротой, что къ ней тянуло всякаго. Бабушка взяла ее изъ состраданія къ ея многочисленной семьѣ, въ которой было двадцать человѣкъ дѣтей, и положила ей девять рублей жалованья. Добрая Юлія Николаевна не могла безъ слезъ смотрѣть на грубое обращеніе съ нами и всегда старалась, чѣмъ только могла, утѣшить и побаловать сиротокъ: то сунетъ украдкой конфету, то пирожокъ или пряничекъ.

Мы ее очень любили и прозвали «теткой». У этой-то «тетки» Машка всегда и выпрашивала мнѣ что-нибудь и съ торжествомъ приносила въ мое заключеніе.

— Вотъ вамъ, милая барышня, кушайте на здоровье! Тетка дала,—говорила она.

Я принималась съ жадностью ѣсть принесенное, а Машка усаживалась противъ меня и, пока я ѣла, рассказывала мнѣ новости дня. Наговорившись, мы ложились, обнявшись, и вскорѣ засыпали.

Приближался день именинъ бабушки, день, который всегда праздновался съ большимъ великолѣпіемъ. На торжество собирались всѣ родственники изъ окрестныхъ имѣній и изъ города.

Наканунѣ именинъ меня позвали къ бабушкѣ. Цѣлый часъ я стояла передъ ней, слушая, какъ она читала мнѣ длиннѣйшія нотаціи о моемъ дурномъ поведеніи. Я думала и конца не будетъ.

— Если бы не мои именины и не твои, я бы еще продержала тебя за твои проказы, — сказала она. — Сегодня прїѣдетъ тетя Соня съ дѣвочками, не хочу тебя конфузить передъ кузинами... Ступай! Но если ты еще когда-нибудь осмѣлишься выкинуть что-либо подобное... Смотри у меня!!

Бабушка погрозила мнѣ пальцемъ и отпустила.

Наскучавшись за недѣлю въ одиночествѣ, я была рада свободѣ и не могла наговориться съ прїѣхавшими кузинами. Глядя на мое оживленное лицо и слушая мой веселый разговоръ и громкій смѣхъ, никто бы не могъ подумать, что я высидѣла цѣлую недѣлю въ одиночномъ заключеніи на хлѣбѣ и водѣ.

На другой день съ утра начался прїѣздъ гостей изъ города. Бабушка была очень хлѣбосольна и любила, чтобы угощеніе было на славу.

Завтракъ былъ приготовленъ на террасѣ. Чего, чего тутъ не было! Еще за три дня до именинъ бабушка начала хлопотать и дѣлать распоряженія относительно угощенія.

Сидя у себя на чердакѣ, окно котораго выходило на дворъ, я видѣла, какъ бабушка сидѣла въ сѣняхъ около кладовой и заказывала повару Ивану, почтительно стоявшему передъ ней въ бѣлоснѣжномъ фартукѣ и колпакѣ и слушавшему ея приказанія.

Я, какъ именинница, встала веселая и задавала себѣ вопросъ: подарить мнѣ что-нибудь бабушка, или не подарить.

— Я знаю, что она тебѣ подарить, — говорила Нина, — юбку вышитую!

— Ну, вотъ еще! я не возьму юбку!

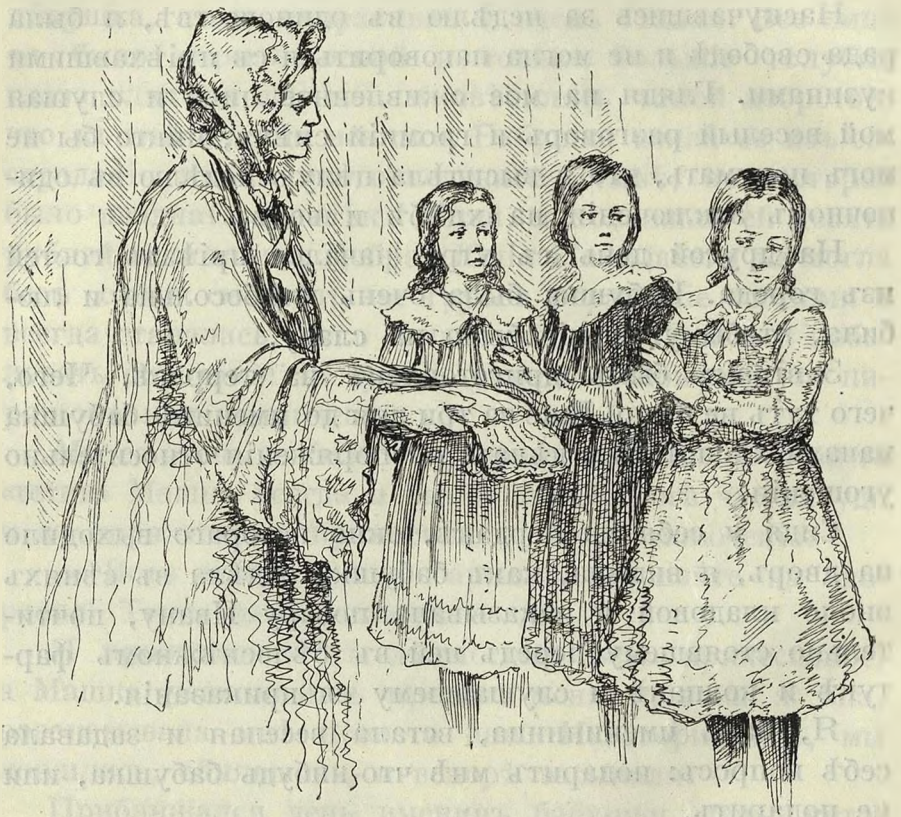
— Ого! не возьмешь? Какъ же это ты не возьмешь?

— А вотъ увидишь!

Мы разошлись и пошли поздравлять бабушку. Она поблагодарила насъ, выслушала стихи, вызубрен-

ные нами подъ колотушки Софьи Александровны, — «ко дню Ангела дорогой бабушки», — и, взявъ со стола свертокъ, подала мнѣ.

— Не стоило бы тебѣ дарить, да ужъ ради своихъ именинъ прощаю тебѣ и забываю твое дурное поведеніе. Вотъ тебѣ юбка вышитая. Будешь большая, носи и вспоминай бабушку!

— Не надо мнѣ юбки!

— Что же ты? — продолжала она, видя, что я стою, опустивъ голову, и не беру юбки.

Это была та самая оборка, которую шила Машка и изъ-за которой ее не разъ наказывали. Еще надняхъ Машка говорила мнѣ, что Василиса выдрала ее за волосы за то, что она немного не дошила урока.

— Должно быть вамъ на именины подарить хотятъ,—сказала она,—очень ужъ торопятъ.

— Я тебѣ сказала, что не возьму этой юбки! Тебя изъ-за нея били, колотили! Не хочу ее носить!—говорила я тогда Машкѣ, и должна была сдержать слово.

Вокругъ меня стояли кузины.

У Ани была въ рукахъ такая же юбка, такъ какъ и она была тоже именинница.

— Смотри, и у меня одинаковая,—говорила мнѣ Аня,—совсѣмъ одинаковая!

Слезы брызнули у меня изъ глазъ.

— Ну ты и носи! А я не буду! Изъ-за этой юбки драли за волосы и сѣкли Машку! Не надо мнѣ этой юбки!—и я разрыдалась.

— Ахъ! такъ ты вотъ какъ! Ну-съ, была бы честь предложена, а отъ убытка Богъ избавить! Такъ возьми же и ты назадъ свое поздравленіе! Я тоже не хочу его!!

И бабушка сунула мнѣ въ руки листъ со стихами, которые я ей поднесла, и вышла въ гостиную.

Софья Александровна бросилась ко мнѣ.

— Дерзкая, мерзкая дѣвчонка! Да какъ ты смѣла!! Какъ смѣла!

И она потащила меня за руку во флигель, впихнула въ комнату и заперла дверь на ключъ, положивъ его въ карманъ.

— Сиди тутъ цѣлый день! Вотъ тебѣ и именины!—бросила она мнѣ на прощанье.

— А вотъ сказала не возьму, и не взяла... не взяла!..—твердила я себѣ, какъ бы въ утѣшеніе, стараясь удержать слезы, готовые брызнуть.

Долго просидѣла я, силясь понять, что я сдѣлала такого ужаснаго, за что бы меня можно было наказать... и не могла.

Глаза мои упали на свертокъ въ моей рукѣ. Это были стихи, которыя я говорила утромъ бабушкѣ, переписанные ей на память.

Мало-по-малу, мысли мои перенеслись къ другимъ именинамъ... къ именинамъ другой бабушки, матери нашей покойной мамы... И все живо мнѣ вспомнилось. Стихи тогда тоже сочинила Софья Александровна... Но какая разница!..

Я громко начала читать ихъ...

Поздравляемъ васъ, родная,

Съ днемъ, хоть грустныхъ, именинъ.

Что желаемъ, дорогая,

То пошлетъ вамъ Богъ одинъ.

Не веселье, что за радость,

Когда плачемъ даже мы...

Бабушка! не плачьте много,—

Слезы гнѣваютъ творца.

Вѣдь мамаша тамъ у Бога,

У небеснаго Отца.

И сегодня у Престола,

Вѣрно, зрить Царя-царей,

Вѣрно, просить лучшей доли

Бѣдной маменькѣ своей.

Въ утѣшенъе скорби вашей

Богъ пошлетъ вамъ долгихъ дней,

Вы поможете папашѣ

Вырастить его дѣтей!

Я вспомнила все... какъ рыдала бабушка, когда я ей говорила эти стихи, какъ обнимала насъ... какъ называла бѣдными сиротками... Вспомнила и смерть мамы, и слезы неудержимыми потоками полились изъ моихъ глазъ.

— Что бы сказала мама? Похвалила ли меня за то, что я не взяла юбку, или нѣтъ?

— Нѣтъ мамы!! Не у кого спросить... не къ кому обратиться!..

Стукъ въ дверь заставилъ меня опомниться.

— Нюта, отопри!—услышала я голосъ тети Сони.

— Я не могу, ключъ у Софьи Александровны. Шаги удалились, но черезъ нѣсколько минутъ тетя Соня возвратилась съ ключомъ, и въ сопровожденіи Ани.

— Ну, Нюта,—сказала тетя Соня,—еле-еле я тебя выпросила у Софьи Александровны; только ради моей именинницы простила.

— Да, Нюточка, я ее такъ просила, такъ умоляла... насилу-то сжалилась,—говорила именинница.— Ну, утри же свои глаза, ишь какъ наплакала.

— Ты вовсе не думай, что я плакала оттого, что меня заперли. Вовсе нѣтъ!

— А отчего же?

Я молчала

— Тетя Соня,—выговорила я.—Вы помните мою маму?

— Помню хорошо... очень хорошо...

— Вы ее любили?

— Очень.

— Хотите, я скажу вамъ стихи, которые Софья Александровна сочиняла на именины моей другой бабушки послѣ смерти мамы?

— Хочу, скажи.

Я прочла ей стихи съ такимъ чувствомъ, что тетя Соня прослезилась.

— Такъ вотъ, о чемъ я плакала... я о мамѣ вспоминала... объ этихъ стихахъ... а не о томъ, что меня наказали. Я ничего дурного не сдѣлала, а сказала, что не возьму юбку и не взяла.

— Ахъ ты, горячка!—потрепала меня по щекѣ тетя Соня.—Ну, вытри слезы, поправься и пойдемъ въ домъ, скоро обѣдъ.

Она поправила мнѣ платье, перечесала волосы и мы пошли въ домъ.

За обѣдомъ намъ налили наливки и велѣли подойти поздравить бабушку. Я подошла вмѣстѣ со всѣми и хотѣла поцѣловать у бабушки руку. Она не дала.

— Не хочу я твоего поцѣлуя, не хочу твоего поздравленія... Ты меня обидѣла и огорчила,—сказала она.

Я отошла сконфуженная и сѣла на свое мѣсто. Но тутъ случилось обстоятельство, заставившее меня позабыть о себѣ.

Братъ Вася былъ этотъ день не совсѣмъ здоровъ, и Софья Александровна, сидѣвшая съ нами за однимъ столомъ, не дала ему салату и огурца. Онъ захныкалъ. За это ему не дали и пирожного. Тутъ мальчикъ окончательно разревѣлся. Софья Александровна, уже заранѣе обозленная тѣмъ, что ей пришлось сидѣть не за большимъ, а за маленькимъ столомъ, съ дѣтьми, и тѣмъ лишена была общества гостей, вскочила, схватила Васю за руку и потащила его въ свою комнату.

Предчувствуя что-то ужасное, я тихонько скользнула за ней. Что же я увидала? Софья Александровна схватила ногойку, которая у нея всегда висѣла на стѣнѣ, и стала хлестать ею Васю. Отъ боли онъ бросился подъ кровать. Софья Александровна не могла его оттуда достать и, разозленная въ конецъ, наклонилась и стала хлестать ногойкой куда попало, не глядя куда приходится ударъ,—по лицу, по головѣ или по рукамъ. Вася неистово оралъ, и весь синій катался по полу.

Я было бросилась къ ней.

— Прочь! А то и тебя заporю, какъ собаку!—крикнула она на меня.

Вся въ слезахъ, я полетѣла въ столовую.

Обѣдъ уже кончился и всѣ сидѣли въ гостиной.

Я подбѣжала къ тетѣ Сонѣ и схватила ее за руку.

— Пойдемте, тетя Соня, пойдемте! Ради Бога!— задыхаясь говорила я, таща ее за собой.

— Что съ тобой, Нюта, куда ты меня тащишь?

— Вася!.. Вася!.. Его до смерти запереть Софья Александровна! Скорѣе! идемте скорѣе!

Мы прибѣжали въ то время, когда бѣдный Вася уже не кричалъ, а только хрипѣлъ. Софья Александровна стояла на колѣняхъ около кровати и била его ногойкой.

— Софья Александровна! Что же это такое? Побойтесь Бога!—воскликнула въ ужасѣ тетя Соня.

Та на секунду оторопѣла, но тотчасъ же опомнилась.

— Да! я била его и буду бить! Силъ моихъ больше нѣтъ съ этимъ паршивымъ мальчишкой!—Съ этими словами она выбѣжала изъ комнаты.

Тетя Соня достала посинѣвшаго мальчика изъ-подъ кровати, раздѣла его и положила въ постель. Все тѣло его было въ рубцахъ, а на рукахъ даже выступила кровь. Тетя Соня послала меня за льдомъ и стала дѣлать ему холодные компрессы.

— За что она тебя била? Что ты сдѣлалъ?

Вася отъ слезъ не могъ вымолвить ни слова.

— Я знаю за что! Я знаю, тетя Соня! Онъ за обѣдомъ попросилъ огурца и салату, а у него животъ болитъ!

— Не можетъ быть! Ты, Нюта, что-нибудь путаешь! Чтобы изъ-за такой глупости чуть не до смерти избить мальчика!

— Да право же,—увѣряла я.

— Это возмутительно!—повторяла тетя Соня, ласками стараясь успокоить все еще плакавшаго Васю. Долго просидѣла она около него, клала компрессы,

напоила чаемъ и ушла только тогда, когда мальчикъ крѣпко заснулъ. Но и во снѣ онъ продолжалъ всхлипывать и вскрикивать. Очевидно, и во снѣ ему не давала покоя Софья Александровна и продолжала его тиранить.

Весь вечеръ она не показывалась и только къ ночи явилась и прошла прямо въ свою комнату, не взглянувъ даже на спящаго Васю.

Тетя Соня написала объ этомъ эпизодѣ отцу. Еще мѣсяцъ прожили мы въ Павловкѣ, но уже Софья Александровна не позволяла себѣ больше такихъ звѣрствъ.

Жалко намъ было уѣзжать изъ деревни опять въ городъ, но дѣлать было нечего.

Больше всего мнѣ было жаль Машку, мою ночную собесѣдницу и повѣренную всѣхъ моихъ мыслей и горестей. Мы долго и нѣжно прощались и я давала ей обѣщаніе выпросить ее у бабушки себѣ въ горничныя, обѣщая любить ее и дать ей вольную.

ГЛАВА XVI.

Отъѣздъ Софьи Александровны и новая гувернантка.

Никакъ не могу припомнить, кому мы обязаны этимъ счастливымъ событіемъ. Помню только, что вскорѣ послѣ возвращенія изъ Павловки въ Кострому нашъ тиранъ покинулъ насъ. Кажется, мы были обязаны этимъ Таниной нянѣ Василисѣ, которая очень недолго любила Софью Александровну, и въ одинъ прекрасный день, подавая отцу умываться, рассказала ему все ея продѣлки съ нами. Вѣроятно, письмо тети Сони еще раньше подѣйствовало на отца, а теперь, послѣ жалобы Василисы, онъ окончательно рѣшилъ ей отказать. А между тѣмъ, какъ разъ по возвращеніи нашемъ изъ Павловки, Софья Александровна стала съ нами гораздо смирнѣе.

Этимъ мы были обязаны Левѣ, который жилъ у насъ эту зиму.

Окруженная только нами, маленькими дѣтьми, и не имѣя съ кѣмъ сказать слова, Софья Александровна была рада Левѣ, съ которымъ могла хоть сколько-нибудь отвести душу. Она читала съ нимъ, сочиняла ему въ альбомъ стихи, ласкала его, и четырнадцатилѣтній мальчикъ, польщенный вниманіемъ взрослой дѣвушки, привязался къ ней всей душой.

Надо сказать правду, что тоска и однообразіе у насъ въ домѣ были ужасны. Отецъ вставалъ, пилъ чай, тотчасъ же уѣзжалъ и возвращался только къ обѣду, послѣ котораго, отдохнувъ часъ-другой, уѣзжалъ опять на весь вечеръ въ клубъ или къ знакомымъ. За обѣдомъ онъ хранилъ глубокое молчаніе, и мы, страшно его боявшіеся, только искоса на него поглядывали и тоже молчали.

Такъ шли дни за днями, полные однообразія и скуки, и не мудрено, что Софья Александровна всей душой обрадовалась живому существу въ образѣ Левы.

Этому сближенію больше всего были рады мы. Какъ только кончался классъ, и Лева приходилъ изъ гимназіи, Софья Александровна звала его къ себѣ въ комнату, а намъ предоставляла полную свободу. Сначала мы не могли понять, что это сдѣлалось съ нашимъ тираномъ, что онъ пересталъ насъ истязать, а потомъ увидали, что ему не до насъ.

Тѣмъ не менѣе мы страшно обрадовались ея отъѣзду, заранѣе увѣренныя, что, какова бы ни была новая гувернантка,—хуже Софьи Александровны ничего быть не могло. Она уѣхала, и, кромѣ Левы, ни одна душа въ домѣ ея не пожалѣла.

Новую гувернантку звали Любовь Ивановна. По наружности она была полной противоположностью Софьи Александровнѣ. Та была высокая, худая, а эта—низенькая, полная. Софья Александровна была вспыльчива, раздражительна, криклива, а Любовь Ивановна была зла, но сдержана, хотя это не мѣшало ей подчивать насъ щипками.

Любимымъ наказаніемъ у нея было посадить на три-четыре часа на стулъ безъ книги и безъ работы. Мы прозвали это «высиживаніемъ». Сидишь, сидишь, одурь возьметъ,—начнешь просить прощенія, еще на часъ посадить.

Я ухитрялась, впрочемъ, проводить время недурно. Просилась выйти — меня пускали... нельзя же не пустить. Я бѣжала въ свою комнату, брала книжку поменьше форматомъ, прятала ее въ карманъ и шла на свое мѣсто «высидживать».

Любовь Ивановна имѣла обыкновеніе, посадивъ насъ на мѣсто, ходить взадъ и впередъ по длинному ряду комнатъ. Я ухитрялась ставить книгу передъ собой на другой стулъ или кресло, или класть подъ фартукъ. Когда Любовь Ивановна шла ко мнѣ лицомъ, я сидѣла смирно, сложивъ руки на колѣняхъ, съ самымъ постнымъ выраженіемъ лица; когда же она поворачивалась ко мнѣ спиной—я читала.

Такимъ образомъ, въ продолженіе двухъ-трехъ часовъ высидживанія я ухитрялась прочесть полъ-книги.

Другое наказаніе у нея было морить насъ голодомъ.

За незнаніе одного урока она не давала намъ завтракать, за незнаніе двухъ—оставляла безъ жаркого, за незнаніе трехъ—вовсе безъ обѣда. А такъ какъ трудно было знать хорошо уроки, потому что задавалось взубрежку, «отселева доселева», то зачастую приходилось голодать. Спасибо нашей горничной Прасковѣ, женѣ долговязаго Петра, которая всегда приносила намъ ѣсть въ постель. Она сушила свѣжій черный хлѣбъ въ печкѣ, посыпала его солью, и получались превкусные сухари, которые намъ, особенно съ голоду, казались лакомствомъ.

Но вотъ разъ, когда мы сидѣли на постеляхъ и съ наслажденіемъ ужинали, вошла Любовь Ивановна и застала насъ за ѣдой.

Начался допросъ: откуда сухари? кто далъ?

— У няни утащили,—лгали мы.

Насъ, конечно, наказали, заставили по часу постоять въ углу въ однѣхъ сорочкахъ. Но это насъ не испугало, и мы соображали,—какъ же будетъ дальше?

Не ѣсть—невозможно, въ особенности тому, кто не зналъ трехъ уроковъ и былъ оставленъ безъ завтрака и обѣда.

Я придумала.

Кровати у насъ были досчатые, по бокамъ вкладывались высокія доски, почти въ три четверти аршина вышины. Я добыла коробочки и вставила ихъ между доской и стѣной. Туда и стали мы прятать сухари, которые добрая Прасковья ухитрялась таки приносить намъ. Иногда она приносила что-нибудь вкусное—

Мы немедленно приступали къ ѣдѣ.

пирожки, оставшіеся отъ обѣда, которые она тихонько отъ мужа своего брала изъ буфета. Мы клали все это въ наши кладовыя, т.-е. въ коробочки, лежащія за досками, и, выждавъ, когда Любовь Ивановна окончитъ осмотръ,—принимались ѣсть.

— А перехитрили-таки мы ее!—смѣялись мы.

И правда перехитрили. Насъ укладывали обыкновенно въ девять часовъ. Полъ-часа Любовь Ивановна не являлась, затѣмъ въ половинѣ десятого приходила и дѣлала осмотръ. Не найдя ничего—удалялась. Тогда мы немедленно приступали къ ѣдѣ. У каждого въ рукахъ

было по толстому сухарю, а часто даже просто по ломтю черного хлѣба. Кушанье незатѣйливое, но мы были счастливы, что могли хотя этимъ набить свои голодные желудки, и засыпали довольные.

А на завтра опять голоданіе, опять высиживаніе.

Было еще у насъ третье мытарство—холодъ.

Домъ, въ которомъ мы жили былъ очень большой и холодный. Въ особенности холодно было въ залѣ, въ которой было десять оконъ: по утрамъ, зимой, тамъ было всего семь-восемь градусовъ тепла.

Утро начиналось урокомъ на фортепіано съ Ниной, а меня и Васю сажали повторять уроки. Мы сидѣли около оконъ, отъ которыхъ страшно дуло и громадныя сосульки льда висѣли на рамахъ. Одежда наша была самая лѣтняя. На насъ, дѣвочкахъ, были короткія ситцевыя платья, съ открытой шеей и голыми руками. На Васѣ—тоненькая, ситцевая рубашка.

Можно себѣ вообразить, какъ намъ было холодно!

Дрожишь, дрожишь и еле выпросишь позволеніе надѣть пелеринку. Пальцы посинѣли, губы тоже, зубъ на зубъ не попадаетъ... Какая ужъ тутъ игра на фортепіано!

Сама Любовь Ивановна закутана въ теплый вязаный платокъ, ей тепло... а я дрожу, заоченѣлые пальцы не ходятъ по клавишамъ и не разъ линейка прохаживается по рукамъ...

Хорошо бы погрѣться, горяченькаго чайку выпить!.. Но не угодно ли, вмѣсто чаю, холоднаго, снятого молока прямо съ ледника... отъ него еще холоднѣе, еще больше дрогнешь... Надежда на теплый завтракъ, на горячую, гречневую размазню!.. Но въ томъ-то и бѣда, что не видать намъ ея, какъ своихъ ушей! Сейчасъ будутъ спрашивать уроки и, навѣрно, книга полетитъ въ голову. Любовь Ивановна требовала урокъ взубрежку.

Пропустишь слово и конецъ,—«безъ завтрака»! И такъ каждый день.

— Боже мой! Да когда же мы вырастемъ! Когда будетъ конецъ этимъ мукамъ, этимъ голоданьямъ, холоданьямъ, высиживаньямъ?!— плакались мы.

Немного выгадали мы отъ замѣны Софьи Александровны Любовью Ивановной. Единственнымъ отдохновеніемъ были для насъ тѣ часы, когда Любовь Ивановна уходила къ матери. Это было обыкновенно послѣ обѣда, часовъ въ пять. Мать ея жила напротивъ, въ маленькомъ домикѣ въ три окошка, и Любовь Ивановна ходила къ ней ежедневно пить чай часа на два, а насъ заставляла учить уроки. Обрадуемся мы свободѣ и давай шалить съ Васей. Нина, какъ самая благоразумная, унимала насъ. Славная, добрая, кроткая была эта Нина. Она всегда очень старательно учила уроки, никогда не шалила и, какъ не хотѣла Любовь Ивановна къ ней придратъся,—не къ чему было. Меня она очень любила, и часто, чтобы избавить меня отъ наказанія, принимала мою вину на себя. Иногда я, пользуясь ея добротой, сваливала какую-нибудь свою шалость на нее.

Разъ, помню, ушла Любовь Ивановна къ матери чай пить, я начала съ Васей возню и пролила чернила на полъ. Приходитъ Любовь Ивановна.

— Кто это сдѣлалъ?

— Это Нина—бойко солгала я.

Нину выдрали за волосы; она плакала.

— Ниночка! Не сердись! Прости!—умоляла я.— Тебя вѣдь только немного потрепали и все тутъ, а меня то и безъ чаю бы оставили, и гораздо больше наказали бы!

Ни слова мнѣ не сказала Нина, только головой покачала.

Съ нетерпѣніемъ ежедневно ждали мы пяти часовъ. Начиналась бѣготня, возня.

— Будетъ вамъ дурить,—убѣждаетъ Нина,—садитесь за уроки, придетъ—спросить, не выучите—безъ чаю оставить, накажетъ!

И она затыкала уши и громко зубрила урокъ.

Нашалившись и мы засаживались за зубрежку и выкрикивали нараспѣвъ:

— Чтобы, дабы, когда бы, то бы, то!

— Столы, столовъ, столамъ, столы, столами, о столахъ! Слоны, слоновъ, слонамъ, слоновъ, слонами, о слонахъ!

— Окончанія множественныя: ами, ями, ахъ, яхъ!! ами, ями, ахъ, яхъ!!..

Замѣчательная метода была у Любви Ивановны: все наизусть, все взубрежку! Понимаешь ли, не понимаешь ли—зубри да и только!

Вася, напимѣрь, такъ зубрилъ священную исторію. «Іанъ носилъ одежду изъ в и р б л ю ж а в о волоса, питался к а р и д а м и и дикимъ медомъ, пищею самую с о к у д н о ю и с а р о в о ю».

Очевидно онъ не понималъ, что читалъ; ему отмѣтили: «отселева и доселева». Онъ не зналъ, что за «акриды», что такое суровая и скудная пища, и зазубривалъ неправильно.

За это его били, оставляли безъ завтрака, а его ли это вина? Надо было ему прочесть, рассказать, а это не дѣлалось. Вообще этотъ мальчикъ былъ окончательно забить. Онъ боялся Любви Ивановны, какъ огня. Ему было уже восемь лѣтъ, а онъ былъ страшно неразвитъ и тупоуменъ. Трусость была его главнымъ недостаткомъ. Отца онъ боялся больше всего и никогда не могъ сказать ему правду,—всегда лгалъ.

Не могу не рассказать одинъ пресмѣшной случай, характеризующій Васю.

Кто-то изъ родственниковъ привезъ намъ коробку конфетъ. Ее поставили на окно за буфетъ и забыли

о ней. Когда черезъ нѣсколько дней о конфетахъ вспомнили,—коробка оказалось пустой.

Начался допросъ. Мы съ Ниной откровенно сказали, что не знали, гдѣ коробка и конфетъ не брали. Вася сконфузился, но тѣмъ не менѣе запирался.

— Такъ ты конфетъ не бралъ?—допрашивалъ его отецъ.

— Нѣтъ, не бралъ!—дрожа отвѣчалъ Вася.

— Хорошо, я тебѣ вѣрю, что ты не бралъ,—сказалъ отецъ.—Но вотъ, что нехорошо съ твоей стороны, это то, что ты всю коробку съѣлъ одинъ и ни единой конфеточки не далъ ни Нинѣ, ни Нютѣ, ни даже маленькой Танѣ, все съѣлъ одинъ!

— Нѣтъ, это неправда! Я имъ давалъ! И Нютѣ, и Танѣ!

Всѣ захохотали, а Вася еще не сразу сообразилъ, что выдалъ себя. Конечно, онъ получилъ должное возмездіе и за ложь и за воровство.

Такъ шли дни за днями, скучно, однообразно. Митю увезли въ корпусъ путей сообщенія, да онъ, когда былъ еще дома, всегда держался особнякомъ, не любилъ играть съ нами. Онъ больше проводилъ свободное время за чтеніемъ и за занятіями. Къ нему ходилъ учитель гимназіи, который готовилъ его въ корпусъ и очень удивлялся математическимъ способностямъ, которыя онъ проявлялъ.

Съ отъѣздомъ Мити у насъ стало еще скучнѣе, еще однообразнѣе.

Единственнымъ утѣшеніемъ и развлеченіемъ моимъ было хожденіе въ церковь. Въ субботу, послѣ обѣда, мы обыкновенно шли въ церковь ко всенощной, а въ воскресенье къ обѣднѣ. Я страшно любила пѣніе. У священника нашего прихода, отца Іоанна, былъ чудный теноръ, а у дьякона густой, хорошій баритонъ. Они пѣли вдвоемъ такъ чудесно, что я никогда не могла удержаться отъ слезъ.

Въ особенности хорошо пѣли они въ дни великаго поста «да исправится молитва моя». Я опускалась на колѣни и забывала все на свѣтѣ. Душа моя была полна... я молилась и плакала, плакала и молилась... Я уносила душой куда-то въ далекое, небесное пространство... я какъ бы чувствовала близость мамы... говорила съ ней... общала ей быть доброй... честной... послушной... общала не лгать, не обманывать.

Но какъ же быть? Я ясно сознавала, что поступаю дурно, надувая Любовь Ивановну, позволяя нянѣ приносить намъ хлѣбъ въ постель... но мы голодали... желаніе ѣсть пересиливало сознаніе обмана.

— Мама!—обращалась я къ ней,—насъ морять голодомъ, холодомъ, бьютъ, наказываютъ... я и рада быть хорошей, да невозможно!.. Ты насъ любила, ласкала... а теперь никто насъ не любить!

Я становилась на колѣни, плакала и старалась припомнить все дурное, что я сдѣлала за эту недѣлю... я каялась, просила прощенія, общала исправиться. Слезы обильно текли по моему лицу, но мнѣ было хорошо...

Мнѣ казалось, что я слышу слова мамы: «Терпи, надѣйся и молись!»

И я горячо молилась. Часто я пѣла вмѣстѣ съ пѣвчими. У меня былъ хорошенькій голосокъ и Любовь Ивановна не запрещала мнѣ. Не знаю, нравилось ли ей мое пѣніе, или она не хотѣла мѣшать, но только она въ церкви оставляла меня въ покоѣ.

Какъ часто впослѣдствіи, когда я выросла, я благодарила судьбу за то, что въ то время, когда у меня не было никого, къ кому приласкаться, къ кому приклонить голову, я находила утѣшеніе въ молитвѣ,— утѣшеніе, въ которомъ такъ нуждалась моя наболѣвшая дѣтская душа.

ГЛАВА XVII.

Женитьба отца.

Однажды утромъ, когда мы всѣ трое сидѣли въ классѣ за уроками, вошла Василиса.

— Съ радостью поздравляю!—злбно сказала она, кланаясь въ поясъ.

— Что такое? Съ какой радостью?—вскричали мы, вскакивая съ мѣста.

Василиса улыбалась, но глаза ея сверкали злобой, и улыбка была вовсе не веселая.

— Съ новой мамашей!

— Съ какой мамашей? Что ты выдумываешь?

— Вовсе не выдумываю! Жениться задумалъ вашъ папаша, и невѣста съ сестрицей своей сегодня на показъ пріѣдутъ: васъ посмотрѣть, себя показать!

— Когда же? Когда пріѣдутъ?

— Въ два часа. Папаша приказали надѣть на васъ праздничныя платья.

— А какая она, Василиса, скажи! красивая?—приставалъ Вася.

— Красивая, какъ же! Рыжая, толстогубая! Да вы развѣ ее не знаете? Чай, видѣли?

— Гдѣ же? Когда?

— Я помню ее,—заявила я.—Она рыжая, это правда, но у нея прекрасные глаза и густые волосы, до колѣнъ. Мнѣ она нравится.

— Гдѣ же ты ее видѣла, Нюта?—спросила Нина.

— А помнишь, когда насъ водили въ любительскій спектакль, гдѣ и папаша игралъ. Играли «Слава Богу, столъ накрытъ», она играла горничную.

— Какъ это ты помнишь, Нюта, удивительно! Это давно было,—удивилась Нина.

— Какъ помнишь? О! Я такъ люблю театръ, что я черезъ двадцать лѣтъ буду помнить, что играли и какъ играли. Вотъ умирать буду, а не забуду, какъ хромой Петровъ съ сестрой играли «Маскарадъ» Лермонтова!! Какъ она хорошо умирала! Когда я буду большая, непременно сыграю эту роль!

— Перестань, Нюта! Теперь не въ этомъ дѣло, — остановила мой азартъ Нина.—Еще когда-то вырастешь, а теперь надо убирать книги и итти завтракать.

— Я буду рада, когда папаша женится! Любовь Ивановна не посмѣетъ насъ бить и голодомъ морить!

Василиса злобно усмѣхнулась.

— Погодите, ужотка-съ! Увидите, каково сладко-то будетъ! Мачеха-то, вѣдь, злая! Еще хуже будетъ бить, чѣмъ губернанка! Не даромъ пословица говорить: «мачеха хлѣбъ рѣжетъ—ножомъ грозитъ!» Пойдутъ еще свои дѣти, не до васъ будетъ! А рыжія, извѣстно ужъ,—злыя. У насъ у самихъ была мачеха, такъ каждый день била,—кого ухватомъ, кого кочергой... Чѣмъ попало полоснетъ, когда озлится...

Не скоро бы кончила Василиса, если бы насъ не позвали завтракать. За столомъ мы застали отца. Онъ сидѣлъ веселый, довольный... пошутилъ съ Васей, подтрунилъ надъ моими волосами, вѣчно висящими на глаза.

— Причешись получше,—сказалъ мнѣ отецъ—ты вѣчно растрепана. Въ два часа пріѣдетъ ваша будущая мама. Я еще не говорилъ вамъ, что собираюсь жениться. Она хорошая, добрая, приласкайтесь къ ней, а я долженъ уѣхать, не могу ее принять.

Говоря это, онъ всталъ изъ-за стола и скоро уѣхалъ, а мы пошли одѣваться.

— Какъ ты думаешь, Нина, добрая она будетъ или злая, какъ пугаетъ Василиса?

— Почему я знаю, Нюта. Я буду ее любить, и она меня полюбитъ, — съ увѣренностью сказала Нина и пошла одѣваться.

— Ты смирная, тихая, тебя и не любить-то не за что!.. А я другое дѣло! Я, вѣдь, пострѣлъ! И хочу не шалить, да не выходить ничего! Вѣчно что-нибудь накуралешу!

Одѣвшись, мы побѣжали въ залу и стали смотрѣть въ окно, дожидаясь приѣзда новой «мамы».

— Ёдетъ! Ёдетъ!—закричала я первая, увидавъ экипажъ, подъѣзжающій къ крыльцу. Изъ экипажа вышла пожилая дама, очень полная, одѣтая вся въ черное, а за ней—невѣста отца.

— Смотри, смотри, Нюта! Должно быть конфетъ привезла!—кричалъ Вася, толкая меня.—Гляди у нея въ рукахъ бонбоньерка!

— Тише ты, чего орешь! Обжора! Ему бы только конфетъ!—оборвала его Любовь Ивановна, и заторопилась съ нами навстѣчу приѣхавшимъ.

Она представилась имъ, а потомъ представила каждого изъ насъ. Онѣ говорили по-французски, такъ что мы не очень-то много поняли. Обѣ сестрицы расцѣловали насъ, а Зинаида Павловна,—такъ звали невѣсту отца,—каждого приласкала и, подавая Нинѣ огромную бонбоньерку, сказала:

— Вотъ вамъ, конфеты, кушайте на здоровье! Ниночка, какъ старшая, спрячетъ и будетъ надѣлать младшихъ.

Мы поблагодарили, хотѣли поцѣловать руку, но она не дала, а еще разъ сама перецѣловала насъ. Пока старшая сестра бесѣдовала съ Любовью Ивановной, мы

потасили Зинаиду Павловну смотрѣть нашу квартиру, спальню, классную.

Нина, не спускавшая все время глазъ съ Зинаиды Павловны, очень ей понравилась, во-первыхъ, потому, что она была очень миловидна и симпатична, а во-вторыхъ, потому, что Зинаида Павловна, еще раньше чѣмъ увидала насъ, слышала о Нинѣ много хорошаго. Дѣйствительно, Нина была не то, чтобы очень красива, но въ ней было что-то особенное. Главной ея прелестью были глаза. Темные, большіе, и до того добрые и ласковые, что отъ нихъ нельзя было оторваться. Всѣ, кто ее зналъ—любили ее.

Зинаида Павловна была хорошо знакома съ Петровыми, жившими за годъ передъ тѣмъ, наверху, въ нашемъ домѣ. Ихъ спальня была какъ разъ надъ нашей классной, и имъ ежедневно было слышно, какъ я ревѣла, изгоняемая изъ класса Софьей Александровной.

Когда Петрова узнала, что Зинаида Павловна выходитъ за отца, она сказала ей:

— Я знаю этихъ дѣтей. Митенька—*c'est un garçon de beaucoup d'esprit*; Ниночка—*c'est un ange de beauté et de bonté*; Васинька—*c'est un petit capricieux, mais il est pourtant mignon. Mais il y a là une Нюточка...*¹⁾.

Говоря это, она поднимала глаза къ небу, складывала руки и такъ ужасно вздыхала... Что представляло собой, по ея мнѣнію, эта Нюточка,—такъ никто и не узналъ. Только должно быть что-нибудь очень ужасное, потому что отъ одного ея имени она приходила въ отчаяніе...

Очевидно, я и на Зинаиду Павловну произвела не лучшее впечатлѣніе, хотя она старалась быть со мной ласковой. Я это замѣтила и мнѣ стало обидно.

¹⁾ Митинька—это очень умный мальчикъ, Ниночка—это ангелъ красоты и доброты, Васинька—это маленькій капризникъ, но онъ все же очень милъ; но тамъ есть еще Нюточка...

Зато Вася ей очень понравился. Она посадила его къ себѣ на колѣни, цѣловала и называла и «крымскимъ яблочкомъ» за его розовенькія щечки. А Вася, въ самомъ дѣлѣ, когда не ревѣлъ, былъ очень милъ. Но бѣда въ томъ, что онъ изъ тридцати дней ревѣлъ двадцать восемь, а потому его справедливѣе было бы прозвать «ревой», а не «крымскимъ яблочкомъ».

Такъ произошло наше знакомство съ будущей ма-
чехой.

Она пригласила насъ въ воскресенье къ себѣ въ гости пить шоколадъ. Мы были въ восторгѣ, и, когда, послѣ ея отъѣзда, прислуга, въ лицѣ Василисы и Прасковьи, судила и рядила, называя ее «рыжей и губастой», мы не раздѣляли ихъ мнѣнія и хвалили ее.

Василиса такъ даже сдѣлала ей невѣжество. Она была дурная нянька. Своимъ обращеніемъ она сдѣлала изъ Тани такую злючку, что при малѣйшемъ противорѣчій та бросалась на полъ и кричала во все горло. Такъ случилось и при визитѣ Зинаиды Павловны. Желая приласкать Таню, Зинаида Павловна хотѣла взять ее на руки. Таня бросилась на полъ, стала биться и кричать во все горло. Василиса подхватила дѣвочку и проворчала уходя, такъ громко, что Зинаида Павловна не могла не слышать:

— Не умѣетъ съ дѣтьми обращаться, а туда же за вдовца замужъ идетъ!

Не мудрено ей было и злиться: она знала, что ея владычеству приходитъ конецъ... И дѣйствительно, — черезъ мѣсяцъ ея уже не было въ домѣ. Очевидно, или Любовь Ивановна, или сама Зинаида Павловна рассказали отцу ея выходку. Мы были рады, что она убралась. Очень ужъ она забрала власть въ домѣ. Прислуга ея не любила и боялась. Гувернантки тоже съ ней не ладили, потому что она вѣчно вмѣшивалась во все рѣшительно. И намъ отъ нея часто перепадала брань, а иногда и пинки.

Въ особенности она преслѣдовала меня, потому что я не молчала передъ ней. Придетъ къ намъ въ классъ, начнетъ дѣлать разныя замѣчанія. Я скажу ей: «не твое дѣло! уходи, ты не гувернантка!»

Вечеромъ, еще рано, а она пристаеъ: «скоро ли васъ «ле ву куше» погонять?»

— Да тебѣ-то что за дѣло?—огрызаемся мы,—погонять, когда время настанетъ!

Но пришелъ конецъ ея владычеству. Отецъ велѣлъ однажды Тихону заложить сани, — усадили ее рабу Божью и увезли куда-то.

Настало 15 сентября, день свадьбы отца. Я прекрасно помню этотъ день.

Приѣхали изъ Павловки бабушка и дѣдушка, тетя Соня и еще нѣсколько родныхъ. Нашъ скучный, мрачный домъ оживился. Комната, гдѣ прежде была наша классная, гдѣ насъ заставляли «высиживать», превратилась въ спальню и будуаръ Зинаиды Павловны. Въ нее привезли хорошую мебель, большое трюмо.

Свадьба была парадная. Была масса городскихъ знакомыхъ. Насъ нарядили въ свѣтлоголубыя баржевыя платья, которыя приводили насъ, въ особенности меня, въ восторгъ.

Мы съ Ниной никогда не видали свадьбы и все насъ занимало.

Началось съ благословенія отца. Дѣдушка взялъ большой образъ, благословилъ имъ отца. Отецъ опустился на колѣни и потомъ приложился къ образу. Потомъ бабушка взяла большой хлѣбъ, въ который была вставлена большая золотая солонка, и также благословила отца, опустившагося передъ ней на колѣни. Послѣ благословенія отецъ уѣхалъ въ церковь, а бабушка съ дѣдушкой остались распоряжаться угощеніемъ. Бабушка носилась по комнатамъ, хлопотала,

бѣгала, горячилась, приказывала прислугѣ готовить чай, мороженое, шампанское.

— Это что за явленіе? Зачѣмъ ты тутъ? Сейчасъ пріѣдутъ молодые! Пожалуйста убирайся отсюда!

Этотъ возгласъ бабушки относился къ Левѣ.

Лева, который жилъ у насъ съ августа мѣсяца, заболѣлъ лихорадкой, не ходилъ въ гимназію и цѣлыми днями валялся наверху въ своей комнатѣ безъ всякаго призора. Никто о немъ не заботился, изрѣдка только Любовь Ивановна его навѣщала. Насъ же къ нему не пускали. Я иногда ухитрялась вырваться и посидѣть съ нимъ, но бѣдный мальчикъ былъ такъ изнуренъ, что лежалъ цѣлыми днями и дремалъ.

Теперь онъ выползъ въ халатѣ взглянуть, что дѣлается внизу, и былъ такъ любезно принять своей маменькой.

— Я сейчасъ уйду, мамаша, я только взглянуть...

И бѣдный мальчикъ поплелся обратно наверхъ. Онъ слышалъ пріѣздъ молодыхъ, музыку... смѣхъ, говоръ... и лежалъ одинъ... Никто даже не позаботился отнести ему какого-нибудь угощенія, чѣмъ-нибудь порадовать бѣднаго больного. Не до него было!

— Ёдутъ! Ёдутъ!—закричали мы, караулившіе у окна.

Пріѣхали шафера, а вслѣдъ за ними и «молодые». Бабушка съ дѣдушкой стали въ дверяхъ залы, и, какъ только молодые вошли, опять благословили ихъ: дѣдушка образомъ, а бабушка хлѣбомъ. Тутъ же ихъ обсыпали овсомъ... Это, говорятъ, чтобы «въ богатствѣ жили».

Начались поздравленія, стали пить шампанское.

Зинаида Павловна была въ бѣломъ шелковомъ платьѣ, съ длиннымъ вуалемъ и цвѣтами на головѣ. Она была очень интересна, но страшно блѣдна. Намъ

потомъ разсказывали, что она очень не хотѣла выходить за отца, что она боялась сдѣлаться мачехой шестерыхъ дѣтей... но ее заставили выйти. Она была сирота. Мать ея умерла очень давно, отецъ тоже. Она осталась на попеченіи старшей сестры, жившей у дяди. Дядя былъ старый, сварливый брюзга, жить съ которымъ было очень тяжело. Вотъ почему старшая сестра уговаривала Зинаиду Павловну выйти за отца, а дядя прямо заставилъ.

Видя печальное лицо Зинаиды Павловны, мы жалѣли ее и инстинктивно чувствовали, что она вовсе не счастлива.

— Не на радость идетъ-то! Шутка ли, шестеро дѣтей!—приходилось намъ слышать шопотъ кумушекъ.

Я рѣшила, что она добрая, и что я буду ее любить.

Нина—та ни на шагъ не отходила отъ нея.

— Я буду любить васъ... я буду вашей вѣрной собачкой...—говорила она Зинаидѣ Павловнѣ, цѣлуя ея руки.

Не чувствовала Зинаида Павловна, лаская дѣвочку, что недолго Нинѣ придется быть ея «вѣрной собачкой». Черезъ мѣсяцъ, 15 октября, это милое, кроткое созданіе покинуло насъ навсегда.

ГЛАВА XVIII.

Смерть Нины и моя болѣзнь.

Почти съ самаго дня свадьбы отца начались въ нашемъ домѣ болѣзни.

Сначала заболѣла Зинаида Павловна. Не знаю, что собственно съ ней было; кажется, докторъ сказалъ, что нервная горячка. Она пролежала больше двухъ недѣль.

Такъ слѣдалось тоскливо въ нашемъ домѣ послѣ веселой свадьбы! Тишина, спущенныя шторы, грустные лица. Насъ почти не пускали къ больной, только утромъ и вечеромъ поцѣловать ручку. Одна Нина безвыходно сидѣла въ спальнѣ.

Она такъ неотступно просила отца позволить ей ухаживать за «новой мамашей», что онъ уступилъ наконецъ ея просьбамъ и позволилъ. Нина была отличной сидѣлкой: по часамъ давала лѣкарство, мѣняла компрессы и, при малѣйшемъ движеніи больной, была готова услужить ей. Она хотѣла ухаживать за «новой мамой» и по ночамъ.

— Позвольте, папаша, мнѣ лечь здѣсь на кушеткѣ!— упрашивала она,—я чутко сплю. Пожалуйста позвольте!

Но отецъ рѣшительно воспротивился.

— Нѣтъ! нѣтъ! ни за что! Ты слаба, мала, еще заболѣешь,—говорилъ онъ Нинѣ.

Нечего дѣлать. Пришлось покориться.

Нина ушла къ себѣ, легла, но какъ только все въ домѣ стихло, спрыгнула съ постели и тихонько шмыгнула въ спальню.

— Кто тамъ?—окликнула Зинаида Павловна, услыхавъ шорохъ.

— Это я, мамаша. Я не могла уснуть. Я пришла посидѣть около васъ. Вы еще не спали? Или это я разбудила васъ? Можетъ быть, у васъ голова болитъ? Не положить ли компрессъ?

Такъ хлопотала Нина около больной, осыпая поцѣлуями ея руки.

— Нѣтъ, спасибо, милая, мнѣ ничего не надо. Сядь около меня, посиди!

Нина усѣлась около постели и ушла только тогда, когда больная крѣпко заснула. И такъ каждый день Нина ухаживала за «новой мамой», днемъ съ позволенія отца, а ночью втихомолку.

Между мачехой и падчерицей установилась тѣсная дружба или, вѣрнѣе, нѣчто въ родѣ обоюднаго обожанія.

Только что Зинаида Павловна поправилась и начала выходить изъ спальни, какъ заболѣла Нина.

Однажды дѣвочка пришла прощаться и поцѣловала мачеху.

— Что съ тобой, Ниночка? У тебя голова горячая!—сказала Зинаида Павловна, щупая голову Нины.

— Да, мнѣ что-то нездоровится! Очень голова болитъ,—проговорила дѣвочка, трогая свое пылающее лицо.

Зинаида Павловна проводила ее въ дѣтскую, напоила липовымъ чаемъ и долго оставалась у ея постели.

Ночью жаръ усилился, а къ утру Нина была уже безъ памяти.

Пригласили самага лучшаго доктора, но онъ не понялъ болѣзни Нины. У нея былъ тифъ, а знаменитый

докторъ лечилъ отъ другой болѣзни. Онъ давалъ ей мясо, пиво и посылалъ кататься. Ежедневно дѣвочку, почти безчувственную, сажали въ сани и возили полчаса по городу.

Одновременно съ Ниной заболѣла и я. Что у меня было—я до сихъ поръ не знаю. Общая слабость, тошнота, упадокъ силъ. Я ничего не ѣла и совсѣмъ не могла выходить. Едва я вставала съ постели и дѣлала нѣсколько шаговъ, какъ тотчасъ же падала въ изнеможеніи.

Цѣлыхъ десять дней ѣздилъ къ намъ докторъ. Нинѣ становилось все хуже и хуже. Лѣкарства мѣнялись ежедневно: очевидно, докторъ не зналъ, что дѣлать.

Наконецъ, за день до смерти, онъ, какъ послѣднее средство, приказалъ поставить пьавки.

Позвали какую-то женщину.

Нина была безъ памяти.

Я сползла съ постели и, едва передвигая ноги, припелась смотрѣть, какъ пьавки высасывали кровь.

— Что, барышня, чай жаль вамъ сестрицу-то?—спросила женщина съ участіемъ глядя на меня.

— А ей развѣ больно? Она лежитъ и не чувствуетъ. Она спитъ!—сказала я, вглядываясь въ безчувственное лицо Нины.

— Не спитъ она, а въ безпамятіи,—отозвалась женщина.

Нина вскинула глазами, повела ими совершенно безсознательно и стала хвататься руками, какъ бы ища чего-то.

— Обирается! Господи спаси!—пробормотала женщина и набожно перекрестилась.

— Что это значить «обирается»?—испуганно спросила я, предчувствуя что-то недоброе.

— А вотъ глядите, что она дѣлаетъ! Видите? видите? Ну вотъ это и значить «обирается». А кто обирается, тотъ, значить, скоро умереть.

Я судорожно слѣдила за движеніемъ Нины. Ея рука медленно поднималась и опускалась, какъ бы стараясь снять съ лица паутину.

— Не жилица ужъ она на бѣломъ свѣтѣ!—причитала баба, —и чего еще ее мучаютъ! Пьявки ставятъ!

Сердце мое упало; я была ни жива, ни мертва.

— Неужели же Нина умираетъ? Нѣтъ! это быть не можетъ! Докторъ еще сегодня утромъ сказалъ, что ей лучше!

Слезы душили меня. Я упала на постель и рыдала. Что такое смерть, я очень хорошо знала... образъ мамы, лежащей въ гробу, еще живъ былъ въ моей памяти.

Пришелъ отецъ, пришла и Зинаида Павловна. Долго безмолвно стояли они у постели Нины, не спуская глазъ съ ея лица.

Нѣсколько разъ рука дѣвочки поднималась и опускалась.

Вдругъ она вскочила, что-то пробормотала и стала порывисто водить руками по лицу.

Зинаида Павловна схватила отца за руку.

— Смотри, милый, смотри! видишь?

— Вижу... все кончено! —отозвался отецъ и закрылъ лицо руками.

Тяжелая была минута.

Всѣ сознавали, что это тихое, кроткое созданіе должно умереть. Я такъ сильно рыдала, что меня должны были отвести наверхъ и уложить спать въ комнату Васи.

Долго всхлипывала я и не могла уснуть. Образъ Нины носился передо мной.

Наконецъ, когда благодѣтельный сонъ сковалъ мои вѣки, я увидала ее здоровой, веселой, играющей со мной въ саду. Я сердилась и бранила скверную женщину, обманувшую меня, что Нина умираетъ. А между тѣмъ, когда мнѣ снился этотъ сонъ, Нина томи-

лась въ предсмертныхъ мукахъ. Отецъ неотлучно былъ при ея послѣднихъ минутахъ. Зинаида Павловна, утомленная слезами, еще слабая послѣ болѣзни,—пошла уснуть.

Нина лежала спокойно, и минутами казалось, что ей лучше. А между тѣмъ это были послѣднія искры жизни.

Къ утру это милое, кроткое созданіе испустило послѣдній вздохъ.

Она страшно металась передъ смертью и умерла на рукахъ отца.

Бѣдный отецъ! Ему пришлось потерять одну вскорѣ послѣ другой жену и дочь, нѣжно любимую. Жену онъ уже себѣ пріобрѣлъ другую, а такой дочки, какой была для него Нина, ему не найти. Меня онъ никогда не любилъ, да я и не могла бы ему замѣнить Нину.

Съ горькими рыданіями ее одѣли, омыли и положили на столъ. Я еще спала.

Прасковья пришла наверхъ и собиралась будить меня. Я во снѣ улыбалась.

— Видно, что-нибудь хорошее снится!—подумала она, и ей стало жаль будить меня, зная, какая горькая дѣйствительность меня ожидаетъ.

Я открыла глаза, и первый мой вопросъ былъ: что Нина?

— Да что? Умерла наша Ниночка!

— Врешь ты! Я видѣла ее сейчасъ здоровою, веселой,—вскричала я, но одинъ взглядъ на заплаканное лицо Прасковьи объяснилъ мнѣ все.

Съ горькимъ воплемъ бросилась я въ подушки.

— Какъ я теперь буду жить безъ Нины? Кто будетъ со мной дѣлить радость и горе? Зачѣмъ я не умерла вмѣсто нея? Зачѣмъ? Отецъ ее любилъ! Она была добрая, хорошая, а я гадкая, меня никто не любитъ!

Я вскочила, стала торопливо одѣваться и, шатаясь и падая, побрела въ залу, гдѣ лежала моя бѣдная сестренка.

Тамъ я застала отца, Зинаиду Павловну и всю прислугу.

Нина лежала въ бѣломъ платьѣ, волосы распущенные... лицо такое блѣдное, худое, носъ заостренный... Я едва узнала ее... Я подошла, схватилась руками за столъ, на которомъ она лежала, да такъ и застыла... замерла на мѣстѣ... Слезъ у меня не было, но что-то тяжелое, страшно тяжелое сдавило мнѣ грудь.

Отецъ обернулся на меня, и что-то злобное, нехорошее сверкнуло въ его глазахъ...

— Ахти, Господи! Горе-то какое! Красавица-то наша! Вѣдь вотъ не взялъ «звѣзду»-то эту! Осталась на муку всѣмъ!..—услыхала я возлѣ себя причитанія Прасковьи.

— Хорошія-то и Богу нужны!

— И удивительное дѣло! Всегда въ семьѣ умирають лучшія дѣти, а плохія остаются!

Я не выдержала и истерически разрыдалась. Все горе прихлынуло къ сердцу.

— Господи! Да чѣмъ же я виновата, что осталась жить?! Я бы съ радостью, съ великой радостью умерла вмѣсто Нины!

— Уведите ее!—сурово сказалъ отецъ.

Кто-то повелъ меня. Я цѣлый день провела въ постели не осушая глазъ. На другой день были похороны. Меня не взяли на кладбище. Было морозно, холодно, а я все еще была слаба. Я смотрѣла въ окно, какъ уносили Нину, и мнѣ казалось, что у меня оторвалось что-то невыразимо дорогое и любимое... и то, что меня любило... Я почувствовала себя совершенно брошенной, одинокой... Никто,—ни отецъ, ни мачеха, ни прислуга не любили, не жалѣли меня. Она, она одна была у меня... и ту я потеряла!..

Да! Смерть Нины оставила неизгладимое впечатлѣніе на мою дѣтскую душу. Я цѣлые дни проводила у себя на постели въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Я боялась

говорить съ кѣмъ-либо, боялась услышать опять: «вотъ осталось золото на горе всѣмъ!»

Отца я почти не видала. Онъ безвыходно сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. Никто, кромѣ Зинаиды Павловны и маленькой Тани, не смѣлъ входить къ нему. Онъ страшно тосковалъ о Нинѣ и не хотѣлъ никого видѣть.

Скучно, мрачно, уныло было у насъ въ домѣ. Я заболѣла еще сильнѣе. Докторъ не велѣлъ учить меня, да и учить-то было некому, потому что Любви Ивановнѣ еще за недѣлю до смерти Нины отказали.

— Ничего опаснаго,— сказалъ докторъ,— лѣкарства не надо... отдыхъ и спокойствіе... Сильное потрясеніе нервной системы.

И мнѣ было предоставлено и то, и другое, къ великому моему удовольствію. Я проводила дни въ полномъ одиночествѣ, изрѣдка выпрашивала себѣ какую-нибудь книгу. Но и это не утѣшало меня.

Образъ Нины вѣчно носился передо мной. Меня не позаботились даже перевести въ другую комнату. Пустой уголъ, гдѣ прежде стояла кровать Нины, ежеминутно напоминалъ мнѣ, что ея уже нѣтъ... что я одна... брошенная... нелюбимая!

И горе съ новой силой подымалось въ моемъ сердцѣ... и я горько оплакивала свое одиночество.

ГЛАВА XIX.

Пріѣздъ Мити изъ корпуса.

До сихъ поръ мнѣ мало приходилось говорить о Митѣ. Онъ всегда держался какъ-то особнякомъ. Большую часть времени онъ проводилъ за чтеніемъ и рѣдко удостаивалъ играть съ «мелюзгой», какъ онъ насъ называлъ. Это было смѣшно, потому что онъ былъ старше меня меньше чѣмъ на два года.

Я его ужасно любила, а онъ всегда билъ меня. Любимымъ его занятіемъ было ходить съ хлыстомъ и стегать имъ кого попало. Бывало такъ хлестнетъ по голымъ рукамъ, что искры изъ глазъ посыплются. Тѣмъ не менѣе я никогда на него не жаловалась. Его грубое обращеніе меня очень огорчало, и я часто потихоньку плакала.

Въ послѣднее лѣто онъ пріѣхалъ къ намъ изъ корпуса путейцемъ, въ мундирѣ со свѣтлыми пуговицами. Я ухаживала за нимъ, старалась исполнить малѣйшее его желаніе, а онъ въ отвѣтъ только билъ меня и толкалъ. Я мучилась его безсердечностью, но сносила все терпѣливо, втайнѣ надѣясь, что его грубое обращеніе пройдетъ, что онъ оцѣнитъ мою любовь и самъ полюбитъ меня.

Послѣ смерти Нины вся моя нѣжность перешла на него. Я постоянно о немъ думала, прятала каждую конфетку, которую мнѣ давали, и посылала ему

при оказіи, вышивала закладки, вязала по ночамъ шарфы...

И вдругъ онъ заболѣлъ, и заболѣлъ опасно.

Всѣ обстоятельства живы въ моей памяти.

Быль канунъ Новаго года. Зинаида Павловна съ отцомъ собирались на балъ. Я вертѣлась около нея, подавала ей шпильки, цвѣты. Зинаида Павловна надѣла бѣлое подвѣчное платье, которое очень шло къ ней. Она уже надѣвала перчатки, когда въ комнату вошелъ отецъ.

— Что случилось?—почти вскрикнула Зинаида Павловна, увидавъ его блѣдное лицо и растроенный видъ.

— Телеграмма изъ Петербурга. Митя при смерти. Тифъ,—проговорилъ онъ.

Зинаида Павловна прочла телеграмму. Она была отъ бабушки, матери нашей мамы, которая жила теперь въ Петербургѣ со своимъ сыномъ; къ нимъ Митя всегда ходилъ по праздникамъ въ отпускъ.

«Митя заболѣлъ тифомъ. Приѣзжайте немедленно»—стояло въ телеграммѣ.

— Надо завтра же выѣзжать,—сказалъ отецъ и сталъ раздѣваться.

То же сдѣлала и Зинаида Павловна.

Я убѣжала изъ спальни, забилась въ темный уголокъ гостиной и неутѣшно плакала.

Всю ночь не спали, укладывались, дѣлали распоряженія, и рано утромъ со двора выѣхалъ возокъ, увозя отца и Зинаиду Павловну. На отца жаль было смотрѣть: онъ похудѣлъ и осунулся за одну ночь.

Дорога была долгая: не то, что теперь! Приходилось почти сутки тащиться до Москвы на лошадахъ, да сутки по желѣзной дорогѣ до Петербурга.

А Митя между тѣмъ боролся между жизнью и смертью. Въ жару, въ бреду, онъ постоянно твердилъ имя отца, и докторъ, его лѣчившій, увѣрялъ, что надежда на свиданіе поддерживала силы мальчика.

Онъ захворалъ еще на Рождествѣ, придя въ отпускъ къ бабушкѣ, но она не хотѣла выписывать отца, надѣясь на выздоровленіе. И только, когда Митѣ сдѣлалось хуже, она рѣшилась, наконецъ, телеграфировать.

Въ день пріѣзда отца былъ кризисъ, и Митя остался живъ.

Радость свиданія подѣйствовала благотворно, и Митя сталъ быстро поправляться. Тѣмъ не менѣе, цѣлыхъ три недѣли выжилъ отецъ въ Петербургѣ прежде, чѣмъ докторъ позволилъ увезти мальчика домой.

А я между тѣмъ томила въ неизвѣстности, проводя ночи безъ сна и оплакивая своего любимца.

Я выпросила у знакомой монашенки образъ Дмитрія Радонежскаго, повѣсила у своей постели и, когда всѣ въ домѣ засыпали, зажигала передъ образомъ восковую свѣчку, становилась на колѣни и по цѣлымъ часамъ молилась и плакала.

Наплакавшись я ложилась въ постель, но не могла заснуть.

Мысли, одна другой мрачнѣе, роились у меня въ головѣ. Я видѣла Митю въ бреду, съ пылающимъ лицомъ, горящими глазами... умирающаго, а я такъ далеко... далеко... То представляла его себѣ въ гробу, съ блѣднымъ лицомъ... закрытыми глазами... кругомъ свѣчи... полумракъ... отецъ, рыдающій у гроба.

Судорожно обхватывала я подушку, стараясь заглушить рыданія... и только подъ утро засыпала тяжелымъ сномъ.

Такъ шли дни за днями, а извѣстій не было никакихъ. Отецъ не потрудился даже написать намъ, что Митя выздоравливаетъ.

Изнуренная безсонницей и слезами, я днемъ бродила какъ тѣнь, училась плохо и постоянно была наказана. Но я все сносила терпѣливо. Въ душѣ моей,

не было мѣста для какого-либо другого чувства, мысль о Митѣ поглотила меня всецѣло. Я ничего не видѣла, ничего не слышала, и дошла до того, что стала бредить на яву.

Наконецъ, однажды утромъ, только что я одѣлась, какъ на дворѣ послышался шумъ.

— Приѣхали, приѣхали! раздалось по дому.

Опрометью бросилась я по лѣстницѣ, перескакивая черезъ нѣсколько ступеней и очутилась въ передней. Двери были открыты настежъ и отецъ съ Петромъ что-то бережно несли на рукахъ.

— Умеръ! умеръ! блеснуло у меня въ головѣ,— не даромъ сонъ!

— Чего стоишь? Отвори шире двери!—крикнулъ мнѣ отецъ.

Я бросилась исполнять приказаніе.

Отецъ съ Петромъ прошли въ спальню и бережно опустили на кушетку свою ношу.

— Раскройте!.. Душно!..—услыхала я тихій глухой голосъ.

— Сейчасъ, голубчикъ!—отозвался отецъ и сталъ бережно раскутывать его.

Я стояла и тряслась, какъ въ лихорадкѣ. Тутъ я увидала блѣдное, худое, вытянутое личико Мити, въ которомъ не было и тѣни сходства съ тѣмъ румянымъ, красивымъ мальчикомъ, котораго мы проводили въ Петербургъ осенью и котораго я сегодня видѣла во снѣ.

Большіе, темные глаза глядѣли на меня.

Я такъ и застыла на мѣстѣ.

— Да что она на меня такъ смотреть?..—проговорилъ Митя и заплакалъ.

— Уйдите, уйдите всѣ,—сказалъ отецъ,—онъ очень еще слабъ; усталъ съ дороги... пусть уснетъ!

И онъ выпроводилъ всѣхъ насъ изъ комнаты.

Я ежеминутно подходила къ двери, прислушивалась, спитъ ли онъ! и, наконецъ, рѣшилась пріотворить дверь и войти на цыпочкахъ. Я усѣлась поодаль, такъ что Митя не могъ меня видѣть, а я могла наблюдать каждое его движеніе. До меня не было никому дѣла. Всѣ пили чай въ столовой и вели оживленный разговоръ.

Митя спокойно спалъ, наклонивъ голову и свѣсивъ руки. Но Боже мой! Это были не руки, а какія-то тоненькія, худенькія, плеточки, обтянутыя кожей.

Я сидѣла, затаивъ дыханіе, не спуская глазъ съ дорогого существа. Нѣсколько разъ дверь тихонько открывалась и кто-нибудь заглядывалъ, но я дѣлала знакъ, что спитъ, и дверь затворялась.

— Я буду ходить за нимъ... каждую свободную минуту посвящать ему,—думала я,—буду кормить, поить его... Какое это будетъ счастье!

— Чаю!—пробормоталъ Митя.

— Сейчасъ, сейчасъ, голубчикъ!

Я убѣжала и мигомъ вернулась съ чаемъ.

Онъ широко раскрылъ глаза и замоталъ головой.

Я налила чай на блюдечко и собиралась поить его.

— Не надо!—крикнулъ онъ и толкнулъ рукой блюдце.

Блюдце выпало изъ моихъ рукъ и разбилось.

— Ну вотъ! Ду-у-ра!

И онъ заплакалъ.

— Что такое случилось? Давай я напою тебя!—сказала мачеха, сядя около него.

— Вареньица... пробормоталъ Митя.

Я бросилась изъ комнаты и черезъ минуту вернулась съ вареньемъ.

Онъ закрылъ глаза и захныкалъ.

— Не хочу! Пусть уйдетъ!

— Уйди же! Видишь, онъ не хочетъ тебя видѣть,—сказала мнѣ мачеха,—чего же ты лѣзешь!

Я принуждена была уйти.

Какъ горько, какъ обидно мнѣ было!

— За что? За что? Что я ему сдѣлала!

Сегодня только пріѣхалъ и уже гонить меня?

Я плакала и мучилась.

Такъ продолжалось все время. Какъ я ни старалась услужить ему, онъ гналъ меня, сердился и не дотрагивался до того, что я ему приносила.

Медленно шло выздоровленіе, и только черезъ мѣсяцъ онъ сталъ ходить по комнатѣ.

Капризамъ не было конца.

Начиналось утро. Онъ вставалъ. Подавали ему чай. Если положить сахаръ въ чай — плачетъ зачѣмъ положили... если налили молока — зачѣмъ налили... если не налили — опять слезы.

Надо было ангельское терпѣніе, чтобы за нимъ ухаживать. Я бросалась исполнять малѣйшее его желаніе, но никогда не могла угодить—онъ вѣчно гналъ меня.

Я страдала невыносимо.

Помню, разъ, онъ уже почти выздоровѣлъ, но докторъ еще не позволялъ ему выходить. Всѣ собрались въ театръ,—и взрослые, и дѣти. Никто не хотѣлъ остаться съ Митей дома.

— Я, я останусь! Мнѣ не хочется итти въ театръ, — говорила я.

— Не хочу я тебя! Вонъ пошла!—крикнулъ онъ мнѣ и замахнулся палкой, на которую опирался. Ударъ былъ такъ силенъ, что онъ пошатнулся и непременно упалъ бы, еслибъ я не поддержала его.

Онъ окончательно обозлился.

— Убир-райся ты, дрянъ! Проваливай въ театръ! Не останусь я съ тобой!

Я ушла къ себѣ въ комнату, до крайности огорченная. Въ театръ я, конечно, не пошла, а весь вечеръ, пока всѣ были въ отсутствіи, продежурила у его двери. При

малѣйшемъ движеніи его или звонкѣ, я бѣжала звать Прасковью, сама не осмѣливаясь показываться ему на глаза. Какъ только онъ меня видѣлъ, онъ кричалъ и сердился.

Ничѣмъ, никакой преданностью нельзя было тронуть сердце этого мальчика, и казалось бы естественнымъ разлюбить его, но я, напротивъ, еще сильнѣе привязывалась къ нему. Я лѣзла къ нему съ угодженіями, берегла для него каждую конфетку, которую получала, не смѣя сама ему дать, а передавая ее черезъ другихъ. Я смотрѣла, какъ онъ съ удовольствіемъ ѣлъ мои конфеты, зная, навѣрно, что они отъ меня, но не подавая и виду, что знаетъ, и была счастлива хоть этимъ.

Моя бѣдная душа искала любви, привязанности, и для меня было большимъ горемъ, что я отдала ихъ такому черствому существу, какимъ въ то время былъ Митя.

ГЛАВА XX.

Братья Вольскіе.

Къ веснѣ Митя окрѣпъ, пополнѣлъ, не осталось и слѣда болѣзни. Рѣшено было на іюнь и іюль поѣхать въ Павловку и взять съ собой и меня.

Я была страшно рада. Ъхать въ Павловку, гдѣ всегда гоститъ такая масса молодежи, гдѣ всегда такъ весело... да еще въ обществѣ Мити и безъ гувернантки... Это ли не счастье!!!

Мнѣ и во снѣ не снилось такое блаженство.

Вася и Таня оставались въ городѣ на попеченіи 70-лѣтней старухи, какой-то Агніи Даниловны. Откуда откопали эту древность — неизвѣстно. Единственнымъ ея достоинствомъ было умѣніе рассказывать очень интересныя, увлекательныя сказки. Она усаживала Васю и Таню около себя, а сама вязала чулокъ и по цѣлымъ часамъ не умолкала.

Я не могла дождаться отъѣзда. Митя тоже былъ очень радъ поѣздкѣ, былъ въ духѣ и даже со мной былъ не грубъ и не билъ меня.

Зинаида Павловна, въ свою очередь была довольна промѣнять душный городъ на деревенское приволье, и занималась больше собой и своимъ костюмомъ, а на меня не обращала вниманія.

Приѣхали мы въ Павловку вечеромъ.

Я тотчасъ же подхватила Митю, и мы побѣжали въ садъ. Мнѣ не терпѣлось увидать, все ли тамъ осталось какъ было въ то лѣто, когда мы гостили въ Павловкѣ съ Софьей Александровной.

Садъ сталъ еще гуще, еще тѣнистѣе.

Мы обѣгали всѣ аллеи.

— А вотъ, здѣсь, на этомъ мѣстѣ, Софья Александровна Васю высѣкла!—вспоминала я.

— А тутъ она меня на веревку привязала!

— Экая ты охотница вспоминать всякую гадость!—огрызнулся на меня Митя.

Обѣгали мы весь садъ, пошли въ домъ.

Въ домѣ все тоже было по старому,—и пальцы въ залѣ, и дѣвочки за работой... Не было только Оедьки съ чулкомъ на веревкѣ у двери, да Наташки.

Оедьку, за какую-то грубость отдали въ солдаты, а Наташку продали, или какъ говорила бабушка, «уступили» сосѣдкѣ по имѣнію за «породистую телушку».

Не было за пальцами и моей милой ночной собесѣдницы Машки. Ей уже минуло 16 лѣтъ, и бабушка отдала ее тетѣ Сонѣ для прислуживанія Зинѣ, ея старшей дочкѣ, въ этомъ году только что окончившій институтъ.

Въ Павловкѣ мы застали цѣлое общество молодежи.

Устраивались ежедневно поѣздки въ лѣсъ за грибами, за ягодами, катанія на лодкахъ, пикники за рѣку съ самоваромъ. Въ этомъ же году вышла изъ института Таня, младшая дочь бабушки, прехорошенькая 16-лѣтняя дѣвушка. Она и Зина вносили много оживленія въ окружающее ихъ общество... Смѣхъ, шутки, игры всякаго рода съ утра до поздняго вечера оживляли Павловку.

Къ именинамъ бабушки затѣяли устроить спектакль.

Въ большомъ каретномъ сараѣ устроили сцену и залу для зрителей. Все было какъ слѣдуетъ. И занавѣсъ, и кулисы, и даже будка для суфлера.

Мужъ тети Сони былъ завзятый театраль. Все устраивалось подъ его личнымъ наблюденіемъ. Онъ самъ былъ превосходный актеръ и режисеръ.

Бабушка уступила Наташку сосѣдкѣ по имѣнію за породистую телушку.

Ставили два водевиля: «Мотю» и «Голь на выдумки хитра».

Играть должны были Зина, Петруша и Лёва. Петруша игралъ прекрасно. Лёва же былъ ужасно неуклюжъ и неповоротливъ.

За двѣ недѣли до именинъ бабушки начались репетиціи, и каждый день, тотчасъ послѣ завтрака, всѣ отправлялись въ «театръ».

Мы, дѣти, шли тоже, усаживались въ первый рядъ и составляли публику.

Я внимательно слѣдила за ходомъ пьесы и ловила каждое слово. Послѣ двухъ-трехъ репетицій, я знала роль Зины, что называется на зубокъ, и, когда взрослые отправлялись по своимъ комнатамъ лежать и отдохнуть, мы забирались на сцену и разыгрывали наизусть тѣ же водевили. Я играла за Зину, Митя—за Петрушу. Роли мы знали прекрасно и обходились безъ суфлёра. Остальныя дѣти составляли публику.

Вотъ однажды, въ самый разгаръ представленія, открылись двери, которые мы всегда тщательно притворяли, и въ сарай вошелъ отецъ съ бабушкой. Мы сконфузились и прекратили игру.

— Вотъ вы куда запрятались? Что же вы тутъ дѣлаете?—спросилъ отецъ.

— Мы, папаша, играемъ «Голь на выдумки хитра»,—бойко проговорилъ Митя.

— Вотъ какъ? Ну, что же, продолжайте!—сказала бабушка, усаживаясь въ первый рядъ.

Но мы переконфузились и не рѣшались начинать.

— Да, ну же! Перестаньте упираться!

— Нюта! Ты-то, кажется, не изъ застѣнчивыхъ...

Я начала свой первый монологъ... Сначала голосъ у меня дрожалъ, но мало-по-малу я начала увлекаться игрой и позабыла, что передо мной строгій отецъ и не менѣе строгая бабушка.

Въ пылу игры я и не замѣтила, что еще кто-то вошелъ, и къ концу водевиля набралось порядочно публики.

— Ну, Павлуша,—сказалъ дядя Ваня, мужъ тети Сони, обращаясь къ отцу,—твоя дочка заправская актриса... Каково жарить!! Да все наизусть!.. Это съ трехъ репетицій всего! Вотъ такъ память!!

Водевиль оканчивался куплетомъ.

Я спѣла его бойко, вѣрно, во весь голосъ.

— Bravo, bravo! И голосокъ какой хорошенькій! Ай да Нюта! Молодецъ!—апплодировалъ мнѣ дядя.

— Когда же ты успѣла роль вызубрить?—спросилъ меня отецъ, видимо польщенный, что меня хвалили.

— Ахъ, папаша! долго ли выучить! Мы на трехъ репетиціяхъ были! Я всѣ роли знаю!

Зина, бывшая тутъ же, была не очень-то довольна этими похвалами, такъ какъ она не могла не сознаться въ душѣ своей, что я играю лучше, чѣмъ она. Я ее копировала, безспорно, но въ моей игрѣ было больше огня и развязности.

Настали именины бабушки.

По обыкновенію съѣхались всѣ знакомые изъ ближняго города и всѣ родственники изъ сосѣднихъ имѣній.

Съ утра началось угощеніе, и цѣлый день до поздней ночи все ѣли, пили безъ конца.

Къ утреннему чаю вышли только мы, дѣти, да старики и мужчины. Дамы же и барышни выползли только къ завтраку: онѣ все одѣвались, завивались, прихорашивались... Мы, дѣвочки, съ утра разряженные, ходили по комнатамъ барышень и присутствовали при ихъ одѣваніи.

— Боже мой! Можно ли такъ долго одѣваться?!—возмущались мы.—Какая скука! Цѣлыми часами сидѣть передъ зеркаломъ и любоваться на себя. Ну, еще когда сидить передъ зеркаломъ такая красавица, какъ Таня, я понимаю! А то, вѣдь, и уроды на себя не налюбуются.

Когда наконецъ Таня была готова и вошла въ столовую къ завтраку, всѣ встали, не скрывая своего восхищенія.

Таня была высокая свѣтлая блондинка съ чудными большими глазами и нѣжнымъ цвѣтомъ лица. На ней было бѣлое кисейное вышитое платье, одно изъ тѣхъ, надъ которыми дѣвки слѣпили глаза за пальцами.

Такое же платье было и на Зинѣ, но передъ Таней она до того терялась, что не хотѣлось и смотрѣть на нее. Она была очень маленькаго роста, худенькая, некрасивая брюнетка.

— Что ты, дѣвочка, на меня такъ смотришь? Точно видишь въ первый разъ?—спросила Таня.

— Да ужъ больно вы хороши, тетя Таня!—воскликнула я, съ восторгомъ глядя на нее.

Таня вспыхнула, щеки ея покрылись яркимъ румянцемъ, отчего она сдѣлалась еще красивѣе.

Она притянула меня къ себѣ и потрепала по щекѣ.

— Глупенькая дѣвочка,—сказала она.

Я въ восторгѣ цѣловала ея руки.

Всѣ сидѣли за завтракомъ, когда на дворѣ громко прозвенѣли колокольцы, и къ крыльцу лихо подкатили двѣ тройки. Петруша вскочилъ и бросился къ окну.

— Вольскіе! Вольскіе!—закричалъ онъ.—Оба брата, Василій и Александръ, на своихъ тройкахъ! Вотъ ужъ послѣ обѣда непременно надо гонки устроить!! Непременно!

И онъ побѣждалъ встрѣтить пріѣхавшихъ.

Братья Вольскіе были помѣщики, близкіе сосѣди и оба страстные любители лошадей. У обоихъ были конскіе заводы, и они обыкновенно пріѣзжали въ Павловку на самыхъ лучшихъ тройкахъ, чтобы, какъ они говорили, «пустить пыль въ глаза».

Вольскихъ было три брата.

Старшій братъ, Иванъ, жилъ всего въ трехъ верстахъ отъ Павловки, въ своемъ имѣніи; другіе два брата за сорокъ верстъ.

Средній братъ, Василій былъ, въ полномъ смыслѣ слова, красавецъ. Высокій, стройный, ловкій онъ былъ первый танцоръ, страстный игрокъ и наѣздникъ.

Его исторія такова.

Росъ онъ у отца въ имѣніи, какъ трава въ полѣ, на полной свободѣ и до 16 лѣтъ почти ничему не учился и, что называется, собакъ гонялъ. Проѣзжалъ въ тѣхъ мѣстностяхъ императоръ Николай Павловичъ. Во время переправы черезъ рѣку на паромѣ онъ увидалъ высокаго, стройнаго мальчика, который своей красотой бросился ему въ глаза.

— Ты чей?—спросилъ императоръ, окидывая его орлинымъ взглядомъ.

— Сыноу здѣшняго помѣщика, Ваше Величество,— не робѣя отвѣтилъ Вольскій.

— Какъ звать?

— Василій Вольскій.

— Учишься гдѣ?

Оказалось, что малый нигдѣ не учится, знаетъ только грамотѣ да четыре правила ариѣметики, которыя были ему преподаны мѣстнымъ приходскимъ дьячкомъ.

Узнавъ это, грозный царь изрёкъ:

— Зачислить въ такой-то полкъ. Началась война. Вольскій попалъ въ Севастополь, выдержалъ осаду, потомъ пошелъ въ Польшу, женился на какой-то полькѣ, вышелъ въ отставку и поселился въ родовомъ имѣніи, въ сорока верстахъ отъ Павловки.

Онъ былъ страстный игрокъ и по цѣлымъ недѣлямъ пропадалъ изъ дому, играя въ карты у кого-нибудь изъ сосѣдей. Нраву онъ былъ буйнаго, дикаго. За это его и прозвали «благимъ». Такъ кличка «Василій благой» за нимъ и осталась.

Третій братъ, Александръ, отличался необыкновенной физической силой и былъ тоже страстный игрокъ. Про его игру ходили разные темные слухи. Говорили, что онъ «нечисто» играетъ, и что играть съ нимъ не совсѣмъ безопасно. Всѣ это знали. Зналъ это и братъ его Василій, но, несмотря на это, стоило

только братьямъ съѣхаться, какъ они проигрывали въ карты, не вставая цѣлые дни.

— Вотъ увидите,—шепнулъ намъ Лёва,—тотчасъ же послѣ завтрака засядутъ и будутъ дуться цѣлый день.

— А вы, Василій Аркадьевичъ, новую троечку завели?—сказалъ входя Петруша, который уже успѣлъ побывать въ конюшнѣ и оглядѣть тройку.

— Да-съ! Завель-съ! Всего четырехлѣтніе. Самъ выѣздили. Недѣлю всего-съ!!

— Значить погоняемся сегодня?

— Можно-съ!! Только послѣ обѣда... А теперь и сразиться маненечко можно бы? Какъ ты насчетъ этого? — обратился онъ къ брату Александру.

— Всенепремѣнно!—отвѣтилъ Александръ, вставая и подходя къ ручкѣ бабушки.

— Разрѣшите-съ, многоуважаемая Анна Павловна, пройти по зеленому полю?

— Отчего же! Съ удовольствіемъ! Петруша, распорядись подать столы и карты!

— Я уже распорядился, мамаша!

— А сынокъ-то у васъ хозяйственный, молодчина! И Василій Аркадьевичъ потрепалъ Петрушу по плечу.

— Мы сейчасъ слегка маленькій банчишко зложимъ, а вотъ ужъ, вечеромъ, такъ ужъ въ настоящую засядемъ!

Сказавъ это онъ подошелъ къ карточному столу, вытащилъ огромный бумажникъ, вынулъ изъ него нѣсколько радужныхъ бумажекъ.

Началась игра. Проиграли до обѣда.

Къ обѣду съѣхались еще гости изъ города, всѣ мѣстные власти, считающія своимъ долгомъ поздравить «уважаемую Анну Павловну», а главное отвѣдать ея вкусныхъ наливокъ и запеканокъ разныхъ сортовъ.

Обѣдъ вышелъ на славу. Много ѣли, еще больше пили... Говорили рѣчи, произносили тосты.

Петруша распоряжался, разносилъ вина, угощалъ дамъ. Онъ, видимо, волновался, нѣсколько разъ выбѣгалъ изъ-за стола.

— Я приказалъ закладывать, — шепнулъ онъ Василию Аркадьевичу.

Тотъ утвердительно кивнулъ головой.

— Мамаша! — нагнулся Петруша къ уху бабушки, — вы позволите заложить и нашихъ карачковыхъ?

— Конечно! конечно! — согласилась бабушка.

Шумно, весело встали изъ-за стола и отправились на крыльцо.

Всѣ тройки уже стояли у подъѣзда, одна за другой. Василия Вольскаго — вороныя, Александра — буланя, бабушкины — карачовыя.

Какъ красиво было!..

Сбруи наборныя, гривы и хвосты завитые, кучера въ разноцвѣтныхъ рубахахъ и плисовыхъ поддевахъ, шапки съ павлиньими перьями...

На Петрушѣ была вышитая голубая шелковая рубашка и черная бархатная безрукавка. Онъ былъ поразительно хорошъ... Было чѣмъ залюбоваться...

Владѣльцы троекъ и гости прохаживались около троекъ, одобряя то ту, то другую лошадь. Коренники отъ нетерпѣнія мотали головами, пристяжныя рыли копытами землю.

— Колоколець-то одинъ чего стоитъ! Валдайскій! Съ серебромъ-съ! Двадцать цѣлкахей далъ!

И Василий Аркадьевичъ качнулъ дугу. Колоколець издалъ густой, серебристый звукъ.

Дистанція была полторы версты.

Выиграть долженъ былъ тотъ, кто проѣдетъ впереди всѣхъ мимо балкона.

Съ замираніемъ сердца стояли мы и ждали, когда тройки промчатся мимо насъ.

Показалось облако пыли.

— Ъдутъ! Ъдутъ!!

— Чья впереди?!! Чья?!!

— Не видно! Кажется Петруша впереди...

— Нѣтъ! Вольскій!..

— Нѣтъ! Петруша!..

И правда. Петрушина тройка на нѣсколько сажень опередила вороныхъ Василия Благого... а Александръ остался далеко позади.

Петруша лихо промчался мимо балкона, на которомъ стояли всѣ мы, бабушка и гости.

— Bravo, bravo, Петруша!.. Ур-р-ра караковымъ!

Барышни махали платками, хлопали въ ладоши.

Назадъ тройки шли шагомъ.

Пѣна бѣлымъ клубомъ стояла на нихъ и долго потомъ кучера вываживали ихъ въ хомутахъ.

— Ну, матушка Анна Павловна! Ловко насъ вашъ сыночекъ обставилъ!—сказалъ входя и отдуваясь Вольскій... Больно лихо тройка выѣзжена... Кореникъ—ни одного сбоя!

— Самъ Петруша выѣзжалъ...

— Ну ужъ и самъ?! Небось всѣ мы знаемъ, что вашъ Иванъ Лебедевъ первый въ округѣ наѣздникъ...

— Силища-то одна чего стоитъ.

— Да, силой Богъ его, дѣйствительно, не обидѣлъ. Другого такого, пожалуй, не сыщешь, ваша правда.

— Ну ужъ, позвольте, матушка! Коли что насчетъ силы, такъ ужъ братецъ мой Александръ Аркадьевичъ любого за поясъ заткнетъ!

— Только ужъ не Ивана Лебедева! Нѣтъ-съ! Извините!—съ жаромъ вступился Петруша.—Хотите побороться?

— И бороться не стану,—спокойно сказалъ Александръ Вольскій.

— Отчего?

— Не хочу.

— Оттого, что боитесь, что онъ васъ сразу положить.—заступался Петруша за своего любимца.

— А ты слышалъ ли, какъ на него разъ въ лѣсу, восемь разбойниковъ напали?—вступился за брата Василій-благой.—Знаешь ли что онъ сдѣлалъ?

— Ну?

— Остановился, вылѣзъ... схватилъ одного за ногу, да его головой и началъ колотить другихъ-то! Кого убилъ, а кто убѣжалъ! Вотъ каковъ у меня братецъ-то!!—восторгался Василій.

— Не вѣрю!—твердилъ Петруша.

— Не вѣришь? Ну давай сюда кочергу...—сказалъ Александръ, задѣтый за живое.

Кочергу принесли.

Александръ Аркадьевичъ взялъ ее да какъ веревку и завязалъ узломъ.

— Видѣли?

Всѣ остолбенѣли.

— Подайте игру картъ.

Ему подали колоду.

— Да что вы колоду дали?! Я прошу игру. Это двѣ колоды.

Принесли двѣ колоды.

Александръ Аркадьевичъ взялъ ихъ, сложилъ, разорвалъ сначала вдоль, потомъ поперекъ, а потомъ и эти части разорвалъ надвое.

Отвѣтомъ были общій восторгъ и удивленіе.

— Ну, видѣлъ?!—обратился онъ къ Петрушѣ.—Такъ куда твоему Лебедеву до меня...

— А вотъ и онъ самъ!—сказалъ Петруша,—я велѣлъ ему притти.

— Скажи, Лебедевъ,—обратился онъ къ почтительно стоявшему у притолки прихожей своему любимцу,— можешь ли ты такъ свернуть кочергу?

Лебедевъ прежде всего отвѣсилъ глубокій поклонъ сидѣвшимъ гостямъ, а потомъ сказалъ, поглаживая свою длинную сѣдую бороду:

— Не доводилось, допрежь!.. Дозвольте мнѣ ее, баринъ!..

И, преспокойно взявъ кочергу изъ рукъ Петруши, разогнулъ ее въ прямую палку, какъ тоненькую проволоку.

Всѣ ахнули.

— А могъ бы ты отбиться одинъ отъ восьми разбойниковъ?—приставалъ Петруша.

— Не случалось... а вотъ четверку на ноги разомъ ссаживалъ...

— Ну, братъ!—воскликнулъ Александръ Аркадьевичъ.—Куда намъ съ тобой тягаться! Обоихъ Богъ силой не обидѣлъ! Ступай себѣ съ Богомъ! А за хорошую выѣздку, вотъ тебѣ на чай!

И онъ сунулъ ему трешницу.

— Премного благодаренъ-съ,—проговорилъ Лебедевъ, отвѣсившая поклонъ и собираясь уходить.

— И отъ меня получи!

— И отъ меня!

И въ руки старика перешла не одна трешница.

— Подлинно, Илья Муромецъ,—сказала бабушка, весьма довольная всей этой сценой.— Однако скоро пора и въ театръ. Актеры уже въ сборѣ; скоро и начало.

Всѣ отправились.

Каретный сарай былъ весь иллюминированъ, весь украшенъ внутри гирляндами изъ зелени. На задней стѣнѣ, противъ сцены, сіялъ вензель А. П. изъ разноцвѣтныхъ фонариковъ.

Спектакль сошелъ прекрасно. Актеры превзошли себя. Зина сыграла очень мило. Таня была немного вяла, но ея красота искупала все. Петруша игралъ превосходно.

Смѣшенъ ужасно былъ Лѣва въ роли *jeune premier*. Онъ не зналъ, куда дѣвать руки, какъ встать, какъ сѣсть.

— Я просилъ не давать мнѣ этой роли!—чуть не плача говорилъ онъ...—Я зналъ, что провалюсь... Это все Петруша! Онъ не захотѣлъ играть этой роли,—и мамаша меня заставила...

Послѣ спектакля былъ фейерверкъ, а потомъ танцы.

Мнѣ, какъ именинницѣ, разрѣшили остаться, а вмѣстѣ со мной и кузинамъ.

Такъ кончился знаменитый день именинъ бабушки... Онъ былъ послѣднимъ... Больше ужъ не пришлось бабушкѣ праздновать его такъ пышно.

Гости разъѣхались.

Остались только тетя съ дочками да братья Вольскіе, которые тотчасъ послѣ спектакля засѣли за карты во флигелѣ, чтобы не мѣшать танцующимъ, и проиграли всю ночь.

На другой день мы встали рано, разбуженные какими-то криками.

Наша комната была какъ разъ рядомъ съ той, въ которой братья Вольскіе играли въ карты. Мы съ Митей подкрались къ двери и стали прислушиваться.

Наконецъ рѣшились войти.

Глазамъ нашимъ представилась странная картина.

На полу, подъ столомъ, стоявшимъ посрединѣ комнаты, валялись груды картъ, скомканныхъ, погнутыхъ. Въ комнатѣ стоялъ дымъ отъ папиросъ, окурки валялись по полу.

Вокругъ стола сидѣло нѣсколько человѣкъ, а у силача Александра Вольскаго была въ рукахъ колода. Онъ медленно клалъ одну карту налѣво, другую направо.

— Что это онъ дѣлаетъ?—шопотомъ спросила я Митю.

— Мечетъ банкъ.

— Что-о-о?

— Дура! Молчи!

Василій Благой сидѣлъ противъ него косматый, трепаный, на его плечи былъ накинута коверъ съ полу.

— Зачѣмъ вы, дядя Вася, коверъ надѣли? холодно вамъ?—спросила я его.

— Для счастья, для счастья, дѣвочка!.. Проигралъ, проигралъ... все проигралъ!

— Стой тутъ! стой!.. Можетъ быть счастье принесешь... Снимай! Снимай же тебѣ говорятъ!..

И онъ совалъ мнѣ колоду.

Я сняла.

Мнѣ было страшно смотрѣть на это измятое лицо, всклокоченные волосы, воспаленные глаза.

Александръ медленно клалъ одну карту налѣво, другую направо.

— Дана!—крикнулъ Василій и такъ громко стукнулъ кулакомъ по столу, что я вздрогнула.

— Дана! Ну, дѣвочка, снимай, еще снимай. Если отыграюсь, десять рублей на куклу дамъ!

Онъ взялъ въ руки еще карту.

— Двойка!

Опять Александръ медленно кладетъ одну карту налѣво, другую направо.

Я уже знала, что надо чтобы двойка легла налѣво, чтобы дядя Вася выигралъ. Я волновалась. Получить десять рублей на куклу было мнѣ очень заманчиво.

— Дана! Опять дана!

Двойка легла налѣво.

— Еще, еще снимай!

Я сняла.

— Тузъ! Идетъ! Мечи!..

И Василий Аркадьевичъ назвалъ какую-то крупную цифру.

Около него уже лежала груда денегъ.

Александръ медленно клалъ одну карту налѣво, другую направо.

Я дрожала, думала сердце мое лопнетъ.

Вдругъ, сидѣвшій подъ ковромъ Василий Аркадьевичъ вскочилъ и заоралъ не своимъ голосомъ:

— Передернулъ, передернулъ! Не въ счетъ!

— Что-о-о? Какъ ты смѣешь?

— А вотъ какъ смѣю!

И тяжелый подсвѣчникъ полетѣлъ прямо въ голову Александру.

Онъ пошатнулся и упалъ навзничъ.

Изъ виска струилась кровь.

Поднялся неимоверный шумъ и крикъ.

Василий Аркадьевичъ опрометью бросился изъ комнаты, захвативъ груду лежащихъ около него денегъ...

— А кукла?—подумала я.

Но было не до куклы.

Всѣ столпились около лежащаго на полу Александра Аркадьевича.

Мы съ Митей бросились къ бабушкѣ.

— Бѣгите, бѣгите... тамъ драка... дядя Василий своего брата подсвѣчникомъ!..

— Что? Кто кого подсвѣчникомъ?!

Бросились во флигель.

Александръ Аркадьевичъ лежалъ съ раскрытымъ лбомъ. Около него суетились, примачивали, давали спиртъ.

— Митя, Митя,—теребила я брата,—да за что онъ его? За что? Что онъ сдѣлалъ?

— Ахъ ты какая, не понимаешь ничего! У Васи-
лія былъ тузъ, онъ долженъ былъ лечь налѣво и Васи-
лій бы выигралъ, а Александръ его дернулъ направо...
Вотъ это и называется передернулъ.

— Ничего не понимаю... Да вѣдь онъ не видитъ
гдѣ тузъ лежитъ?

— Не видитъ?! На то онъ шулеръ!

— Шулеръ! Что это такое?—приставала я.

— А вотъ и шулеръ, кто карты передергиваетъ.
Ну, теперь поняла?

— Поняла. Такъ, значитъ, за дѣло его Васи-
лій Аркадьевичъ и шарахнулъ подсвѣчникомъ.

Послышались бубенцы.

Я выглянула въ окошко.

Это уѣзжалъ Васи-
лій Аркадьевичъ.

— А вѣдь онъ тебя надулъ,—дразнилъ меня Митя.—
Ты ему снимала, принесла счастье, обѣщалъ куклу...
Мнѣ было обидно, но я молчала.

Наконецъ Александръ Аркадьевичъ очнулся. Ему
перебинтовали рану, усадили въ тарантасъ и отправили
домой.

ГЛАВА XXI.

Павла Ивановна Чигорина и ея семья.

На другой день бабушкиныхъ именинъ, только что мы кончили завтракать и сидѣли за чаемъ, какъ Лева, стоявшій около окна, воскликнулъ:

— Смотрите! смотрите! Павла Ивановна Чигорина съ дочками... и на телѣгѣ!

Всѣ повскакали съ мѣстъ.

— Что бы это значило?

Прошло нѣсколько минутъ, и въ залу влетѣла толстая, маленькаго роста, пожилая барыня. Лицо ея было до того красно, точно намазано клюквой.

За ней шли двѣ дѣвицы, одна такая же низенькая и толстая, какъ кубарь, а другая высокая, стройная и красивая. Это были дочки Павлы Ивановны, — Лизанька и Лидинька, какъ она ихъ называла обыкновенно.

— Дорогая моя, безцѣнная... Я опоздала къ именинамъ... Да развѣ это моя вина? Это все онъ, извергъ-то мой! Онъ это подстроилъ! Я вамъ по порядку расскажу!

Бѣдная толстуха остановилась, едва переводя духъ.

— Да вы прежде всего раздѣньтесь, позавтракайте, Павла Ивановна, а потомъ уже все по порядку расскажете, — сказала бабушка.

— Ахъ, родная, ахъ дорогая! И ѣсть не могу!.. до того разстроилась!.. Выѣхали мы вчера въ три часа утра, чтобы поспѣть къ обѣду... и вдругъ.

— Павла Ивановна припала къ плечу бабушки и истерически разрыдалась.

— Да успокойтесь же вы, милая Павла Ивановна... Расскажите же, что случилось?

— Что случилось?! А вотъ что. Слушайте. Собрались мы ѣхать къ вамъ на именины, а онъ, мой муженекъ-то, не хотѣлъ, чтобы мы ѣхали. «Куда, говорить, тебѣ, дура этакая, ѣхать на именины къ матушкѣ Аннѣ Павловнѣ, гдѣ вся родня съѣхамшись... Осрамишься только съ дочками своими! Ни встать, ни сѣсть, ни ступить не умѣете!»... Знамо повздорили... поругались... Я на своемъ стою... а онъ на своемъ... А вы, вѣдь, матушка, знаете моего муженька-то Савелія Васильевича... Знаете, что это за мучитель!

— Погоди-жъ ты, говорить, дура, я съ тобой сыграю штучку!

— Что, думаю, сыграетъ? Все-таки собрались, раненько вчерась встали, да въ три часа утра и выѣхали. Онъ еще спалъ. Ёдемъ, ёдемъ, все какъ быть должно. Вдругъ на косогорѣ тарантасъ на бокъ, на бокъ... и мы вылетѣли... Оба колеса разлетѣлись вдребезги. Онѣ-то, дочки, вылетѣли счастливо, а я себѣ весь бокъ разсадила...

— Да отчего же это случилось?—спросила бабушка.

— Сами недомекали, отчего бы... а кучеръ-то смѣется... «Чего ты, олухъ, зубы-то скалишь»?—спрашиваю...

— Да, какъ же,—говорить,—барыня?! Чудно больно! Это бариновы штуки. То-то спросонковъ-то я видѣлъ, онъ у меня въ сараѣ что-то долго возился. Гляньте! Колеса-то!..

— Что такое колеса?—говорю.

— А вотъ смотрите: спицы-то у втулокъ на половину подпилены, оттого и разлетѣлись... Кабы ѣхали шибко, такъ и шеи бы поломали... Шутникъ, право-слово!

— Хорошъ шутникъ!—возмутилась бабушка. — Вы могли бы такъ до смерти разбиться!

— А ему-то что за дѣло? Онъ очень бы радъ былъ отъ насъ избавиться. Ахъ, Господи! Сколько я отъ него терплю. Сколько терплю!

— Да, кушайте вы, Павла Ивановна. Приѣхали, слава Богу, цѣлы и невредимы,—урезонивала бабушка расходившуюся гостью. Но она не унималась.

— Да! Теперь цѣлы остались, а надолго ли? Вѣдь отъ него все станется! Вы, чай, знаете какой онъ ндравный! Что захочетъ,—на своемъ поставить. Что вздумаетъ,—тому не миновать! Онъ и отравить,—недорого возьметъ!

— Что вы, Павла Ивановна! Ужъ и отравить? Гдѣ же это видано, чтобы травить?!

— Эхъ, матушка Анна Павловна. Развѣ есть какой на него законъ? Бога онъ не боится, губернаторъ свой человѣкъ... а совѣсти у него нѣтъ! Какая и была, давно этимъ проклятымъ винищемъ залилъ! Вы вотъ не вѣрите, а про домъ-то мой, про домъ-то слышали, какую онъ со мной штуку-то удралъ?

— Не слыхала ничего, расскажите...

— Ну, такъ вотъ. Невтерпежъ это стало мнѣ съ нимъ жить! Знаете его безпутнаго. Чай, всей округѣ извѣстно какой онъ въ хмелю отчаянный. Приѣдетъ, это, бывало, домой ночью съ цѣлой оравой пріятелевъ своихъ, помѣщиковъ, такихъ же, прости Господи, буяновъ, какъ онъ самъ... Шумъ, гамъ, весь домъ, всю дворню на ноги подниметъ... Пьянство, пѣсни, плясъ... Нагонять, это, дворовыхъ дѣвокъ, плясать заставятъ... А то еще что вздумали? Насажаютъ, это, дѣвокъ полны сани, летятъ что есть духу... и вышвыриваютъ ихъ изъ саней-то... Изволь, это, по колѣни въ снѣгу, да въ морозъ-то, градусовъ 20, домой тащиться. А имъ что?! Хохочутъ, горло дерутъ! А то стащить съ постели

дѣвочекъ моихъ, въ однѣхъ сорочкахъ передъ гостями плясать заставить!

— Какъ?—ужаснулась бабушка. — Дѣвочекъ въ однѣхъ сорочкахъ, съ постели поднимать, плясать заставлять... при мужчинахъ?!

— Ей Богу! Тѣ упираются, плачутъ, трясутся отъ стыда и холода, а онъ оретъ, буянить, власть свою показываетъ. Трезвый можетъ быть и не сталъ бы, ну, а пьяному, извѣстно, море по колѣна. Знай оретъ: «живѣй! бойчѣй!» Ужъ такой-то срамъ, такой-то срамъ, и сказать не могу!

— Да какъ же это вы терпите?

— Да вотъ терпѣла, терпѣла, да и лопнуло мое терпѣніе... И задумала я дѣло. Рѣшила. Уйду я отъ него, уйду, безпримѣнно уйду! Выбрала это я укромное мѣстечко въ лѣсу въ десяти верстахъ отъ насъ, да и задумала тамъ домишко построить и жить тамъ. Наняла плотниковъ, все какъ слѣдуетъ... Ъздила крадучись отъ него смотрѣть за постройкой, когда онъ въ уѣздъ уѣзжалъ. Домъ строится, подъ крышу подведенъ, уже стропила поставлены... Я-то радуюсь, что скоро отъ него уйду сюда съ дочками... И что же бы вы думали?! Сталъ это онъ изъ дому пропадать надолго. Велитъ заложить бѣгунки и уѣдетъ одинъ, а пріѣдетъ домой такой веселый, смѣется все, даже со мной таково ласковый сталъ.

— Что, думаю, за чудо такое? Съ чего бы это?..

Разъ какъ-то онъ и говорить намъ:

— А не хотите ли прокатиться? Погода славная, да кстати и тройка застоялась... давно не ходила. Самъ васъ прокачу.

Ну, мы, конечно, рады! Поѣхали. Только, вижу я, свернулъ съ дороги и ѣдетъ къ моему дому.

— Куда ты насъ везешь? — спрашиваю, — куда эта дорога?

— Сиди,—говорить—коли поѣхала... дорога проѣзжая.

Подѣзжаемъ близко, гляжу... Куда же это домъ мой дѣвался? Надо ужъ ему быть давно.

— Да куда же ты насъ везешь? — говорю.

— А твой новый домъ смотрѣть! — Да какъ загогочеть!

— Подѣхали, гляжу... А домъ то мой весь по бревнышку разложенъ лежить,—только одинъ фундаментъ остался!...

Подѣхали. Гляжу... А домъ-ать мой весь по бревнышку разложенъ лежить, только одинъ фундаментъ остался...

— Да когда же онъ успѣлъ это сдѣлать?—спросила удивленно бабушка.

— А я была съ недѣлю больна... не ѣздила туда, онъ и воспользовался. Но не извергъ ли? Не душегубецъ? Я хотѣла отъ него уйти, а онъ домъ мой по бревнушкамъ... по бревнушкамъ...

Павла Ивановна залилась горючими слезами, а бабушка, отецъ и Петруша, вмѣсто сочувствія, разра-

зились громкимъ хохотомъ. Видъ Павлы Ивановны и весь рассказъ ея были такъ комичны, что невозможно было удержаться отъ смѣха.

— Простите, дорогая, простите, что мы смѣемся!— говорила бабушка, утирая катившіяся отъ смѣха слезы. — Жаль васъ, ужасно жаль, но все это такъ комично!..

Павла Ивановна обидѣлась.

— Грѣхъ вамъ, Анна Павловна, надъ сиротами смѣяться. Этотъ извергъ вовсе извелъ меня... Я теперь не знаю, что и дѣлать буду. Ъхала къ вамъ посовѣтоваться, а вы вотъ смѣетесь...

— Ну, ну, не обижайтесь, милая,—уговаривала ее бабушка.—Ужо поговоримъ, обсудимъ, какъ быть... а теперь я провожу васъ въ вашу комнату; отдохните съ дороги, оправьтесь, и барышни пусть пріодѣнутся къ обѣду.

И она увела за собой нѣсколько успокоенную Павлу Ивановну.

А дочки ея, Лизанька и Лидинька, пока ихъ маменька разглагольствовала, преисправно уплетали завтракъ, точно два дня не ѣли.

Лева и Петруша усердно ихъ угощали и занимали разговорами; я вертѣлась тутъ же.

Лидинька ѣла молча, уткнувшись въ тарелку, а Лизанька то и дѣло вскидывала глазами то на Леву, то на Петрушу. У нея были чудесные черные глаза, но она ни минутки не оставляла ихъ въ покоѣ.

Я на нее залюбовалась.

— Вы надолго къ намъ пріѣхали?—спросила я ее.

— Не знаю, какъ мамаша.

— Пойдемте. Я вамъ нашъ садъ покажу.

— Нѣтъ, мнѣ надо еще пойти переодѣться... видите, какая я чумичка!..

— А вы ждите насъ, мы живо,—обратилась Лизанька къ Петрушѣ, который ей очевидно понравился.

Барышни отправились, и я за ними.

Лизанька усѣлась передъ зеркаломъ и стала перечесываться. Чудная толстая коса свалилась ей на плечи.

— Ахъ, какіе чудесные, густые волосы!—воскликнула я, трогая ея волосы.

— А вы умѣете дѣлать глазки?—спросила меня Лизанька, оборачиваясь ко мнѣ.

— Нѣтъ. А какъ это?

Лизанька полузакрыла глаза, а потомъ вскинула ихъ какъ-то особенно.

— А, знаю! Это вы сейчасъ такъ дѣлали, когда взглядывали на Петрушу. А зачѣмъ это надо?

— Ахъ Боже мой! Такъ очень красиво!

— Да ваши глаза и такъ красивы. Зачѣмъ вамъ еще ихъ строить?

А между тѣмъ урокъ подѣйствовалъ. Пока Лизанька одѣвалась, я все время вертѣлась передъ зеркаломъ, стараясь подражать ей, дѣлая глазки.

Я и не замѣтила, какъ дверь открылась и вошла мачеха.

— Ты, что это гримасы передъ зеркаломъ строишь? Иди заниматься, знаешь свой часъ!

— Развѣ уже пора?—сконфуженно пробормотала я, застигнутая на мѣстѣ преступленія.

Меня увели, но я стала пользоваться всякой свободной минуткой, чтобы побыть съ Лизанькой, такъ она мнѣ понравилась.

Я старалась во всемъ подражать ей, и очень удивилась, когда бабушка однажды сказала:

— Ну, ужъ и дочки же у Павлы Ивановны! Одна глупа, какъ пробка, вѣчно молчить, слова не вытянешь изъ нея, другая кривляка, ломака... Неучи! Говорять: «начитамши», «нагулямши». У какого-то дьячка учились! Вотъ вся ихъ наука! И замужъ ихъ никто не возьметъ отъ такого-то папеньки...

Тутъ пошелъ шопоть.

— Ахъ поди ты, Нюта, вонъ! Вѣчно вертишься тутъ со взрослыми!.. |Ступай къ дѣтямъ!

Обыкновенно взрослые передъ нами не стѣснялись и говорили все. Не мудрено, что въ головѣ получался отъ всего слышаннаго полный сумбуръ, въ которомъ трудно было разобраться 11-лѣтней дѣвчкѣ.

У Лизаньки я нашла какой-то переводный французскій романъ, изъ котораго ровно ничего не поняла, и все бѣгала къ ней за разъясненіями. И та, хотя и отговаривалась: «ахъ, Нюта, ты глупа, мала, не поймешь», а все-таки просвѣщала меня.

Цѣлую недѣлю прогостила Павла Ивановна съ дочками, и, наконецъ, напутствуемая совѣтами бабушки и отца, уѣхала восвояси.

ГЛАВА XXII.

Авдотья Макаровна.

Недѣли черезъ двѣ послѣ именинъ бабушки и мы стали собираться обратно въ Кострому. Въ срединѣ августа надо было отправлять въ институтъ Митю. Онъ былъ такой умный и благоразумный мальчикъ, что его рѣшили отправить одного. До Москвы поручили его какому-то попутчику, а отъ Москвы онъ сѣлъ въ поѣздъ и доѣхалъ до Петербурга, гдѣ его встрѣтилъ дядя Саша, къ которому онъ ходилъ всегда въ отпускъ.

Грустно мнѣ было провожать своего любимца, тѣмъ болѣе, что послѣ веселаго лѣта приходилось снова засаживаться за ученье съ новой гувернанткой, которую взяли вскорѣ послѣ возвращенія изъ Павловки.

Звали ее Авдотьей Макаровной. Это была дѣвица лѣтъ тридцати, хорошая знакомая Зинаиды Павловны, знавшая ее еще дѣвочкой-подросткомъ. Она была очень добрая, но страшно взбалмошная и нервная. Когда она бывала въ духѣ, все сходило съ рукъ: и плохо знаешь урокъ, да получишь хорошій баллъ. Но Боже упаси, если не въ духѣ!.. Тогда ничѣмъ не угодишь!

Мы учились теперь всѣ трое: я, Вася и Таня, которой минуло уже шесть лѣтъ. Трудно было представить себѣ болѣе недружное тріо. Мы вѣчно ссорились.

Вася никогда не могъ ладить съ обѣими сестрами; онъ вѣчно дружилъ съ одной и дразнилъ другую. Чаше онъ дружилъ со мной, какъ съ болѣе равной себѣ,—тогда Танѣ была бѣда. Она была ужасно зла. Стоило только, шутя, поднести палецъ къ ея носу, чтобы она разозлилась и начала царапаться и кусаться. Къ этому ее приучила ея нянька Василиса. Сколько разъ я заставляла такую сцену: сидитъ Таня на кровати и кричитъ:

— Няня! подай мнѣ куклу!

Василиса подаетъ, но такъ, чтобы Таня не могла достать ее.

— Да подай же!—кричитъ дѣвочка.

Василиса приближаетъ куклу, но только что Таня протянетъ руку, чтобы схватить ее, та отдернетъ. Таня начинаетъ неистово ревѣть и кричать.

Тогда Василиса суетъ ей куклу, но разозленная дѣвочка хватается няньку за руку и начинаетъ кусать ее и бить по рукѣ. А Василиса при этомъ хохочетъ до слезъ.

Такъ Таня и привыкла изъ-за всякой малости драться и кусаться. За это мы съ Васей ее ужасно не любили и вѣчно дразнили.

Иногда Вася дружилъ съ Таней и тогда дразнилъ меня, но я старалась не обращать на него вниманія и садилась за книгу. Скоро Васѣ надоѣдала дружба съ маленькой Таней, и онъ мирился со мной.

Я была ужасная охотница выдумывать сказки и по цѣлымъ вечерамъ, когда Авдотья Макаровна уходила пить чай съ Зинаидой Павловной, рассказывала ихъ Васѣ и Танѣ.

— Ну, ну, Нюта! Что же дальше?—понукали они меня, когда я затруднялась что же еще выдумать.

— Постой! Завтра доскажу! Ужо за ночь выдумаю...—говорила я.

И я выдумывала... И откуда у меня бралось только? Тутъ были и жарь-птица, и Иванъ - Царевичъ, вѣчный герой русской сказки... и Иванушка дурачокъ, и Баба-яга... и великаны... Я и сказокъ-то мало читала, воображеніе было очень ужъ пылкое... Отчасти это было хорошо. Въ такіе вечера мы всѣ сидѣли смирно; не было обычныхъ ссоръ. Сказки переносили насъ въ особый міръ и заставляли хоть ненадолго забыться отъ нашей однообразной, скучной жизни. Частенько забивались мы въ темную комнату, въ уголокъ мягкаго дивана, и маленькая Таня прижималась ко мнѣ со страхомъ, ожидая что-то будетъ дальше: дождетъ ли Иванъ - Царевичъ цѣль и невредимъ, добудетъ ли онъ жарь-птицу и женится ли онъ на прекрасной царевнѣ? Стереотипныя сказки! А сколько поколѣній онѣ пережили! Сколько переживутъ еще?!

Только и отдыхали мы по вечерамъ за сказками, а съ утра опять начиналось ученіе и мученіе.

У Авдотьи Макаровны было много слабыхъ струнъ, и на нихъ-то всегда наигрывалъ Вася, чтобы избавиться отъ наказаній, когда плохо зналъ урокъ.

Авдотья Макаровна была страшная курильщица и выкуривала до пятидесяти папиросъ въ день. Набивать ихъ было нашей обязанностью. Вася всегда припрятывалъ нѣсколько штукъ «на всякій случай», какъ онъ выражался.

— Ужо, какъ выкурить всѣ, я ей и поднесу, она и станетъ у меня добренькая и не будетъ меня колотушками кормить.

Вотъ Авдотья Макаровна является въ классъ. Пробыло уже десять часовъ. По расписанію классъ долженъ начинаться въ девять, но она цѣлый часъ пьетъ чай съ Зинаидой Павловной, болтаетъ всякій вздоръ и курить, курить безъ конца. А мы все ждемъ ее, ждемъ...

Начинается урокъ закона Божія. Спрашиваютъ Васю.

Авдотья Макаровна докурила послѣднюю папироску... заглянула въ коробку—нѣтъ ни единой!..

Грустно сидитъ она, приговаривая:

— Ахъ, какая досада! Вчера было много! Куда же онѣ дѣлись?

— А хотите, я дамъ? У меня есть!—подшучивалъ Вася.

— Ну, давай же скорѣй, давай!—обрадуется Авдотья Макаровна.

— А что вы мнѣ за это дадите?

— Полно шалить! Я курить хочу!

— А вотъ я и хорошо сдѣлалъ, что припряталъ,—говоритъ Вася, вытаскивая папиросу изъ ящика и подавая ее Авдотѣ Макаровнѣ, которая становится и въ духѣ, и веселая. Вася бойко принимается отвѣчать урокъ, вретъ безбожно, но, занятая своей папироской, она ничего не замѣчаетъ.

Не замѣчаетъ она и того, что Вася стоитъ такъ близко къ книгѣ, лежащей на столѣ, что читаетъ по ней урокъ. Она сидитъ, откинувъ назадъ голову, пускаетъ хорошенькія, крошечныя колечки дыма и съ наслажденіемъ наблюдаетъ, какъ они летятъ вверхъ, а потомъ расплываются и расплываются, застилая всю ее дымомъ.

И, конечно, она въ эту минуту мыслями далеко, далеко отъ того урока закона Божія, который ей отвѣчаетъ Вася.

Отрапортовавъ, онъ складываетъ книгу.

— Молодецъ!—говоритъ Авдотья Макаровна и ставитъ ему 5.

Слѣдующіе уроки сходятъ уже благополучно.

Но гораздо чаще, чѣмъ добродушіе, находила на Авдотью Макаровну какая-то неистовая злоба. Тогда

она пребольно дралась; въ особенности любила она драть за уши.

У Васи вѣчно были кровавыя полосы за ушами; я же ухитрялась отъ этого избавляться. Какъ только я замѣчала поползновеніе Авдотьи Макаровны насчетъ моихъ ушей, я закрывала ихъ обѣими руками и кричала:

— Не дамъ, не дамъ! Дерите за волосы!

Разозленная Авдотья Макаровна яростно набрасывалась на мои «космы», какъ она выражалась.

Авдотья Макаровна цѣлый часъ пьетъ чай съ Зинаидой Павловной.

Было очень больно, но все-же я избавлялась отъ дранья за уши.

Первое время по поступленіи Авдотья Макаровна была сдержаннѣе и не такъ часто наказывала и била насъ. Зинаида Павловна тоже стѣснялась очень муштровывать своихъ пасынковъ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ становилась хуже.

Зинаида Павловна была ужасно нетерпѣлива и вспыльчива. Она учила меня музыкѣ, и ежедневно за уроками были сцены. Если я дурно играла гаммы или

этюды, она била меня по рукамъ и выгоняла вонъ. Эти уроки были для меня истиннымъ мученіемъ. Какъ я ни старалась, я не могла играть безъ ошибокъ. Что же было мнѣ дѣлать, если меня не слушались пальцы, если у меня не было способностей!

За наказаніе Зинаида Павловна заставляла меня вязать шнурокъ «на вилашкѣ».

Она придумала мнѣ эту работу, говоря, что я уже велика, и что пора мнѣ перестать «болтаться безъ дѣла». Я ненавидѣла это вязанье потому, что глупѣе ничего нельзя было придумать. Шнурокъ на вилашкѣ вязался такъ медленно, что пока вязался одинъ аршинъ, можно было бы сосчитать цѣлыхъ десять.

Давали мнѣ клубокъ, вилашку и задавали урокъ въ четверть аршина. Я принималась усердно вязать. Вотъ уже четверть аршина готово, я торжествую. Но вдругъ неожиданно спускается петля... я хочу ее поднять, руки у меня потѣютъ, нитка замусливается... обрывается... и вся работа пропала. Привязать нитку невозможно: она не пройдетъ въ петлю. Что тутъ дѣлать?

Иду въ слезахъ къ Зинаидѣ Павловнѣ.

— Мамаша, посмотрите, что сдѣлалось!—говорю я по-французски.—Петля спустилась, нитка оборвалась...

— Ну-съ! Такъ извольте начинать сначала.

— Да я уже связала четверть аршина.

— Безъ разсужденія! Иди и вяжи!

И вотъ я сажусь опять за никому ненужный шнурокъ... А между тѣмъ у меня подъ подушкой другая работа, интересная.

Я вообще очень любила ручныя работы и была большая мастерица вышивать по канвѣ и вязать крючкомъ. Я вязала прехорошенькіе кисеты изъ шерсти для табаку и черезъ одну знакомую торговку продавала ихъ, а на вырученныя деньги покупала канву, шерсть и шелкъ. Но эти работы мнѣ дозволялось

дѣлать только по праздникамъ и въ свободное время. Свободное же время у меня было только отъ четырехъ до шести часовъ вечера, т.-е. послѣ обѣда до начала вечернихъ классовъ; остальное время меня заставляли вязать никому ненужные шнурки и чулки.

Красный языкъ.

Вязанье чулокъ было для меня чистой пыткой. Въ назначенное для работы время,—отъ часа до двухъ,—я подходила къ Зинаидѣ Павловнѣ и спрашивала:

— Сколько прикажете связать?

Если она была въ духѣ и были гости, то она задавала мнѣ двѣнадцать рядовъ. Если же мачеха была не въ духѣ или недовольна мной, то задавалось восемнадцать рядовъ.

Тутъ я начинала плакать. Я знала, что въ одинъ часъ мнѣ не связать урока, придется вязать еще вечеромъ.

Да и было отъ чего плакать. Цѣлый день съ утра уроки и занятія, ни минуты свободы...

Вставали въ восемь часовъ. Одѣвались, пили чай; въ девять часовъ начинались занятія; въ двѣнадцать—завтракъ; съ часу до двухъ—вязаніе; отъ 2 до 4 часовъ водили гулять; въ 4 часа обѣдъ, а съ 6 до 8 часовъ вечерніе классы и приготовленіе уроковъ; въ восемь часовъ—вечерній чай, а въ девять мы уже укладывались спать.

Единственнымъ свободнымъ временемъ было отъ обѣда до шести часовъ, но если я не успѣвала окончить заданный урокъ чулка, то должна была довязывать въ это время. Отъ слезъ нитки намокали, петли не провязывались, и дѣло шло еще медленнѣе.

— А вотъ, погоди же! Я ее надую!..—думала я, и вмѣсто трехъ рядовъ гладкихъ и трехъ навыворотъ вязала по два; выходило не восемнадцать, а двѣнадцать рядовъ.

— Maman! j'ai achevé ma leçon! ¹⁾—говорила я, подходя къ Зинаидѣ Павловнѣ и показывая работу.

Если Зинаида Павловна была занята и работу смотрѣла Авдотья Макаровна, то обманъ не замѣчался.

— Fort bien,—говорила она и отпускала меня.

Если же работу смотрѣла сама Зинаида Павловна, то обмануть было труднѣе.

— Qu'est ce que c'est que ça?!—воскликала она.— C'est ainsi que vous travaillez?! ²⁾ И вся моя работа распускалась, и я должна была оставаться безъ гулянья и вязать все заново.

Зинаида Павловна заставляла насъ говорить постоянно по-французски даже между собой. Для насъ это была настоящая пытка, такъ какъ всѣ наши познанія ограничивались однѣми обыденными фразами, и разговора мы вести не могли. Чтобы настоять на своемъ, мачеха, совмѣстно съ Авдотьей Макаровной, изобрѣла намъ наказаніе: к р а с н ы й я з ы к ъ.

Изъ красной фланели вырѣзали языкъ, длиной въ полъ-аршина, и тотъ, кто говорилъ по-русски, долженъ былъ надѣвать его на грудь. Получившій языкъ оставался безъ пирожного.

¹⁾ Мамаша, я кончила свой урокъ!

²⁾ Что это такое? Такъ-то вы работаете?!

Много слезъ стоилъ намъ этотъ противный красный языкъ! Иногда по цѣлой недѣлѣ приходилось носить его. Никто не проговаривается по-русски или, просто, молчать всѣ, чтобы не получить языка. Благодаря ему, мы стали подслушивать, шпионить другъ за другомъ. Попросится носящій языкъ выйти изъ класса, а самъ станетъ за дверью и слушаетъ... Чуть услышитъ какой-нибудь русскій звукъ, моментально влетаетъ и передаетъ. Случалось, что, наскучивъ молчаніемъ, носящій языкъ снималъ его, клалъ въ столъ и давалъ клятвенное обѣщаніе не передавать его, лишь бы только наговориться по-русски.

Конечно, это дѣлалось только тогда, когда мы были одни и Авдотья Макаровна была занята чаепитіемъ съ Зинаидой Павловной.

Вообще наша «новая мама» завела муштровку систематическую.

Начиналось утро. Приходили къ чаю. Слово «къ чаю» было насмѣшкой, такъ какъ чая намъ не давали, а поили какой-то отвратительной золотушной травой съ однимъ кусочкомъ сахара. Трава эта не процѣживалась, а давалась намъ со всѣми плавающими въ ней листочками, корешками и разбавлялась холоднымъ снятымъ, совершенно синимъ молокомъ. Только благодаря тому, что насъ вѣчно держали впроголодь, можно было пить это отвратительное пойло.

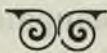
Къ «чаю» намъ отпускалась трехкопеечная булка, которую рѣзали на три части. Выходило двѣ горбушки и одна середина. Съ жадностью волковъ хватались мы за куски и чуть не дрались за середину, которая казалась намъ больше горбушки. Авдотья Макаровна помирила насъ, установивъ разъ навсегда, что серединку всегда будетъ получать дежурный. Дежурнымъ назывался тотъ, кто въ этотъ день обязанъ былъ все приготовить къ классу и все прибрать послѣ его окончанія.

Вася ухитрялся, впрочемъ, получать серединку и не будучи дежурнымъ.

Онъ былъ ужасный подлиза, какъ мы его называли, и вѣчно подлизывался къ мачехѣ, которая его любила и часто прощала ему то, чего не спускала намъ съ Таней. Она всегда говорила про него, что «ласковое телятко двухъ матокъ сосетъ». И Вася, дѣйствительно, уподоблялся «телятку», поминутно цѣлуя ручки у Зинаиды Павловны. За это ему частенько перепадали или конфетка, или лишній кусочекъ сахару въ отвратительное пойло, или серединка. Частенько онъ выпрашивалъ «чайку» вмѣсто травы...

Я ненавидѣла въ немъ это подлизываніе и вѣчно за это съ нимъ ссорилась. Вообще же мы съ нимъ жили довольно дружно, если бы не этотъ проклятый, красный языкъ, отравлявшій днемъ все наше существованіе.

Зато по ночамъ мы наверстывали свое и наговаривались досыта. Это было единственное время, когда мы были предоставлены самимъ себѣ, когда мы, бѣдныя дѣти, отдыхали и чувствовали, что мы живемъ, что у насъ есть мысли, желанія, что не все еще въ насъ выбили и вытравили наши суровые воспитатели.

ГЛАВА XXIII.

Мои ночныя похожденія.

Вася спалъ наверху, на антресоляхъ, а я—внизу. Насъ обыкновенно укладывали спать въ девять часовъ. Къ тремъ часамъ мы уже высыпались, и тогда начиналось наше царство.

Вася ужасно любилъ что-нибудь мастерить: какую-нибудь телѣжку, санки или коробочку, которая онъ ухитрялся дѣлать изъ щепокъ при помощи одного только тупого столоваго ножа и зубовъ. Такъ какъ матеріалу ему не давали, то приходилось тихонько таскать, что Вася и дѣлалъ.

Трудно себѣ вообразить, изъ какого негоднаго матеріала ухитрялся онъ дѣлать хорошенькія вещицы. Изъ свинцу, которымъ обернуто горлышко бутылки изъ-подъ вина, онъ дѣлалъ, на примѣръ, крылья у телѣжки; шины на колеса онъ дѣлалъ изъ китоваго уса, выдраннаго изъ лифа Авдотьи Макаровны, а спицы—изъ зажигательныхъ спичекъ.

Мастерилъ онъ обыкновенно по ночамъ. Я тоже была полуношница и чуть ли не съ двухъ часовъ просыпалась и начинала читать. Авдотья Макаровна спала въ сосѣдней комнатѣ, но дверь всегда держала настежь. Надо было ухитриться загородить свѣтъ, чтобы она его не видѣла.

Я ухитрялась поставить огромную книгу треугольникомъ, сверху на нее положить другую, а огарокъ поставить въ середину. Крошечный огарочекъ не могъ сжечь книгу, а мнѣ свѣтилъ достаточно. Огарки я воровала у лакея Петра изъ подсвѣчниковъ.

При такомъ скудномъ освѣщеніи, полулежа въ постели, я прочитывала или, вѣрнѣе, проглатывала тѣ книги, которыя мнѣ удавалось или стащить, или выпросить у кого-нибудь. Часто я брала работу и уроки и отправлялась наверхъ, къ Васѣ.

Это было цѣлой задачей, потому что приходилось пройти средній этажъ и двѣ лѣстницы. На бѣду, наша сердитая нянька Прасковья спала рядомъ съ комнатою Васи, около лѣстницы. Но я не унывала, вставала тихонько, безъ шума, чтобы не разбудить Авдотью Макаровну, и облакалась въ свой ночной костюмъ. Это было, дѣйствительно, нѣчто оригинальное. Вообразите себѣ ватный капотъ, когда-то прекрасной шелковой матеріи, служившій прежде мнѣ для гулянья, но теперь до того истрепанный, что мѣстами изъ него торчитъ вата, и онъ до того коротокъ, что едва достигаетъ колѣнъ. Я ухитрялась надѣвать его воротникомъ на талию. Видъ получался пресмѣшной: передъ поддерживать, задъ со шлейфомъ, рукава болтаются по сторонамъ. Костюмъ мой довершали красныя сафьяновыя туфельки, когда-то очень красивыя и изящныя, въ которыхъ бабушка ѣздила на балы, когда была молода!

— Бабушка,—говорила я, когда она подарила мнѣ эти туфельки,—неужели же у васъ была такая крошечная ножка? Вѣдь эти туфли едва мнѣ впору!..

Дѣйствительно, глядя на толстыя ноги бабушки, обутыя въ огромныя ватныя туфли, трудно было себѣ представить, что она могла носить эти крошечныя туфельки.

— Я была худенькая, тоненькая и стройная,—говорила мнѣ бабушка,—и ножка у меня была до того мала, что мои туфли не налѣзали никому.

Приходилось вѣрить, такъ какъ туфельки надѣвались мнѣ, одиннадцатилѣтней дѣвчкѣ.

Я ошупью пробираюсь... поминутно останавливаю, прислушиваюсь...

черезъ которую идетъ лѣстница, никто не спитъ. Я иду смѣло, и вотъ я уже передъ второй лѣстницей.

Итакъ, я одѣта и отправляюсь.

Предстоитъ большая лѣстница.

Я ошупью пробираюсь, ступеньки трещать, скрипять... Я поминутно останавливаюсь, прислушиваюсь.

Все тихо. Иду дальше.

Вдругъ что-то громко затрещало. Сердце у меня упало.

— Ахъ ты, Господи, опять эта противная половица! Сколько разъ собиралась замѣтить, которая это скрипитъ, и все забываю...

Прислушиваюсь. Никто не проснулся. Иду дальше.

Въ среднемъэтажѣ, въ той комнатѣ, че-

Это самое трудное: надо пройти чуть ли не рядомъ съ постелью Прасковьи.

Я помню, что третья и четвертая половицы ужасно скрипятъ, и прямо промахиваю на пятую и шестую. Я уже наверху.

Теперь стоитъ только безъ шума отворить дверь,— и я у Васи.

Сквозь щель виденъ свѣтъ: онъ уже мастерить.

Я, какъ кошка, пробираюсь въ темнотѣ. Частыя ночныя походы развили мое осязаніе настолько, что я никогда ни на что не натыкалась. Я уподоблялась летучей мыши, у которой перепонка такъ чувствительна, что она впотьмахъ не натыкается на протянутыя въ комнатѣ веревки, а лавируетъ между ними. Случалось, что мнѣ попадалось на дорогѣ что-нибудь брошенное, забытое среди комнаты. Разъ, помню, Прасковья поставила на лѣстницу свои башмаки, и они съ шумомъ покатались внизъ.

— Господи, Господи! Царица небесная! Съ нами крестная сила! — забормотала она, вскакивая на постели и крестясь.

Я стояла, притаившись, ни жива, ни мертва!..

— Вотъ сейчасъ зажжетъ спичку и увидитъ меня! Пропала я тогда! — думала я, дрожа отъ страха и боясь дышать, чтобы не выдать себя.

Долго пришлось стоять, пока я услышала снова храпъ Прасковьи.

— Что это ты сегодня такъ долго не шла?—спрашивалъ меня Вася.—А я, смотри, какую телѣжку сдѣлалъ! Смотри, уже совсѣмъ готова... А огарковъ принесла?

— Какъ же! Цѣлыхъ три! Одинъ себѣ оставила. Еле еле впотьмахъ отыскала въ ларѣ у Петра. Изъ подсвѣчниковъ кто-то всѣ повытаскалъ.

— Это я! Ужо онъ завтра скажетъ: «А кто это у меня огарочки-то повороваль? Ужотка я папашенькѣ-то скажу!»

Я вытащила изъ кармана три огарка и подала Васѣ.

Вася мастерить телѣжку. Я вяжу своему любимцу Митѣ шарфѣ.

— Ого, молодецъ, Нютка!—воскликнулъ онъ радостно.—Завтра разворчится Петръ-то! Будетъ тебѣ!

— Ну, чего тамъ будетъ! Не боюсь я его, — онъ добрый! Ужъ сколько разъ собирался на насъ жаловаться, а еще ни разу не пожаловался.

Я усаживаюсь на стулъ, сбрасываю туфли, за-
вертываю свои босыя ноги въ шлейфъ моего знамени-
таго капота и принимаюсь за вязанье.

Я вяжу своему любимцу Митѣ шерстяной шарфъ.

— Ай, ай, ай! Какъ я напутала! Сколько петель
поспускала! Я вѣдь впотѣмахъ вязала... спичекъ у
меня не было, нечѣмъ было зажечь огарка. Я уже
давно не сплю.

— А уроки выучила?

— Нѣтъ, не всѣ еще! Вотъ пришла стихи фран-
цузскіе учить... Да задала-то сколько! Посмотри-ка...
Ну, да я выучу... Только вотъ бѣда: не понимаю ни-
чего... зубри вдолбежку!

— Тише ты! Чего орешь! Разбудишь воркушу-то
нашу!

Я умолкала и принималась за стихи.

Такъ просиживали мы до семи часовъ, когда вста-
вала Прасковья.

Надо было убраться во-свояси, чтобы не по-
пасться ей. А уходить не хотѣлось. Это было един-
ственное время, когда мы могли мирно бесѣдовать,
и могли дѣлать то, что намъ хотѣлось. Это было на-
ше время, когда никто не мудрилъ надъ нами.

Разъ какъ-то мы заговорились.

Слышимъ—Прасковья уже встала и спускается
внизъ по лѣстницѣ.

— Батюшки мои!—воскликнула я.—Теперь при-
детъ внизъ, увидить, что меня нѣтъ... то-то будетъ
исторія!

Я вскочила и притаилась за дверью. Слышу—бѣжитъ!

— Гдѣ она тутъ, пострѣль-то нашъ? Ужо я ее!—
кричитъ Прасковья и быстро пробѣгаетъ мимо двери,
за которой я притаилась.

— Чего ты хохочешь?—накидывается она на Васю.

— Да нѣтъ ее здѣсь! Она и не была.

— Не была-а? Анъ врешь! Негдѣ ей больше быть. Знаю я ваши проказы-то, чай! Внизу-то на постели ее нѣту! Ну, сказывай, тебѣ говорятъ!—орала Прасковья.

— Да что я въ карманъ что ли ее спряталъ? Ушла, вѣрно, куда нужно!..

— То-то, куда нужно!.. Я тебѣ задамъ! Полунощники!

Старый слуга.

И она бросилась опять внизъ.

А я между тѣмъ, пока она кричала на Васю, выскочила изъ-за двери и опрометью бросилась внизъ.

По дорогѣ меня поймалъ Петръ, убиравшій комнату.

— А вотъ я васъ... вотъ я васъ! Попалась птичка! Стой!

И онъ обхватилъ меня обѣими руками.

— Петръ, голубчикъ! Пусти! Пусти же!—шептала я, вырываясь.

— То-то пусти!—смѣялся онъ.— А кто у меня огарки воровалъ? А? Кто?

Но я уже вырвалась и мчалась во весь духъ, чуть не повиснувъ на дверной ручкѣ и вырвавъ большой клокъ изъ своего драгоценнаго капота.

Сижу на постели и преспокойно натягиваю чулки. Слышу—бѣжить.

— А, проказница! Сказывай, гдѣ была?

— Была гдѣ надо.

— Нѣтъ, не гдѣ надо! А опять навѣрхъ шлялась. Вотъ и улика! Это что? Что это?

И она тыкала мнѣ въ носъ клокомъ ваты, вырванымъ изъ моего капота.

— Что это?—переспросила я равнодушнымъ тономъ.

— То-то что? Будто бы и не знает! На двери, небось, клочокъ-то висѣлъ!

Улика была налицо и запыраться трудно. Я не выдержала и покатила со смѣху. Такъ смѣшна была Прасковья, разъяренная, встрепанная и съ клокомъ ваты въ рукахъ.

— Чего зубы-то скалишь? Озорница! Звѣзда! Другая бы стыдилась! А ей смѣхъ!

— Чего стыдиться-то? Что я сдѣлала?

— Что сдѣлала? А гдѣ бѣгала? Ужо вотъ «новой мамашенькѣ» - то пожалуюсь, такъ не очень-то тебя по головкѣ погладить! Задасть! Не поздоровится!

Такъ ворчала Прасковья, пока я натягивала юбки, потомъ взяла гребенку и начала меня причесывать.

Обыкновенно она плела мои волосы какъ какой-нибудь лошадиный хвостъ, дергая голову вправо и влево. Но на этотъ разъ она дѣлала это съ какимъ-то особеннымъ остервенѣніемъ, приговаривая:

— Ужо космы - то отрасли, а ума-то въ головы-то нѣту... Должна старатцы-ы!!

— Ой, да больно! Что ты, право! Выучилась бы прежде говорить - то! А то: «старатцы-ы!», «въ головы-то!»—передразнивала я.

— Ладно, хорошо и такъ! Не у тебя ли уму-разуму учиться?!

Такъ переругивались мы, пока не вошла Авдотья Макаровна.

Прасковья мгновенно замолчала.

Надо отдать ей справедливость, что она никогда

Старая няня Прасковья.

на насъ не жаловалась. Кричить, ругается, ворчить, чуть не дерется съ нами, но ничего не доводитъ до свѣдѣнiя Авдотьи Макаровны и Зинаиды Павловны.

— И такъ ужъ совсѣмъ затрепали ребятъ-то! Совсѣмъ «за Мажай» загнали,—говорила она.—Что ужъ тутъ еще жаловаться-то! Заморили! Заколотили, какъ еще живы-то?.. Думала: вотъ женится... полегчаетъ дѣткамъ... не дастъ «новая»-то мамаша губернанкамъ-то драться!.. Анъ, еще сама норовить плюхъ надавать! Охъ, охъ, охъ! Встала бы сердешная Валентина-то Сергѣевна... взглянула бы, родимая матушка, каково дѣткамъ-то стало безъ нея...

Такъ причитала Прасковья, и она была права...

Плохо жилось намъ, бѣднымъ сиротамъ. Но сама судьба, повидимому, берегла насъ. Въ другихъ семьяхъ холятъ, нѣжатъ дѣтей, а они то больны, то умираютъ... Мы же бѣгали раздѣтые въ холодныя сѣни, въ сильные морозы ходили гулять въ такихъ легкихъ пальто, что возвращались окоченѣлыми; я бѣгала босая по каменному полу... И все сходило съ рукъ. Мы никогда не простужались.

Лучшимъ доказательствомъ того, какъ мало о насъ заботились, можетъ служить слѣдующій фактъ. Заболѣло у Авдотьи Макаровны горло. Какъ я теперь вспоминаю, у нея, навѣрно, былъ если не дифтеритъ, то сильнѣйшая жаба (тогда о дифтеритѣ и не слыхивали: слово это появилось уже позднѣе). И вы думаете, насъ отдѣлили, запретили ходить къ Авдотьѣ Макаровнѣ? Ничуть не бывало!

Цѣлые дни и ночи ходила я за ней; мѣняла ей на горлѣ компрессы, давала лѣкарство, вскакивала по двадцати разъ ночью, чтобы принести ей сверху сухое бѣлье, и помогала ей переодѣвать его; давала ей пить съ ложечки. У нея былъ страшный жаръ, она вся горѣла, какъ въ огнѣ... Только-что я задремлю,

какъ около меня раздается: «Нюта, Нюта»!—и я вскакиваю. Я такъ и спала одѣтая.

Она проболѣла болѣе недѣли, и я, измученная бессонными ночами, находясь постоянно въ зараженномъ воздухѣ, не подумала заболѣть.

И вы думаете Авдотья Макаровна осталась благодарной своей сидѣлкѣ?

Совершенно такъ же, какъ до болѣзни, продолжала она драть меня за волосы и угощать ударами линейки за малѣйшую провинность.

ГЛАВА XXIV.

Гимназисты.

Наступившая зима была для насъ особенно веселая. Опять жилъ у насъ Лёва, а по субботамъ приводилъ къ намъ своихъ двухъ двоюродныхъ братьевъ, нашихъ «дядей». Смѣшно намъ было, что эти «дяди» были каждый чуть ли не моложе меня съ Васей.

Оба они были въ третьемъ классѣ. Звали одного Володей, а другого Васичкой.

Володю мы очень полюбили и прозвали «Волдышенькой». Это былъ умненькій юркій мальчикъ небольшого роста.

Васичку мы прозвали «Васюкъ». Въ противоположность Волдышенькѣ, Васюкъ былъ тощій, длинный, сухой. Онъ вѣчно молчалъ, и только когда Волдышенька чѣмъ-нибудь ужъ очень распотѣшитъ насъ, раздражался продолжительнымъ раскатистымъ смѣхомъ.

Мы очень любили эти субботы и воскресенья. Когда было три часа и раздавался звонокъ, мы бѣжали въ переднюю встрѣчать нашихъ милыхъ гимназистовъ.

Послѣ обѣда, который обыкновенно подавали въ четыре часа, насъ отпускали въ большую залу. Взрослые съ нами не ходили, и тутъ-то начиналось веселье.

Любимой игрой была к о р о л и.

На большой столъ нагораживали маленькій, на него кресло.

Это былъ тронъ.

Добывали для короля-Лёвы отцовскій халатъ, изъ бумаги дѣлали корону, изъ тальмы—мантію.

Я была королевой. Выпрашивала у Авдотьи Макаровны юбку, которая волочилась по полу, надѣвала шаль вмѣсто мантіи и бумажную же корону на голову.

Волдышенька и Васюкъ изображали придворныхъ, а Вася и Таня были преступники. Имъ связывали руки, они были осуждены на казнь. Но король и королева ихъ милостиво прощали.

— Ну, довольно въ короли! Теперь въ гимназію!

— Да, въ гимназію, въ гимназію!

Волдышенька очень удачно копировалъ всѣхъ учителей, инспектора, директора.

— Волдышенька, представь директора! — кричали мы.

Волдышенька съеживался, сморщивался, надѣвалъ очки, одну руку закладывалъ назадъ, а другою ежеминутно поправлялъ на носу сползавшія очки,—это была манера директора.

Мы изображали учениковъ.

Нагораживали стулья и ломберные столы, которые должны были изображать парты.

Мы сидимъ смирно. Входитъ директоръ, сгорбившись, волоча ноги.

Мы шумно вскакиваемъ.

— Гимназія! Тише! Гимназія! Ти-ше! Пшть! За-по-рю!

Затѣмъ Волдышенька (директоръ) оглядываетъ черезъ очки учениковъ, подходитъ къ одному, тычетъ его пальцемъ въ грудь:

— Ч-что это?! Ч-что это?!

— Ничего-съ! Это ничего-съ! Пуговица... Пуговица отвалилась!—бормочетъ ученикъ.

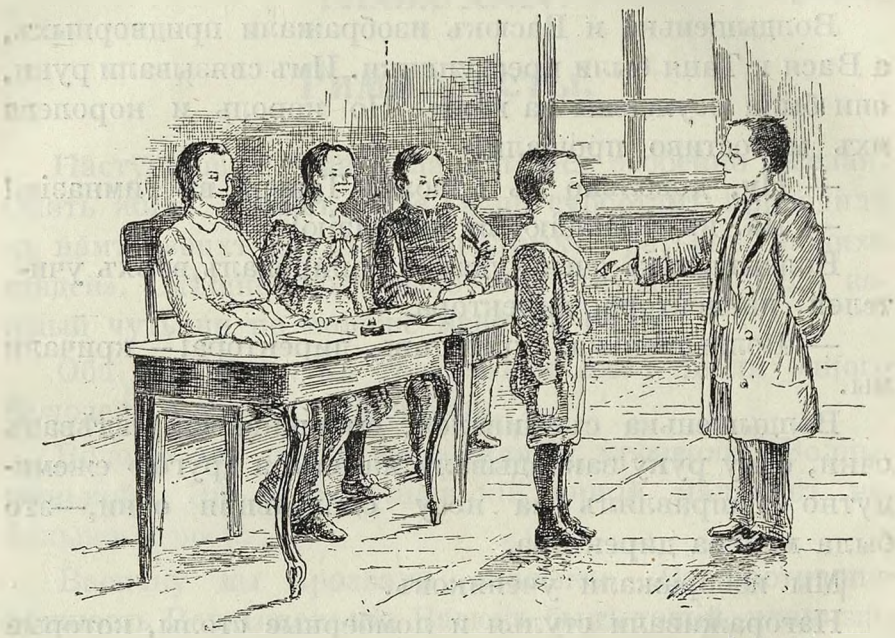
— Пуговицы нѣтъ... Пшт... Въ карцеръ его, въ карцеръ!—кричитъ директоръ.

И ученика уводятъ.

Мы хохочемъ.

— Теперь учителя географіи! Учителя географіи!

Устраивается каѳедра.

— Что это? Пуговицы нѣтъ!..—кричитъ Волдышенька-директоръ.

Мы всѣ сидимъ на стульяхъ, передъ нами книги.

Учителя географіи изображаетъ Лѣва. Онъ взбиваетъ себѣ волосы, надѣваетъ отцовскій пиджакъ, на животъ подвязываетъ подушку.

Онъ пьянъ.

Входитъ, грузно садится на стулъ. Пыхтитъ. Обводитъ классъ глазами.

Взглядъ его останавливается на Васюкѣ, изобра-

жающемъ ученика Власова. Ученикъ этотъ, громадный дѣтина, по два года сидѣлъ въ каждомъ классѣ. Ему было двадцать лѣтъ, а онъ былъ всего еще только въ пятомъ классѣ.

Васюку подъ мундиръ набили платковъ, чтобы онъ казался толще.

— Власовъ!—икая и отдуваясь, говоритъ учитель.— Приготовилъ?

— Приготовилъ-съ!—вскакиваетъ Власовъ.

— Ну, подходи.

Власовъ подходитъ, вытаскиваетъ изъ кармана свертокъ, изображающій колбасу, и бутылку водки.

Все это онъ кладетъ на каѳедру и отходитъ къ доскѣ.

— Молодчина Власовъ!

Учитель пьетъ, закусываетъ.

— Ер-р-ремѣвъ! Н-н-у-у!!—мычитъ онъ.

Еремѣвъ (Таня), самый младшій ученикъ, вскакиваетъ и бросается къ двери.

Его обязанностью было всегда во время урока географіи стоять у двери на часахъ, чтобы во-время предупредить о появленіи начальства.

Учитель обводитъ классъ пьянымъ взглядомъ.

— А ну-те-ка! Кто скажетъ, гдѣ городъ Штокгольмъ? Ивановъ, ты!..

Ивановъ, т.-е. я, вскакиваетъ.

— Въ Даніи-съ!..

— Врешь! Получай оглоблю!—и учитель выводитъ жирную единицу.

Вновь пьетъ, закусываетъ.

— Воробьевъ, ты!

Воробьевъ (Вася) вскакиваетъ.

— А ну-ко-ся! Гдѣ находится городъ Инспрукъ? Воробьевъ мнется.

— Ин-спру-у-къ?.. Въ... въ Испаніи-съ!

— Въ Испаніи? Что-о?.. Вотъ тебѣ!

Обглодокъ колбасы летить въ голову Васи.

— И тебѣ оглоблю!

Вдругъ Еремѣевъ (Таня), бывший на часахъ, заглянувъ въ дверь, испуганнымъ голосомъ кричитъ:

— Директоръ! Директоръ!!!

Власовъ подбѣгаетъ къ каѳедрѣ, стремительно прячетъ бутылку и остатокъ колбасы въ карманъ и становится къ доскѣ, какъ-будто отвѣчаетъ урокъ.

Учитель, весь красный, пыхтитъ и отдувается.

Мы шумно вскакиваемъ.

— Гимназія! Ти-ше! тише!—говоритъ директоръ (Волдышенька) и подходитъ къ учителю.

— Что-о это? Чт-что это?

Учитель старается подняться и не можетъ.

— Опять Вы?!! Опять!..

Увидалъ на полу обглодокъ колбасы.

— Ч-что это?

— Я-съ... ничего-съ!—бормочетъ учитель, икая.

Мы хохочемъ.

— Гимназія! Ти-ше! Пшт... Запор-рю!—кричитъ директоръ, и, взглянувъ еще разъ на растерявшагося учителя, медленно выходитъ изъ класса.

Мы шумно вскакивали съ мѣстъ. Игра кончалась.

Къ несчастью, эта дѣтская игра, доставлявшая намъ такое удовольствіе, не была выдумкой: мы только изображали то, что было въ дѣйствительности.

Такова была гимназія въ то время.

Лѣва былъ тогда въ шестомъ классѣ и увлекался чтеніемъ переводныхъ французскихъ романовъ. Онъ зачитывался Тремя мушкетерами Дюма, Рокамбелемъ и т. д.

Всю эту зиму онъ сидѣлъ въ «камчаткѣ», т.-е. былъ послѣднимъ ученикомъ и сидѣлъ на задней партѣ.

Лёва былъ способный мальчикъ и могъ бы хорошо учиться, но, когда на него находила полоса чтенія, онъ совсѣмъ не готовилъ уроковъ.

— Ну-съ! Къ доскѣ!—вызывалъ его учитель исторіи.

Лёва пряталъ книгу въ парту и вставалъ.

— Пуническія войны! Приготовилъ?

— Нѣтъ, не готовилъ!—былъ отвѣтъ.

— А почему? Все книжки читаешь? Ну, давай журналъ.

Учитель бралъ журналъ и приговаривая: «вотъ тебѣ, вотъ тебѣ»!—ставилъ ему баллы за всѣ двѣ недѣли впередъ!

— 1—0—1—0—1—0. На тебѣ! Получай!

— Это за что же?

— А за то—не смѣй читать въ классѣ!

Такъ длилось всю зиму. Лёва уроковъ не училъ, а читалъ, и читалъ...

Къ экзамену онъ засѣлъ за книги и блистательно сдалъ все. Многіе учителя протестовали, отказывались переводить его въ слѣдующій классъ, говоря, что въ году у него были единицы. Но на экзаменѣ было 5, и ничего сдѣлать они не могли.

Лёва рѣдко игралъ съ нами. Онъ больше сидѣлъ съ Зинаидой Павловной и Авдотьей Макаровой, и только по праздникамъ, когда приходили гимназисты, онъ снисходилъ до нашей компаніи. Зато мы его очень недолюбливали и всегда старались чѣмъ-нибудь досадить ему.

— Скверный, отвратительный Лёвка! Противный, терпѣть тебя не могу! Ты—предатель. Перешелъ на сторону нашего тирана!—говорила я ему.

— Дура ты, дура, какъ я на тебя погляжу! Спасибо вы мнѣ должны сказать, а не ругать меня! Вамъ же лучше! Они со мной сидятъ, а вы дѣлаете, что хотите!

И это была правда.

Обыкновенно, въ будни, послѣ обѣда, Зинаида Павловна и Авдотья Макаровна усаживались съ Лёвой за чаепитіе, а насъ до шести часовъ пускали бѣгать въ залу.

Зала у насъ была громадная: шесть оконъ въ длину и четыре въ ширину. Мы бѣгали тамъ въ горѣлки, играли въ «гуси-лебеди».

Иногда съ нами бѣгала портниха Юлія, толстая, неуклюжая дѣвушка.

Случалось, что въ разгаръ игры стремительно врывался въ залу нашъ большой бульдогъ Джонъ, и тогда начиналась рвачка. Онъ теребилъ Юлію за волосы, та пронзительно визжала, пока не прибѣгали Петръ или Лёва и не освобождали косы Юліи изъ зубовъ Джона.

Это былъ страшный бульдогъ.

Разъ Лёва нарядился чортомъ и пришелъ къ намъ въ залу, пугать насъ. Вдругъ, откуда ни возмись, Джонъ, прыгнулъ на Лёву, приперъ его въ уголъ, положилъ переднія лапы на его плечи да чуть было не изгрызъ его. Едва-едва удалось отцу плеткой отогнать разъяреннаго пса.

Всю эту зиму Лёва вовсе не учился. Онъ, какъ приходилъ изъ гимназіи, заваливался на кровать и читалъ. Жилъ онъ внизу, въ отдѣльной комнатѣ.

На дверяхъ у него была надпись: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Чтобы онъ отперъ, надо было къ нему постучаться и произнести эту надпись. Онъ отвѣчалъ: «Аминь»—и отпиралъ.

До обѣда онъ валялся и читалъ, а послѣ обѣда проводилъ время за чаепитіемъ и нескончаемыми разговорами съ Зинаидой Павловной и Авдотьей Макаровой. Имъ было скучно, и онѣ были рады обществу

Лёвы. Онъ былъ повѣреннымъ ихъ тайнъ, зналъ всѣ городскія новости и сплетни.

Однажды онъ выкинулъ штуку, которая чуть не стоила ему исключенія изъ гимназій.

Былъ большой маскарадъ.

Вздумалось Лёвѣ поѣхать въ маскарадъ замаскированнымъ дамой, чтобы поинтриговать губернатора, директора и учителей.

Идея понравилась, и Зинаида Павловна съ Авдотьей Макаровной принялись устраивать ему костюмъ.

Съ ногъ до головы нарядили они его въ женскія принадлежности: батинки, юбку, платье, тальму, перчатки, все черное. Поверхъ всего—черное домино и маску.

Узнать, что это—мужчина, было невозможно.

Въ ротъ онъ взялъ орѣхъ и пищаль тоненькимъ голосомъ.

Только мужская походка его выдавала.

Долго его обучали ходить и сидѣть по-дамски. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, кое-какъ научили.

Насталъ день маскарада. Поѣхали.

Зинаида Павловна и Авдотья Макаровна тоже поѣхали, чтобы наблюдать за Лёвой.

Лёва ѣхалъ отдѣльно на извозчикѣ, котораго онъ взялъ на углу, чтобы не знали, изъ какого онъ дома.

Сначала все шло хорошо. Лёва интриговалъ учителей, директора. Съ учителемъ географіи выпили водки, директора пригласилъ на кадрили. И чего-чего онъ ни наговорилъ ему...

Потомъ подсѣлъ къ губернатору. Тутъ-то началась потѣха. Лёва наговорилъ ему дерзостей, сказалъ, что у него вмѣсто головы качанъ капусты, а потомъ сообщилъ ему такія подробности изъ его семейной жизни, что губернаторъ остоленѣлъ.

— Маска! Я хочу знать, кто ты? Если ты не

откроешься, я все равно прикажу прослѣдить тебя!— сказалъ разозленный губернаторъ.

Оставалось Лёвѣ одно: удирать.

Онъ бросился въ уборную и оттуда задними ходами выбрался изъ собранія. Сѣвъ на перваго попавшагося извозчика, онъ велѣлъ ему ѣхать во всю прыть и долго оглядывался, боясь погони.

Не доѣзжая до нашего дома, онъ слѣзъ, чтобы замести слѣдъ. И хорошо сдѣлалъ, потому что на другой день губернаторъ приказалъ опросить всѣхъ извозчиковъ, куда они возили масокъ.

Ужасно было смѣшно, когда черезъ два-три дня послѣ маскарада къ Зинаидѣ Павловнѣ пріѣхалъ съ визитомъ губернаторъ.

Зинаида Павловна съ наивнымъ видомъ слушала его рассказы о томъ, какъ его «отдѣлала» одна маска.

— Вы не повѣрите, чего-чего только она мнѣ ни наговорила! Но я дознаюсь, непременно дознаюсь, кто это былъ! Что это мужчина, это несомнѣнно! Я замѣтилъ, какъ онъ все садился нога на ногу, а потомъ я думаю, что это—гимназистъ, потому что онъ все ходилъ съ директоромъ и учителями.

— А вашъ братъ дома?—спросилъ онъ вдругъ мачеху.

— Дома. Онъ боленъ, и больше недѣли, какъ не ходить въ гимназію, — спокойно отвѣтила ему Зинаида Павловна.

А Лёва изъ предусмотрительности, дѣйствительно, не ходилъ въ гимназію три дня до маскарада и три дня послѣ него.

Ему стоило большого самообладанія, чтобы не расхотаться и не выдать себя, когда ему въ гимназіи рассказывали о «необыкновенной» маскѣ, которая такъ ловко «отдѣлала» губернатора и директора.

Такъ никто изъ начальства и не узналъ о продѣлкѣ Лёвы. Все осталось шито и крыто.

ГЛАВА XXV.

Выѣзды, балы, елки.

Въ началѣ декабря пріѣхали изъ Павловки бабушка съ Таней и привезли съ собой маленькаго шестилѣтняго Сережу.

Таня была невѣстой старшаго Вольскаго, и свадьба ея должна была состояться въ Петербургѣ. По дорогѣ въ столицу они остановились у насъ погостить. Сережу же вытребовалъ отецъ, говоря, что ему уже пора учиться.

Это былъ худенькій, тщедушный, блѣднолицый мальчикъ, съ большими голубыми глазами на выкатѣ и нѣжнымъ цвѣтомъ лица. Волосы у него были свѣтло-льняные и гладкіе, мягкіе, какъ шелкъ.

Выросшій у бабушки, подъ крылышкомъ у глупой няньки, которая его баловала безъ мѣры, мальчикъ, какъ звѣрекъ, боялся всего и всѣхъ.

Въ столовой за обѣдомъ онъ сидѣлъ рядомъ съ бабушкой, жался къ ней и боялся дотронуться до кушанья. Передъ отцомъ онъ трепеталъ и едва могъ поднять на него глаза. Отецъ металъ на него такіе свирѣпыя взгляды, что у мальчика поневолѣ душа уходила въ пятки. Какъ-будто Сережа былъ виноватъ, что былъ причиной смерти мамы, которую отецъ такъ любилъ!

Сначала мы были рады «новому братцу», играли съ нимъ, но скоро начались ссоры и даже драки.

Въ дѣтской Сережа развѣртывался и уже не былъ такимъ скромнымъ тихоней, какъ въ присутствіи взрослыхъ. Онъ вралъ всякую чепуху, рассказывалъ всякія небылицы. За это мы его очень невзлюбили.

— Тебя твоя нянька никуда не пускала, ты вѣчно сидѣлъ у ея юбки!—дразнилъ его Вася.

— Вотъ еще! Неправда! Я отъ нея убѣгалъ въ лѣсъ... Тамъ у насъ тигры... львы!.. Я бралъ ружье, стрѣлялъ ихъ... убивалъ!..

— Ну, что ты врешь! Развѣ у насъ въ лѣсахъ водятся тигры да львы?! У насъ только волки да медвѣди есть! А львы да тигры только водятся въ жаркихъ странахъ,—поясняла я.

— Нѣтъ, есть! Тигры да львы! Спроси у бабушки. Я ихъ изъ ружья: пафъ!!! Они и умирали...

Сережа воодушевлялся, вскакивалъ на столъ, размахивалъ руками, кричалъ.

— Врунъ, врунъ, лгунишка!—кричали мы.

— Не врунъ я... а вы—скверные, противные! Терпѣть васъ не могу!

И мальчикъ плевался, ругался и ревѣлъ.

— Сереженька заврался!.. Сереженька заврался!—дразнили мы.

На такую сцену вошла какъ-то бабушка.

— Это что такое?! Сережа! Чего ты ревешь?

Мальчикъ съ рыданіями бросился къ бабушкѣ.

— Бабушка! — всхлипывалъ мальчикъ,—они меня дразнятъ, ругаютъ вруномъ, говорятъ что у насъ въ Павловкѣ въ лѣсу нѣтъ тигровъ да львовъ!..

— Ну полно, полно! — сказала бабушка, глядя мальчика по головѣ.—Во снѣ ты, вѣроятно, видѣлъ. Какіе тамъ тигры да львы!..

— Ну вотъ, видишь ли! Все вралъ! Лгунишка, врунишка!—не унимались мы.

— Перестаньте!—строго сказала бабушка.—Какъ вамъ не стыдно! Онъ вѣдь маленькій, глупенькій! А вы—большіе и дразните его! Стыдитесь!—И бабушка увела мальчика.

Черезъ нѣсколько дней она уѣхала съ Таней въ Петербургъ.

Безъ бабушки Сережа заскучалъ, затосковалъ.

Мы не переставали его дразнить, а ему не къ кому было спрятаться подъ крылышко.

Отъ огорченія и волненія у него разлилась желчь.

Однажды утромъ онъ пришелъ къ чаю съ желтыми бѣлками и совершенно шафраннымъ цвѣтомъ лица.

Вызванный докторъ заявилъ, что это отъ огорченія, и, узнавъ обстоятельства дѣла, посовѣтовалъ везти его обратно въ деревню.

Скоро вернулась со свадьбы бабушка и увезла Сережу съ собой. Сережа блаженствовалъ. Снова очутился онъ въ своей дѣтской со своей глупой нянькой и скоро поправился.

Вскорѣ послѣ отъѣзда бабушки, пріѣхала къ намъ тѣтя Соня съ Зиной, чтобы вывозить ее въ свѣтъ.

Начались вечера, балы, выѣзды.

Цѣлые дни, съ утра,—то въ лавки за покупками, то съ визитами, то у насъ гости. Вечеромъ—или въ театръ, или въ концертъ или на балъ.

Авдотья Макаровна постоянно проводила время съ ними. Она торопилась поскорѣе спросить насъ уроки, продиктовать, а зачастую, вмѣсто диктовки, задала списать «отселева доселева», и отправлялась въ столовую или гостиную, смотря по тому, гдѣ были гости.

Мы несказанно были этому рады, въ особенности я. Для меня открылся цѣлый міръ въ этихъ визитахъ

балахъ, одѣваніяхъ на балъ. Я даже по ночамъ помогала портнихѣ въ работѣ, собирая по двадцать аршинъ рюшъ изъ ленты.

Тогда была мода обшивать подолы рюшами.

Я присутствовала при одѣваніи, при причесываніи Зины, подавала ей шпильки и всей душой участвовала въ этомъ священнодѣйствіи.

А это было, дѣйствительно, священнодѣйствіе.

Оно начиналось тотчасъ послѣ обѣда, часовъ въ пять.

Зина и Зинаида Павловна шли въ спальню и ложились на кровать,—полежать въ темнотѣ, чтобы лучше глаза блестѣли.

Лежаніе длилось полтора часа.

Затѣмъ начиналось омовеніе.

Сначала дѣлалась холодная клизма, чтобы цвѣтъ лица былъ лучше и чтобы удобнѣе было затягивать талію. Затѣмъ мылись шея, руки и грудь до пояса.

Послѣ этого надѣвался корсетъ.

Это была цѣлая процедура. Сначала корсетъ надѣвался слабо и начиналась прическа волосъ. Обыкновенно весь день, въ день бала, волосы были или въ папильоткахъ, или въ мелкихъ заплетенныхъ косичкахъ, и никого, кромѣ своихъ, не приказывали принимать.

Наконецъ, прическа окончена, голова осмотрѣна со всѣхъ сторонъ, въ два зеркала и съ салфеткой, которую я держу сзади, чтобы было виднѣе.

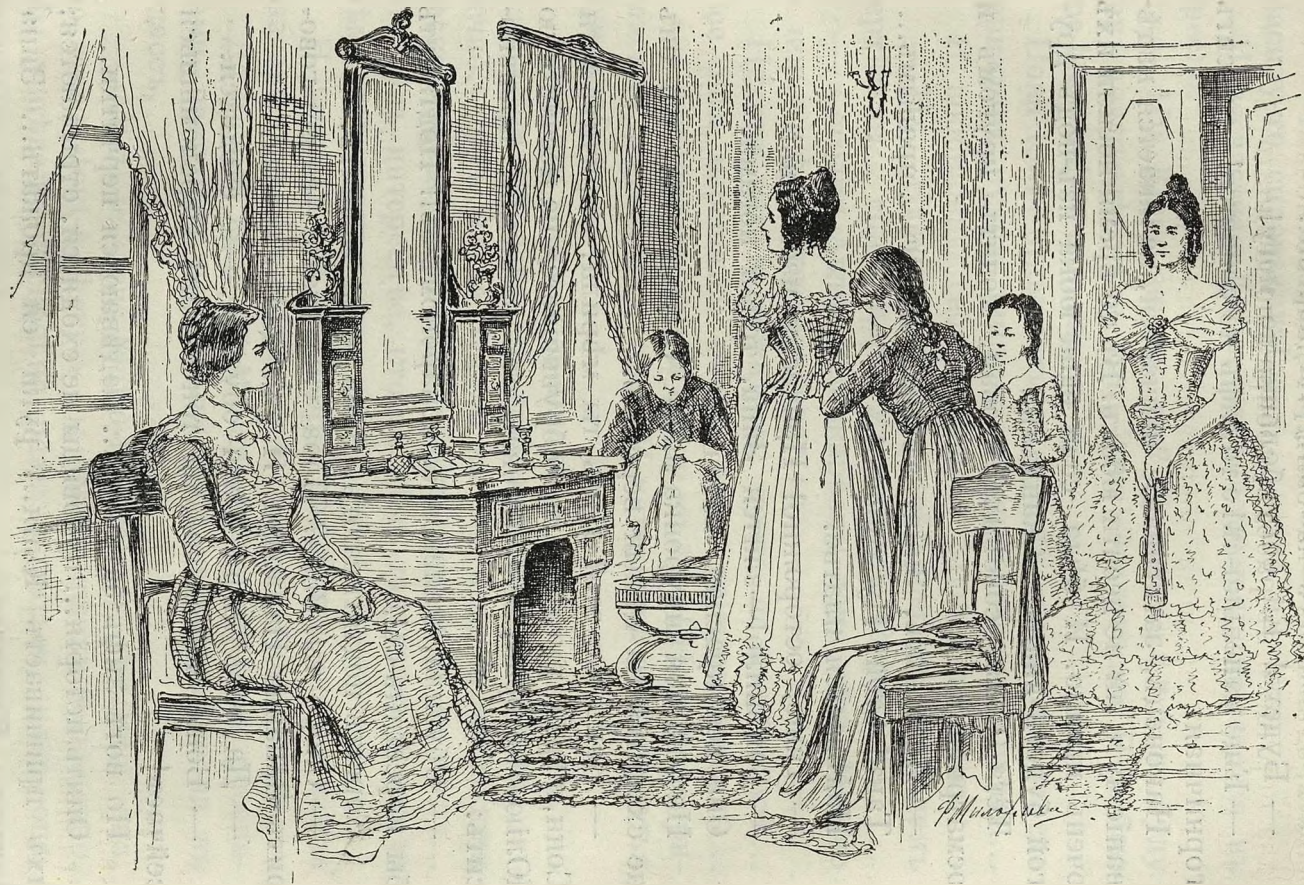
Теперь оставалось самое главное: затягиваніе корсета и надѣваніе платья.

Одна изъ горничныхъ становилась спереди и, обхвативъ руками талію, давила что есть силы, другая—стягивала сзади шнурки корсета.

— Ой, стойте! дайте вздохнуть!—молила Зина.

Дается передышка.

— Ну!—отдувается Зина,—теперь можно!

Одѣваніе къ балу.

Снова затягиваются шнурки корсета.

— Будетъ! Ей богу больше не могу!

— Еще маненько-съ! а то лифъ не сойдется!—просить горничная.

Наконецъ, затягиваніе кончается, начинается надѣваніе чуть ли не десяти юбокъ. Въ то время носили ихъ очень пышно. И бѣда, если одна юбка изъ-подъ другой будетъ видна... Скандаль!!

Тѣтя Соня, совсѣмъ готовая, ходитъ кругомъ и осматриваетъ.

— Повернись, Зина, лѣвымъ бокомъ... правымъ... Такъ! Стой! Ну хорошо!..

Надѣвается платье.

— Тише, осторожно! Прическу изомнешь!

— Зацѣпило!—злится Зина, топая ногами.

Она вся красная, потная...

Начинается шнуровка лифа. Оказывается, что онъ не сходится на цѣлый вершокъ.

— Какъ же это? Вѣдь ты мѣрила?—кричитъ тѣтя Соня, и градъ ругательства обрушивается на несчастную Юлію, которая, вся багровая отъ волненія, произноситъ:

— Обузила, маленечко, ненарокомъ-съ!! Подтянуть бы корсетикъ-съ!..

Корсетъ подтягиваютъ. Зина едва дышитъ.

— Скоро ты, Зина? Пора уже ѣхать!—входя говоритъ Зинаида Павловна. Я уже давно готова.

— Да вотъ лифъ Юлія обузила,—не сходится.

— Боже! какая же ты тоненькая! Переломишься сейчасъ!

Но вотъ лифъ затянутъ... надѣваются перчатки...

Опять исторія... пуговицы не сходятся, отрываются; ихъ пришиваетъ Юлія... руки ея дрожать... Зина злится... бранится...

Наконецъ, все кончено... Ёдутъ! Уѣхали!!

— Фу-ты! Слава тебѣ, Господи! Царица небесная! Насилу-то спровадила!

И несчастная Юлія, въ изнеможеніи бросается въ кресло.

— Ну, Юлія, знаешь что? Я н и к о г д а не буду такъ долго одѣваться, какъ Зина! Это ужасно! Я люблю все 'мигомъ!..—заявила я.

Пока Юлія отдыхаетъ въ креслѣ, я верчусь передъ зеркаломъ, пудрю лицо, примѣряю оставшіеся цвѣты...

Я воображаю себя большой, ѣдущей на балъ.

— Ну, Нюточка, будетъ тебѣ передъ зеркаломъ вертѣться... спать пора! Уже десять часовъ.

— Сегодня Авдотьи Макаровны дома нѣтъ. Можно и попозднѣе,—отговариваюсь я.

Нехотя иду я ложиться, долго не могу уснуть... Все мнѣ мерещатся балъ, огни, музыка... танцы...

— На Рождествѣ и я поѣду на ёлку! Насъ уже пригласили на цѣлыхъ три!! И матерія на новыя платья куплена!..

Подъ эти грезы я засыпаю.

На другой день всѣ вставали поздно. Не мы, конечно,—насъ всегда будили въ 8 часовъ. За чаемъ шли нескончаемые разговоры о томъ, кто былъ на балу... кто былъ интереснѣе, кто съ кѣмъ танцевалъ... кто за кѣмъ ухаживалъ...

Я слушала эти разговоры, развѣсивъ уши, и когда раздавалось: «En classe!»—не очень-то охотно шла.

Да и сама Авдотья Макаровна, увлекшись разсказами, частенько на цѣлыхъ полъ-часа опаздывала въ классъ.

— Allez! je viens tout-à-l'heure!.. ¹⁾—говорила она, но этого «tout-à-l'heure» мы ждали, ждали безконечно. Мы успѣвали нѣсколько разъ подраться, пока она, наконецъ, являлась.

¹⁾ Идите! я приду сейчасъ.

Плохо шло на умъ ученъе... У меня всѣ мысли были заняты только балами, выѣздами, да театрами... Но скоро и Рождество! Намъ уже начали шить новыя платья...

Ихъ шьетъ та же Юлія. Она имѣла привычку шить по ночамъ. Я прибѣгала къ ней тихонько, крадучись, чтобы не увидала Прасковья.

Три часа ночи. Юлія шьетъ съ салнымъ огаркомъ.

— Ну что? Будутъ готовы платья?—спрашиваю я.— Вѣдь уже послѣ завтра Рождество, а завтра елка.

— Будутъ, будутъ, барушонка милая.

— А какимъ фасономъ шьешь?

— А вотъ будутъ юбочки, обшитыя рюшемъ изъ лентъ, и лифчикъ съ бѣлой вставкой изъ тюля.

— Фу! какъ ты гадко рюшь-то складываешь! Давай я! Я лучше умѣю!

Я беру у нея ленту и изъ моихъ рукъ получается пышный красивый рюшь.

— Видишь, какъ красиво! А у тебя плюшка выходитъ.

— Ну, вотъ и спасибо! Ужо и я тебѣ за это удружу, барушонка милая.

— А ты Юлія, сшей мнѣ поуже въ таліи... видишь, какая я толстая,—совсѣмъ боченокъ!

— А мамаша приказывали, чтобы посвободнѣе... Ну, да ужъ я для тебя устрою...

Послѣ чаю шла примѣрка.

Сначала надѣли лифъ на Таню. Таня была худенькая, стройная дѣвочка. Лифъ сидѣлъ на ней хорошо.

Надѣли на меня.

— Что ты животомъ-то впередъ стоишь?—ткнула меня Зинаида Павловна.

— Да куда же, мамаша, я его спрячу?

— Поговори еще у меня! Такъ и не поѣдешь!

Лифъ широкъ, можно подсунуть два кулака подъ

него. Въ зеркалѣ отражается не фигура, а какой-то обрубокъ. Я едва сдерживаю слезы.

— Не надо ушивать! Такъ хорошо,—говорить Зинаида Павловна.—Уже не дѣлай!

— Слушаюсь,—говорить Юлія, а сама меня толкаетъ тихонько въ бокъ.

— И чтобы завтра къ вечеру были платья готовы!

— Слушаюсь,—говорить Юлія и уносить лифа.

— Только врядъ ли вы поѣдете! Вы всѣ такъ дурно себя вели и учились все это время, что папаша не хочетъ пускать васъ.

И вотъ всю ночь и весь слѣдующій день до вечера мы терзаемся, не зная пустятъ насъ на елку, или нѣтъ. Наступаетъ сочельникъ... Мы съ трепетомъ ждемъ.

Сегодня въ семь часовъ елка у Лобачевскихъ. Тамъ будетъ такъ весело...

Уже пять часовъ. Платья готовы, лежатъ на постеляхъ.

— На ципочкахъ подкрадываемся мы къ дверямъ кабинета, куда тотчасъ послѣ обѣда ушла Зинаида Павловна... Но тамъ тихо, ничего не слышно.

Ждемъ, ждемъ... Уже скоро шесть часовъ...

Наконецъ отворяется дверь кабинета. Выходитъ Зинаида Павловна.

— Ну! выпросила я васъ, наконецъ!—сказала она.—Только съ уговоромъ! Если вы будете дальше себя дурно вести... то ни на одну елку больше не поѣдете! Слышите? А теперь ступайте одѣваться!

Мы, по очереди, подошли къ ручкѣ.

Началось одѣванье.

Таню завили. У нея тоненькіе шелковистые волосы, а мои только въ жгуты и годятся. Двѣ толстыя косы, завязанныя розовыми бантами, висятъ вдоль моей спины.

Приходитъ Юлія, надѣваетъ на меня лифъ, зашнуровываетъ.

Я едва дышу, такъ тугъ лифъ.

— Юлія! Что же это такое?! Вѣдь ты вчера мѣрила... было хорошо! А теперь узко! — сердится Зинаида Павловна.

— Да я только во всѣхъ швахъ «по заниточку»... — отговаривается та.

— Хорошо «по заниточку», — на цѣлыхъ два вершка уже сталъ лифъ!

А я стою счастливая, довольная.

Въ зеркалѣ отражается талія, уже не похожая на чурбанъ.

Наконецъ мы одѣты, одѣта и Авдотья Макаровна. Ёдемъ.

— Только прошу васъ, Авдотья Макаровна, не оставаться дольше двѣнадцати часовъ, — говоритъ Зинаида Павловна.

Пріѣхали во время. Елку еще не зажигали.

Всѣхъ насъ, дѣтей, выстроили. Въ первой парѣ — Варя, десятилѣтняя дочь хозяйки, и нашъ Вася; во второй — Коля, братъ Вари, и я.

Мы первые танцоры. Насъ хвалятъ, нами восхищаются.

Я въ восторгѣ, развертываюсь во всю, бойко отвѣчаю на всѣ вопросы, ничуть не стѣсняясь.

Авдотья Макаровна то и дѣло укоризненно киваетъ мнѣ головой.

Видя какая я бойкая, со мной шутятъ, заговариваютъ.

Подошелъ ко мнѣ старшій сынъ хозяйки дома.

— Нюта! Пойдешь за меня замужъ? Я буду свататься! — пошутилъ онъ.

— Такой вы большой, а такія глупости говорите! Мнѣ всего одиннадцать лѣтъ, а дѣвочки замужъ не выходятъ! — отрѣзала я ему.

Авдотья Макаровна подь столоть больно ушипнула меня и повела въ уголь отчитывать.

— *Quel enfant spirituel!* — услышала я сказанное мнѣ вслѣдъ хозяйкой. — Но бѣдовая!.. За ней ну-женъ глазъ, да глазъ...

— Что такое *spirituel*? Завтра же посмотрю въ словарь... Не забыть бы только!.. *spirituel... spirituel... spirituel...*—твердила я, не обращая вниманія на отчитываніе Авдотьи Макаровны.

— Ну, за что вы браните мою невѣсту? Я пришелъ звать ее на кадрили...—проговорилъ сынъ хозяйки, подходя къ намъ.

— Я не пойду съ вами танцовать! Вы опять мнѣ будете говорить всякія глупости!..

— *Annette! De nouveau!*

И Авдотья Макаровна шепнула мнѣ на ухо пару внушительныхъ словъ и опять наградила щипкомъ.

Я подала руку своему кавалеру и пошла съ нимъ въ залу.

Усѣлись. Началась кадрили.

Мой кавалеръ безъ умолку говорилъ мнѣ комплименты: и глазки-то у меня красивые... и ушки маленькія... и бровки черненькія...

Я отшучивалась, краснѣла.

— Вы мнѣ такъ нравитесь, что я ни на комъ не хочу жениться |кромѣ Васъ!

Тутъ ужъ я не выдержала, вскочила.

— Вы меня дурачите! Смѣйтесь надо мной! Не хочу больше васъ слушать и танцовать съ вами!

И я вскочила внѣ себя и выбѣжала изъ кадрили. Получилось замѣшательство.

Подошла хозяйка.

— *Qu'y-a-t-il encore?* Ахъ, это маленькая Нюта опять скандалить!

— Mais, Victor, que lui avez vous dit? Quelle sottise encore? ¹⁾

Викторъ оправдывался, ухмыляясь, а я стремительно побѣжала наверхъ, бросилась на постель Вари и рыдалась.

Тутъ отыскала меня хозяйка.

— Нюточка! Ну полно, душка моя! Вѣдь онъ съ тобой пошутилъ! Онъ не хотѣлъ тебя обидѣть! Ну что онъ тебѣ сказалъ?

— Онъ сказалъ мнѣ, что влюбленъ въ меня и хочетъ на мнѣ жениться. Я вѣдь не такая дура, чтобы этому повѣрить!—сквозь слезы отвѣчала я.

— Да вѣдь это же шутка! Перестань же! Я его заставлю передъ тобой извиниться... Утри же слезки и иди танцевать...

— Не пойду! Не пойду! Я хочу домой!

Но тутъ явилась Авдотья Макаровна въ сопровожденіи Виктора, который сталъ просить у меня прощенія.

Я успокоилась, утерла слезы и пошла опять танцевать.

— Скажите, что такое «spirituel»?—спросила я хозяйку. Это не бранное слово?

— Нѣтъ! Не бранное! Это значить! «умница». Вотъ ты умница, это я про тебя сказала.

И она звонко меня поцѣловала.

Я просіяла, и весь остальной вечеръ была весела и танцевала до упаду. Викторъ, чтобы загладить свои глупости, и самъ безпрестанно танцевалъ со мной, и подводилъ мнѣ другихъ кавалеровъ.

На другой день Авдотья Макаровна пожаловалась на меня Зинаидѣ Павловнѣ и меня позвали на расправу.

— Ну-съ, сударыня! Вы больше ни на одну ёлку не поѣдете!—грозымъ голосомъ встрѣтила меня мачеха.—

¹⁾ — Что случилось? Что вы ей сказали, Викторъ? Опять какую-нибудь глупость?

Еще скандалить вздумала! Съ ней шутятъ, а она въ амбицію!

Я заплакала и обиженная ушла въ дѣтскую.

— Что же это такое? Меня же обидѣли, оскорбили.. да меня же бранятъ!

Я не на шутку расплакалась.

День былъ праздничный. Авдотья Макаровна ушла къ своимъ роднымъ, такъ что я могла свободно предаваться своему горю.

Вбѣжалъ Вася.

— Нюта, Нюта, иди, иди скорѣе! Приѣхала мадамъ Лобачевская и тебя зоветъ!

— Не пойду я, зарѣванная-то!

Вася скрылся.

— Eh bien! Viendrez vous enfin?! ¹⁾

Влетѣла Зинаида Павловна и поволокла меня въ гостиную.

— Здравствуй, дѣвочка моя! О чемъ плакала? Что случилось? Mais est ce que vous l'avez grondé pour hier?! ²⁾ Ну за что? Не плачь, дѣтка! Вотъ тебѣ конфеты отъ Victor'a. Онъ проситъ тебя простить его за вчерашнія глупости.

И она подала мнѣ прекрасную бонбоньерку. Я вспыхнула отъ удовольствія.

Взяла конфеты и сдѣлала реверансъ.

— А я съ просьбой къ твоей мамѣ: я хочу устроить спектакль на святкахъ. Приѣхала просить, чтобы тебѣ позволили участвовать. Роль тебѣ прекрасная, какъ разъ по тебѣ... бойкой, веселой тараторки.

Мигомъ все мое горе забыто, слезъ какъ не бывало.

— А какая роль? Кого я буду играть?

— А вотъ увидишь! На дняхъ у насъ считка.

¹⁾ — Ну-съ! Придете вы когда-нибудь?!

²⁾ — Развѣ вы ее бранили за вчерашнее?

— Такъ вы согласны?—обратилась Лобачевская къ Зинаидѣ Павловнѣ.

— Благодарю васъ... Я не знаю, какъ мужъ.

— Полноте, Зинаида Павловна! Я знаю, все зависитъ отъ Васъ.

— Дѣти не мои—его! Онъ отецъ!

— Ну, я буду сама его просить! Я увѣрена, что онъ мнѣ не откажетъ.

И Лобачевская уѣхала, обѣщая, въ случаѣ согласія отца, прислать за мной карету въ день считки.

Я не спала всю ночь, мучилась,—согласится ли отецъ.

Черезъ день она прислала отцу записку, прося его дать согласіе на мое участіе въ спектаклѣ.

Отецъ согласился. Я торжествовала. Лобачевская сдержала обѣщаніе и прислала за нами карету. Мы поѣхали.

Началась считка.

Пьеса была изъ пансіонской жизни, называлась «Пріѣздъ гувернантки».

— Ну, дѣти,—сказала Лобачевская,—слушайте внимательно, и рѣшайте про себя, которая роль вамъ подходитъ. Такъ и будемъ назначать.

Самая выдающаяся роль была одной пансіонерки, которая раньше другихъ увидала пріѣхавшую гувернантку; она вбѣгаетъ въ классъ и изображаетъ въ лицахъ ее, начальницу, учителей

Я внимательно слушала, не спуская глазъ съ Лобачевской.

— Вотъ эту роль я бы сыграла, думала я... Ахъ, еслибы мнѣ ее дали!..

Лобачевская во время чтенія нѣсколько разъ взглядывала на меня и улыбалась.

— Ну-съ,—сказала она, кончивъ пьесу,—какую же роль кто хочетъ играть?

Всѣ молчали.

— Ну, что же вы молчите? Я начну съ самой храброй... Нюта, говори!

— Конечно, ей играть эту тараторку... лучше ея никто не сыграетъ!—сказалъ Вася, и весь вспыхнулъ, самъ не ожидая отъ себя такой прыти.

— Молодецъ! Ай да, братецъ!—засмѣялась Лобачевская.—Правда твоя! Я ей и предназначала эту роль.

— Довольна ты, Нюта?

Я вскочила.

— О! очень, очень довольна... Я ее сыграю, сыграю... не бойтесь!

— Я и не сомнѣваюсь, что хорошо сыграешь. Вотъ и роль переписана, возьми домой, и выучи хорошенько къ первой репетиціи.

— О! Я завтра же ее наизусть буду знать!

И я въ восторгѣ прижала роль къ сердцу.

Вася и Таня получили маленькія роли младшихъ ученицъ.

— А мнѣ и учить нечего... у меня всего три фразы,—сказалъ Вася.

— Ты еще малъ, съ тебя и этого довольно!—сказала прощаясь Лобачевская.

— И на трехъ фразахъ заикнешься, вотъ увидишь!—сказала я.

Вася обидѣлся.

— Молчи ты, стрекоза!

Мы уѣхали.

Всѣ двѣ недѣли, пока длились репетиціи, я была какъ въ чадѣ: вскакивала по ночамъ, надѣвала свой знаменитый ватный капотъ и бѣжала внизъ въ большую залу. Тамъ я репетировала во весь голосъ свою роль, не боясь кого-нибудь разбудить, такъ какъ зала была совсѣмъ вдали отъ жилыхъ комнатъ.

Первая репетиція была моимъ настоящимъ три-

умфомъ. Я знала роль, что называется на зубокъ и играла во всю.

— О! Да ты Нюта молодцомъ! Тебѣ и указывать нечего,—сказала Лобачевская. Кто тебя училъ?

— Никто! Я сама!

— Ого! Да ты у насъ будущая Самойлова!

Я вспыхнула отъ такой похвалы и уѣхала домой счастливая.

Всѣ двѣ недѣли передъ спектаклемъ были для меня и счастьемъ и мукой. Я не спала, не ѣла, и, сбывъ кое-какъ уроки, принималась репетировать.

Я похудѣла, осунулась.

— Актриса-то наша на кого похожа! — сердито вскинувъ на меня глаза, сказалъ какъ-то отецъ во время обѣда.—Отчего не ѣшь?

— Не хочется, папаша!—отвѣтила я.

— Не хочется! То-то золь я на себя, что разрѣшилъ тебѣ участвовать въ спектаклѣ... Только дурь въ голову набивать!..

Но отказаться онъ считалъ неудобнымъ.

Сшили мнѣ форменное лиловое платье, бѣлый фартукъ, бѣлую пелеринку, и я не могла достаточно налюбоваться на себя въ этомъ костюмѣ.

— Насталъ день спектакля.

Я цѣлый день ходила какъ тѣнь, страшно волновалась.

— Я не понимаю, чего ты такъ волнуешься,—угроживалъ меня Вася.—Роль знаешь, играешь хорошо, чего тебѣ бояться?..

— Ахъ! Ты ровно ничего не смыслишь! Я и не думаю бояться... а просто волнуюсь, какъ сыграю...

— Конечно, лучше всѣхъ.

И я, дѣйствительно, сыграла лучше всѣхъ. Меня нѣсколько разъ отдѣльно вызвали; я получила три коробки конфетъ и бонбоньерку отъ Виктора.

Хорошо еще играла Варя, дочь Лобачевской. Она играла гувернантку. Но ее учила сама Лобачевская, очень хорошая актриса. Меня же никто не училъ. Я чувствовала въ себѣ искру Божію. Всѣ жесты, интонаціи являлись у меня сами собой... Одно было дурно: я страшно тараторила, трещала безъ умолку. Но, мнѣ казалось, что этого требуетъ моя роль. Лобачевская (она намъ суфлировала) нѣсколько разъ кричала мнѣ: «тише, тише!».. Но я ничего не слыхала, и неслась во всю.

Успѣхъ совсѣмъ опьянилъ меня и надолго отуманилъ мою, и безъ того восторженную голову... Я дала себѣ слово, что непременно, когда вырасту, поступлю на сцену.

Но какъ жестоко поплатилась я за свой успѣхъ!..

Авдотья Макаровна стала систематически меня преслѣдовать. Она задавала мнѣ зубрить по три-четыре страницы русскихъ и французскихъ стиховъ, а когда я говорила ей, что это много, что я не могу столько выучить, она язвительно замѣчала мнѣ:

— А могла выучить роль въ одинъ день?

— Да вѣдь роль гораздо легче выучить, чѣмъ стихи...—возражала я.

— Ну, поговори у меня!.. Не выучишь—будешь въ субботу сидѣть въ классѣ и зубрить... Не позволю съ гимназистами играть. Актриса!!!

И я зубрила, зубрила, чтобы не лишиться субботняго удовольствія.

Я очень любила стихи и читала ихъ съ большимъ чувствомъ. Въ особенности удавались мнѣ грустные. Я плакала, уча ихъ.

Часто, когда къ Зинаидѣ Павловнѣ пріѣзжали съ визитами дамы и всѣ темы для разговоровъ изсякали, звали меня и заставляли говорить стихи.

Самымъ любимымъ моимъ стихотвореніемъ было «Сирота». Оно кончалась такъ:

«Родная! Гдѣ же ты?

«Приди! я жду тебя!

«Все такъ же сиротой...

«И все на камнѣ томъ...

«И все у церкви той,

«Гдѣ я покинута тобой!

Барыни плакали, вздыхали, цѣловали меня, привозили конфеты. Зинаида Павловна отбирала ихъ у меня, запирала въ шкафъ, и выдавала намъ ежедневно по одной конфеткѣ послѣ обѣда, а остальные съѣдала сама съ Авдотьей Макаровой за чаемъ.

Я даже сама сочиняла стихи.

Были у меня: «Грѣшница», «Надежда»... все очень грустные. Я ихъ тщательно прятала подъ подушку, боясь, чтобы кто-нибудь не увидалъ.

Я боялась насмѣшекъ... А больше всѣхъ я боялась Лёву, который всегда любилъ меня вышучивать.

ГЛАВА XXVI.

Увлеченіе циркомъ.

Прошла зима. Настало лѣто. Мы никуда не поѣхали, а остались въ городѣ.

Скучно намъ было ужасно.

Гимназисты разъѣхались, знакомыхъ дѣтей у насъ не было. Садъ былъ небольшой, почти безъ тѣни; игрушекъ мало, книгъ тоже. Отецъ считалъ излишнимъ покупать игрушки, а тѣмъ болѣе книги. Я читала и перечитывала тѣ, что были, и почти знала ихъ наизусть.

Авдотья Макаровна уѣхала въ отпускъ къ своимъ роднымъ, и намъ даже гулять было не съ кѣмъ, такъ какъ Зинаида Павловна не любила съ нами выходить, да къ тому же она была нездорова и ей тяжело было ходить.

Что было дѣлать?

Сидимъ мы по цѣлымъ днямъ на солнышкѣ въ саду и не знаемъ какъ убить время.

— Хоть бы въ циркъ насъ сводили! Всѣ говорятъ,—циркъ очень хорошій пріѣхалъ,—говоритъ Митя.

— А ты бы попросилъ папашу взять билетъ,—сказала я.

— Просилъ, не хочетъ.

— Знаешь что? Я попрошу дядю Колю взять ложу.

— Еще чего не выдумаешь? Зададутъ тебѣ такую ложу,—своихъ не узнаешь!..

— А вотъ увидишь!

Дядя Коля былъ братъ Зинаиды Павловны. Мы его ужасно любили. Онъ былъ для насъ настоящимъ ангеломъ утѣшителемъ въ нашей скучной, унылой, будничной жизни. Онъ дарилъ намъ игрушки, покупалъ книги...

Разъ онъ засталъ насъ съ Васей въ дракѣ. Мы рвали другъ у друга изъ рукъ книгу.

— Это что такое?! Къ чему драка?—закричалъ онъ на насъ.

— Да, дядя Коля, я хочу читать, а она не даетъ,—ревѣлъ Вася.

— Возьми другую книгу.

— Да нѣтъ другой, всѣ прочли, а больше нѣтъ.

— Ну, брысь! Не драться! Завтра оба получите по книгѣ.

Отецъ ворчалъ, но, въ сущности, былъ радъ, что не изъ его кармана шли деньги на книги.

Когда дядя Коля къ намъ приходилъ, онъ возился съ нами до упаду, игралъ, кувыркалъ, колотилъ... Мы все сносили и только заливались хохотомъ. Игралъ онъ съ нами въ «молоточекъ, молоточекъ, гвоздикъ», и до того наколотить, бывало, намъ руки, что подушки на нихъ вспухнуть... А мы ничего—смѣемся только.

Вечеромъ въ шесть часовъ раздался звонокъ.

— Это дядя Коля!

Лечу въ переднюю.

— Здравствуй, егоза, здравствуй!—привѣтствуетъ онъ меня, сбрасывая пальто.

Я кидаюсь къ нему на шею и шепчу на ухо:

— Дядя Коля, миленькій, сведите насъ въ циркъ! Такъ хочется! такъ хочется!.. Только не говорите, не говорите никому... слышите!..

И я стремглавъ вылетѣла изъ прихожей, и, какъ ни въ чемъ не бывало, вошла въ столовую одновременно съ дядей Колей.

— Здравствуй, плутовка! Чего глазки опускаешь? Гляди на меня! Я вѣдь по глазамъ вижу, чего тебѣ хочется... Ну говори!

Я молчала.

— Я знаю: тебѣ въ циркъ хочется? Ну собирайтесь. Я ложу привезъ...

— Дядя Коля, миленькій!!

И я повисла у него на шеѣ.

— Кто же съ ними пойдетъ? Я не могу итти. Мнѣ нездоровится... а однихъ я не пушу,—недовольнымъ голосомъ сказала Зинаида Павловна.— Ты вѣчный болловникъ, Николинъка!

— Я самъ съ ними пойду и доставлю въ цѣлости.

Мы отправились счастливые, довольные, въ особенности тѣмъ, что съ нами дядя Коля, а не Зинаида Павловна.

Началось представленіе.

Я не могла отъ восторга сидѣть смирно; постоянно вскакивала, болтала...

— Да сиди же, егоза!—убѣждалъ меня спокойный Митя.

Но я не унималась. А когда пошелъ по канату маленькій мальчикъ Краузе, я окончательно пришла въ ужасъ.

— Ахъ! упадетъ, разобьется!—твердила я и закрыла лицо руками.

— Ну, чего ты вопишь? Стоить ли водить въ циркъ такую дуру!.. Открой лицо!.. онъ уже прошелъ...

И Митя теребилъ меня, стараясь отнять мои руки отъ лица.

Но вотъ выѣхала на убранной лентами лошади прехорошенькая наѣздница, дѣвица Паулина. Она скакала стоя и танцевала на сѣдлѣ. Потомъ прыгала черезъ обручъ, обтянутый бумагой.

Ахъ, какъ было страшно!

Черезъ одинъ обручъ она прыгнула легко: обручъ держалъ клоунъ и такъ ловко его подставилъ, что Паулина проскочила хорошо. Другой обручъ держалъ другой клоунъ, и такъ неловко дернулъ, когда Паулина прыгнула въ него, что лошадь изъ подъ нея выскочила, и она грохнулась головой въ песокъ.

Поднялся шумъ въ публикѣ; барыни закричали, а я завизжала на весь циркъ. Къ Паулинѣ подбѣжали, подняли ее, посадили на сѣдло, и она поскакала вновь, какъ ни въ чемъ не бывало, только сильная блѣдность выдавала ее.

Я не могла успокоиться.

— Ахъ, бѣдная, бѣдная,—повторяла я,—вѣдь ей должно быть больно!

Послѣ Паулины ѣздилъ самъ Тверро, директоръ цирка, на неосѣдланной лошади. Ахъ, какой онъ былъ красавецъ!.. И какъ за него страшно было!.. Вотъ-вотъ свалится!..

Потомъ клоунъ Александръ выводилъ дрессированныхъ собакъ. Онъ заставлялъ ихъ прыгать, танцевать, влѣзать на лѣстницу... Затѣмъ два клоуна боролись, кувыркались. Представленіе кончилось тѣмъ, что клоунъ Александръ ѣздилъ сразу на двухъ лошадяхъ въ мѣшкѣ.

Весь циркъ пришелъ въ неистовый восторгъ... Крикъ и аплодисменты не прерывались.

Мы вернулись домой какъ въ чадѣ. Цѣлые дни только и разговору было: придетъ ли дядя Коля и поведетъ ли насъ въ циркъ?

Все было заброшено. Книжки, игрушки не шли на умъ. Мы играли только въ циркъ. Я разодѣвалась, окутывала грудь и тѣло какой-нибудь шалью, на голову надѣвала вѣнокъ изъ зелени, и скакала... Вася былъ лошадыо. Я держала его за воротъ и прыгала, подражая Паулинѣ: «Голя—хопъ! Голя—хопъ!!!»

Вася съ Таней изображали клоуновъ. Мы дѣлали изъ бумаги маски, колпаки; сшивали простыни и дѣлали костюмы. Однимъ словомъ было цѣлое цирковое сумасшествіе.

Раза три въ недѣлю мы ужъ непременно ходили въ циркъ. Въ одно изъ представленій маленькій Краузе упалъ съ каната и сломалъ себѣ ногу. Я плакала неутѣшно, и все просила дядю Колю сводить насъ узнать, выздоровѣлъ ли онъ.

— Бѣдненькій!.. Теперь ужъ онъ больше ходить не будетъ по канату!..

Разъ дядя Коля прочелъ въ газетѣ, что Тверро вызываетъ дѣвицъ, желающихъ обучаться наѣздничеству.

— Ну вотъ, егоза! Хочешь въ циркъ? Наѣздницей будешь, дѣвицей Annette!

— А развѣ меня примутъ?—спросила я.

— Отчего же? Всѣхъ принимаютъ.

— И прекрасно! Вотъ будетъ вести себя скверно, не будетъ учить уроковъ,—мы ее и отдадимъ... По крайней мѣрѣ избавимся отъ такого пострѣла!—сказала Зинаида Павловна, которая была зла на меня въ это утро за то, что я плохо знала стихи.

— И пожалуйста, отдайте! Я буду очень рада! По крайней мѣрѣ, избавлюсь отъ постоянной ругани!—сказала я и побѣжала вонъ изъ комнаты.

— Что? Что ты сказала?—вскричалъ отецъ. Онъ бросился за мной, догналъ меня, запустилъ руку въ мои висящія по плечамъ космы, приподнялъ на воздухъ да и швырнулъ со всей силы. Я перелетѣла черезъ двѣ комнаты и на колѣняхъ очутилась въ третьей.

— Павелъ! Павелъ! какъ не стыдно! За что же?!

И дядя Коля подбѣжалъ ко мнѣ, схватилъ меня на руки и понесъ въ дѣтскую. Я рыдала навзрыдъ. Мнѣ было и адски больно и обидно.

— Убѣгу! Убѣгу, непременно убѣгу!—повторяла я...—Не хочу выносить такой каторги. Цѣлые дни только бьютъ, да бранятъ; ни одного ласковаго слова не услышишь!

И я стала обдумывать планъ побѣга. Надо было убѣжать до возвращенія изъ отпуска Авдотьи Макаровны, которую ждали на дняхъ. Надо было взять съ собой бѣлья и хоть одно платье.

Какъ все это сдѣлать?

Бѣлье находилось у Прасковьи въ шкафу, а ключи отъ шкафа она всегда носила при себѣ. На ночь она клала ихъ подъ подушку, и добыть оттуда ихъ было невозможно. Но мнѣ посчастливилось. Зинаида Павловна какъ-то ночью захворала. Позвала Прасковью и она долго оставалась у нея въ спальнѣ. Я воспользовалась этимъ: мигомъ достала у нея изъ подъ подушки ключи, открыла шкафъ, взяла по двѣ штуки бѣлья, платье, снесла въ дѣтскую, а ключи положила опять подъ подушку. Все это было дѣломъ одной минуты. Раздумывать долго было невозможно, потому что черезъ день или два должна была вернуться изъ отпуска Авдотья Макаровна, а при ней гораздо труднѣе было бы устроить побѣгъ.

Надо было рѣшиться.

Наканунѣ я улеглась спать, но изъ боязни, чтобы не проспать, я почти вовсе не спала. Лишь только затрубилъ пастухъ, я вскочила, быстро одѣлась, взяла узелокъ и вышла.

Проходя мимо постели Васи, я прошептала:

— Прощай, Вася! Можетъ быть скоро ты меня увидишь танцующей *pas de châles*, какъ дѣвица Паулина.

Я благополучно открыла двери, прошла дворъ.

У воротъ дремалъ дворникъ.

Что же теперь дѣлать?

Отворить нельзя, ключъ у дворника. У воротъ были навалены бревна. Я живо вскарабкалась и уже занесла ногу, чтобы перешагнуть, какъ услышала за собой:

— Эй, эй! кто тамъ? Дѣвчонка! Чего тебѣ? Зачѣмъ лѣзешь?

И онъ подскочилъ ко мнѣ.

— Ахъ, да это вы, барышня?! Куда это вы? Зачѣмъ?

— Ахъ, Тихонъ, милый! Пусти, пусти меня!..

— Оглохъ ты, что ли? Звоню, звоню, полъ-часа битыхъ! Съ кѣмъ ты разговаривалъ здѣсь?

— Да скажите, куда вы?

— Нужно мнѣ!

— Что вы барышня, куда это нужно въ такую пору! Я повѣдала ему свою тайну.

— И-и что это вы, голубушка, задумали? Да нѣшто это можно! Да кто же васъ возьметъ такую махонькую?

— Возьмутъ, возьмутъ! Самъ Тверро писалъ въ газетахъ, приглашалъ дѣвочекъ, желающихъ обучаться ѣздить...

— Эхъ, барышня! Да вѣдь это кому? Бѣднякамъ, у кого ѣсть нечего! Нужда! Ну, и отдають. А неужели вы думаете, что папашенька-то такъ оставить? Черезъ полицію васъ розыщеть!

Я стояла въ недоумѣніи. Что же дѣлать?

— Идите-ка вы по добру по здорову въ постельку, съ Богомъ! И никто не узнаеть, что...

Вдругъ рѣзкій звонокъ прервалъ его.

— Кто бы это?

— Отворяй, что ли!

— Ахъ, Господи! Это папаша! Спрячь меня, спрячь!—шептала я.

Онъ впахнулъ меня въ сторожку и, звеня ключами, побѣждалъ отворять.

— Оглохъ ты, что ли? Звоню, звоню, полъ-часа битыхъ! Съ кѣмъ ты разговаривалъ здѣсь?

— Какое разговаривалъ, баринъ! Спалъ. Во снѣ должно быть бормоталъ.

Отецъ прошелъ къ крыльцу.

— Ну, барышня, ступайте домой, пока прислуга не встала. Ложитесь въ постельку съ Богомъ! — сказалъ Тихонъ, когда за отцомъ захлопнулась дверь.

— Ты, Тихонъ, ради Бога, никому, никому не говори,—молила я его.

— Не скажу... будьте покойны.

Я шмыгнула съ чернаго хода, пробралась въ свою комнату и легла. На мое счастье всѣ еще спали; было только три часа ночи.

Такъ о моемъ покушеніи на побѣгъ никто и не узналъ... Тихонъ сдержалъ слово. Скоро и циркъ уѣхалъ, и мало-по-малу мое увлеченіе прошло.

ГЛАВА XXVII.

Послѣднее испытаніе.

Приѣхала изъ отпуска наша Авдотья Макаровна, и начались наши мученія.

Вернулась она какая-то странная,—то мягкая, ласковая, то вдругъ разсвирѣпѣетъ и пойдетъ драться, удержу нѣтъ. Намъ казалось, что она сходитъ съ ума.

На наше счастье къ зимѣ опять приѣхала тетя Соня вывозить Зину, и опять начались визиты, гости, выѣзды на балы и т. п. Это нѣсколько отвлекло Авдотью Макаровну отъ насъ. Она по цѣлымъ часамъ просиживала съ Зиной и Зинаидой Павловной, занимаясь разговорами о женихахъ. Зинѣ шель уже двадцатый годъ, и, по тогдашнимъ понятіямъ, ей уже пора было замужъ.

Вмѣстѣ съ Зиной приѣхала и ея сестра Варя, 13-лѣтняя дѣвочка, моя ровесница. Мы съ ней постоянно были вмѣстѣ, такъ какъ она помѣщалась внизу подъ нами. Ее готовили въ институтъ и взяли ей учителя, какого-то косматаго гимназиста, Аксанова. Она была страшная лѣнтяйка и изводила своего учителя, сколько могла.

Я ужасно завидовала, что Варя ѣдетъ въ институтъ. Мнѣ такъ хотѣлось вырваться изъ дому, такъ хотѣлось учиться, знать много, быть ученой. Но кто могъ удовлетворить моей жаждѣ знанія?

Не Авдотья ли Макаровна, которая сама ничего не знала?

Вотъ разъ, я уллучила минутку, когда отецъ былъ одинъ въ кабинетѣ, и подошла къ нему.

— Тебѣ чего надо?—сурово окликнулъ онъ меня.

— Папаша! отдайте меня въ институтъ вмѣстѣ съ Варей!—робко выговорила я.

— Чего еще не выдумала? Стану я тратить на тебя одну 400 рублей въ годъ, да еще Авдотья Макаровна платить 360! Откуда такія деньги? И дома, захочешь, не меньше учена будешь!

Я начала плакать.

— Ну! безъ реву! Сказано тебѣ,—и баста!

Я вышла изъ кабинета.

Вечеромъ, когда пришла къ намъ Варя и мы сидѣли вдвоемъ и шептались, я рассказала ей о моемъ неудачномъ ходатайствѣ.

— Поймай, я попрошу маму поговорить съ нимъ; можетъ быть, она его уломаетъ.

— Нѣтъ! Я знаю, онъ не согласится. Вѣдь надо 400 рублей, а папа очень скупъ. Ни за что не отдастъ!

Но Варя не унималась.

На другой день она упросила свою мать, тетю Соню, поговорить съ моимъ отцомъ. И вотъ, всѣ,—и тетя Соня, и Зина, и даже Зининъ отецъ,—стали убѣждать отца въ необходимости отдать меня въ институтъ.

Мы съ Варей подслушивали у дверей.

Поднялся неимовѣрный крикъ.

Тетя Соня доказывала, что очень нехорошо держать взрослую дѣвицу дома, да еще съ такой гувернанткой, какъ Авдотья Макаровна, а тѣмъ болѣе падчерицу.

Отецъ разозлился.

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— То, что говорю! Всегда мачехи и падчерицы

трудно ладятъ между собой, а тутъ Нюта вернется черезъ четыре года уже взрослой...

— Ну-съ! довольно! Я въ свои дѣла никому мѣшаться не позволю! Учится дома, и будетъ учиться дома! Да-съ!

— У гувернантки, которая не сегодня, завтра угодить въ сумасшедшій домъ!—вспылила тетя Соня.

— Это уже наше дѣло!

И разговоръ прекратился.

Очевидно, я должна была покинуть надежду попасть въ институтъ. Я загрустила.

Всѣ свободные часы мы проводили съ Варей. Разговоры наши вертѣлись больше на выѣздахъ, вечерахъ, визитахъ. Вертясь около взрослыхъ, мы невольно заразились ихъ разговорами и уже съ этихъ лѣтъ мечтали, какъ сами будемъ выѣзжать. Я постоянно дразнила Варю ея косматымъ учителемъ, она меня гимназистомъ, въ котораго я вообразила, что влюблена. Гимназиста этого я видѣла въ церкви. Это былъ ражій дѣтина лѣтъ семнадцати. Онъ всегда стоялъ около насъ.

Вотъ разъ, въ одно воскресенье, я пришла къ Варѣ, показала ей круглую конфекту, на которой были бѣлые пятнышки.

— Смотри, Варя, сколько буквъ—Николай Захаровъ, столько пятнышекъ на этой конфеткѣ. Я ее спрячу и буду хранить всегда!

— Ахъ, ты, глупая! Всегда! Вотъ уѣдешь изъ этого города, и прощай! Никогда его больше не увидишь!

Я ушла, а конфетку спрятала въ свою шкатулку.

Дня два послѣ этого я въ чемъ-то провинилась и меня не пускали къ Варѣ. Мы стали пересылать другъ другу записочки. И вотъ, въ одной изъ записокъ она напомнила мнѣ, что я влюблена въ Николая Захарова, а я ей отвѣтила: «Дура ты, Варя! Сама ты влюблена въ своего учителя Аксанова».

Какъ-то случилось, что горничная, несшая мою записку, попалась тетѣ Сонѣ.

Поднялась цѣлая исторія. Тетя Соня стала допрашивать Варю, что значитъ эта записка... Прибѣжала ко мнѣ, нашла у меня записку Вари...

И изъ-за такой-то глупости поднялась цѣлая буря. Собрался семейный совѣтъ.

— Это испорченныя, гадкія дѣвчонки, ихъ выпоротъ надо!—кричалъ отецъ.

— Ну пороть я Варю не стану,—замѣтила на это тетя Соня,—а наказать ее накажу.

— Въ такіе годы и уже думаютъ о мужчинахъ, влюбляются!.. Это возмутительно!—говорила Зинаида Павловна, и Зина ей вторила.

А имъ бы слѣдовало вспомнить, что сами онѣ цѣлые дни въ нашемъ присутствіи вели вѣчные разговоры, которые намъ и слушать-то не слѣдовало.

Результатомъ семейнаго совѣта было то, что отецъ заявилъ:

— Вы тамъ какъ знаете, а я свою Нютку выпорю! И какъ его ни просили этого не дѣлать, онъ стоялъ на своемъ.

Мы съ Варей въ ожиданіи своей участи были посажены подъ арестъ на хлѣбъ и на воду,—я наверху, она внизу. Послѣ совѣта къ ней въ комнату пришла тетя Соня и, послѣ нѣсколькихъ внушительныхъ словъ, принялась колотить ее, и била до тѣхъ поръ, пока ее не увела Зина.

Со мной было гораздо хуже. Я была посажена на чердакъ. Передо мной стояла нетронутая кружка воды и кусокъ чернаго хлѣба.

Я сидѣла на какомъ-то старомъ чемоданѣ и думала:

— Что же со мной сдѣлають? И что же такого ужаснаго въ нашихъ письмахъ?

Я не могла понять.

Къ вечеру дверь отворилась и внезапный свѣтъ ослѣпилъ меня. Это вошелъ отецъ со свѣчей и съ пучкомъ розогъ.

Я бросилась къ нему, упала на колѣни, цѣловала его руки...

— Папаша, дорогой, милый, голубчикъ, не сѣките меня! Ради Бога! Что же такого ужаснаго я сдѣлала!

— Какъ! Ты еще говоришь, что ты ничего не сдѣлала? Безстыдница! Скверная дѣвчонка!

И несмотря на мои рыданія и мольбы, онъ сталъ меня сѣчь.

Тогда я пришла въ бѣшенство. Я боролась съ нимъ, ругала его, кричала. Ничего не помогло, и я была выдрана жестоко.

Онъ ушелъ съ чердака весь измученный, красный, а я, скрежеща зубами, повалилась въ истерическихъ рыданіяхъ на полъ и валялась въ безумной злобѣ.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой! Да будетъ ли когда-нибудь конецъ моимъ мукамъ! Что дѣлать? Что дѣлать? Какъ теперь глядѣть людямъ въ глаза? Высѣкли, высѣкли!.. И за что? За что?

Кто-то вошелъ.

Прасковья.

— Ну что? Дождалась ужо! Выдрали? Ы-ыхъ, золото!!.

Я вскочила.

— Уйди! уйди! Она еще глумится! Слышь, уйди!..

И я съ кулаками бросилась на нее.

— Вотъ зелье, и впрямь зелье! За дѣло и отодрали-то тебя!

Но она все-таки ушла.

Я осталась одна.

Трудно передать всѣ ощущенія мои... Злоба, ненависть, стыдъ и жалость, страшная жалость къ себѣ...

— Что дѣлать? Какъ быть? Какъ глядѣть людямъ въ глаза? Ахъ бѣдная, несчастная я!

Мало-по-малу злость смѣнилась усталостью и слезы, уже тихія слезы, ручьемъ текли изъ глазъ моихъ.

Мнѣ захотѣлось спать.

Вошла Авдотья Макаровна.

— Иди спать, будетъ плакать!

Она повела меня. Я молча шла за ней, дошла до постели и, какъ снопъ, повалилась на нее.

И потянулись послѣ этого ужасные дни.

Я не могла никого видѣть, плакала цѣлыми днями, ни слова не говорила, не выходила изъ классной и никакія силы не могли заставить меня выйти въ столовую. Меня морили голодомъ, я все-таки не шла. Я предпочитала голодать, чѣмъ встрѣтиться съ отцомъ...

Ахъ, какъ было тяжело, какъ ужасно тяжело!!!

Много лѣтъ прошло... а я и теперь плачу, описывая это.

ГЛАВА XXVIII.

Двѣ бабушки.

На наше счастье, въ началѣ зимы къ намъ пріѣхала бабушка Надежда Михайловна. Она была мать нашей мамы и очень насъ всѣхъ любила и жалѣла. Всегда къ Рождеству, Пасхѣ, на именины и рожденіе мы получали отъ нея подарки: или деньги, или книги и игрушки.

Я помню ее еще при жизни мамы. Она была полная, высокая старуха. Когда ей было пятьдесятъ пять лѣтъ, съ ней сдѣлался ударъ: у нея отнялась лѣвая рука и она почти не могла ею владѣть. Лѣвая нога тоже едва двигалась и бабушка волочила ее. Послѣ паралича она прожила еще цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ и умерла на восемьдесятъ шестомъ году.

Нашу маму она любила больше другихъ дочерей; страшно горевала, когда мама умерла, и всю свою любовь перенесла на насъ.

— Бѣдныя, жалкія сиротки!—всегда говорила она, вспоминая насъ, и горько плакала.

Послѣ смерти мамы, она почти цѣлый годъ жила еще съ нами, но потомъ уѣхала.

Она не могла выносить жестокаго обращенія гувернантокъ съ нами. Она возмущалась, жаловалась отцу, но ничего не помогало. По мнѣнію отца, съ

дѣтьми нельзя безъ строгости. Наконецъ, между отцомъ и бабушкой произошла ссора, и она уѣхала.

Я помню, какъ мы плакали, когда она уѣзжала... Мы потеряли единственную заступницу и остались всецѣло во власти гувернантокъ. Съ отъѣзда изъ Бологого мы не видали бабушки,—этому прошло четыре года. И вотъ, теперь, бабушка прислала письмо, въ которомъ увѣдомляла, что намѣрена пріѣхать погостить у насъ эту зиму. Не очень-то обрадовался этому отецъ. Онъ зналъ строптивый нравъ бабушки и то, что она его всегда недолюбливала за дурное обращеніе съ дѣтьми. Зинаидѣ Павловнѣ этого также не хотѣлось. Но дѣлать было нечего,—нельзя же было отказать бабушкѣ въ ея желаніи пріѣхать.

Я очень ждала бабушку. Я надѣялась, что при ней съ нами будутъ лучше обращаться.

И вотъ она, наконецъ, пріѣхала.

Четыре года, что я ее не видала, совершенно изгладили ее изъ моей памяти. Теперь это была совершенная старуха. Ей было уже шестьдесятъ лѣтъ. Волосы ея, совершенно бѣлые, были коротко острижены и висѣли до плечъ. Лѣвой рукой бабушка по прежнему не владела, но это не мѣшало ей вязать всякую всячину и раскладывать пасьянсъ.

Первое время все шло хорошо. Авдотья Макаровна притихла и старалась снискать расположеніе старухи. Но мало-по-малу все вошло въ прежнюю колею. Она начала опять бить насъ, драть за уши, за волосы. Бабушка, видя насъ послѣ класса съ заплаканными глазами, допрашивала:

— Опять была зуботычина?

Мы начинали ей жаловаться. Она сердилась, возмущалась, но пока молчала.

— Какъ можно такъ воспитывать дѣтей? Никакого на нихъ вниманія, рѣшительно никакого!—говорила

она при насъ не разъ.—Отучать въ классѣ, сами засядутъ за «чай», а дѣтей предоставятъ самимъ себѣ!

Возмущалъ ее и красный языкъ, который надѣвали на насъ, и какъ только мы входили къ ней въ комнату, она приказывала:

— Снимай языкъ, дай мнѣ!—и прятала его. И пока мы сидѣли у нея, мы говорили по-русски безнаказанно.

Возмущалась она и тѣми разговорами, какіе вели при насъ Зинаида Павловна съ Зиной, и всегда демонстративно уводила меня.

Я сердилась.

— Бабушка, зачѣмъ вы меня уводите?

— Потому что не слѣдъ тебѣ слушать эти разговоры. Только нарядами да глупостями набиваютъ тебѣ голову!

Если меня хотѣли брать въ театръ въ драму, она поднимала форменный скандалъ.

— Помилуйте! Зачѣмъ вы дѣвочкѣ голову кружите? Она и безъ того экзальтированная, а драма на нее дурно подѣйствуетъ.

Я плакала и упрекала ее. Уѣзжали безъ меня.

Бабушка сажала меня рядомъ съ собой и начинала свои нескончаемые рассказы о моей мамѣ, о насъ, когда мы были маленькіе... а я такъ любила эти рассказы!

Но не долго прожила у насъ бабушка. Заѣхала къ намъ проѣздомъ другая бабушка, Анна Павловна. Обѣ бабушки невзлюбили другъ друга. Немудрено: мамина мать любила насъ, жалѣла, а папина не любила, считала сорванцами, непослушными и находила, что насъ надо бить и наказывать.

Бабушка Анна Павловна прогостила у насъ недолго, и каждый день была стычка между двумя старухами.

Какъ-то разъ Авдотья Макаровна была особенно зла; Вася не зналъ урока, ревѣлъ, она до крови нарвала ему уши, а меня съ размаху такъ ударила линейкой по спинѣ, что я свѣту не взвидѣла.

— Не смѣете вы такъ драться! Не смѣете! Я къ бабушкѣ пойду!

И я стремглавъ бросилась въ комнату бабушки.

— Что такое? Что случилось?

Я бросилась къ бабушкѣ и отъ рыданій не могла выговорить ни слова, а держала рукой плечо.

— Да скажи же, наконецъ, что случилось?

— Авдотья Макаровна... меня... линейкой... по голой шеѣ...

— Нѣтъ, это наконецъ изъ рукъ вонъ! Я не могу дольше терпѣть этого!..

И старуха, взявъ меня за руку, повела въ кабинетъ.

Она шла задыхаясь. Лицо ея приняло багрово-красный цвѣтъ... Она вся дрожала...

Въ кабинетѣ сидѣлъ отецъ, Зинаида Павловна и бабушка Анна Павловна. Они о чемъ-то жарко спорили. При нашемъ появленіи они моментально замолчали.

— Я привела вамъ Нюту... Посмотрите, что съ ней дѣлаетъ эта сумасшедшая Авдотья Макаровна! Видите, какъ она ударила ее линейкой по плечу, до сихъ поръ горитъ!.. Какъ вамъ не грѣхъ, Зинаида Павловна, позволять такъ мучить сиротъ! Вы дадите Богу отвѣтъ! Я здѣсь мѣсяцъ и ежедневно слышу, что дѣтей бьютъ, морятъ голодомъ!

Отецъ вскочилъ.

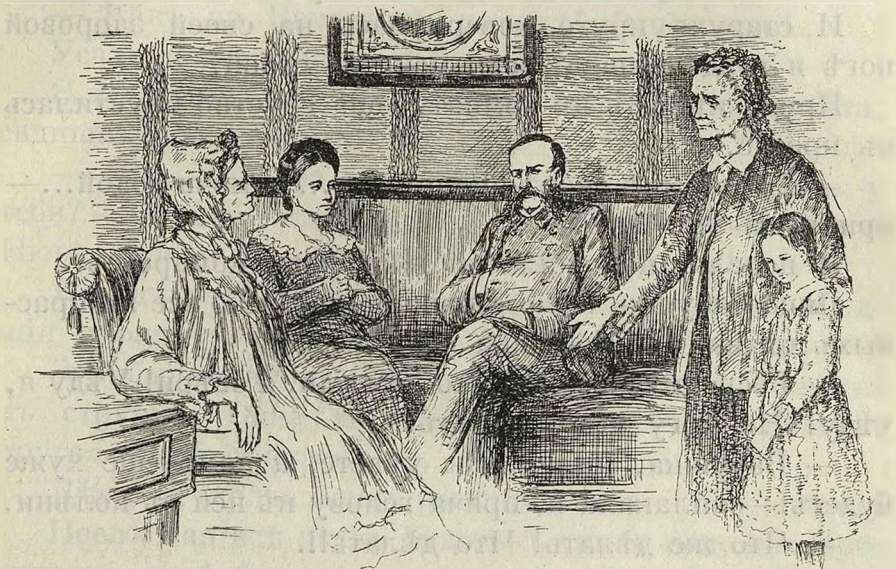
— Я васъ прошу, маменька, не вмѣшиваться въ воспитаніе моихъ дѣтей!.. Вы портите ихъ! Ихъ не мучаютъ, а ихъ наказываютъ, когда они этого стоятъ.

— Нѣтъ-съ, Павелъ Александровичъ, извините! Это не наказаніе, это истязаніе!.. Къ чему, напримѣръ,

вы позволяете вашей новой женѣ надѣвать на дѣвочку панцырь? Это ее мучаетъ. Посмотрите, у нея язвы на плечахъ!

И бабушка выдвинула меня впередъ и поставила передъ отцомъ.

На мнѣ было, дѣйствительно, нѣчто, въ родѣ корсета, для того, чтобы я держалась прямо, не горбилась. Это была стальная спинка, обтянутая лайкой, съ наплечниками и поясомъ. Этотъ панцырь сильно притягиваль

— Я привела вамъ Нюту... Посмотрите, что съ ней дѣлаетъ эта сумасшедшая Авдотья Макаровна?

руки къ спинѣ, выпячиваль грудь колесомъ, и я едва могла двинуться.

— Она все горбится, дурно держится; это исправить ей манеру держаться,—сказала Зинаида Павловна.

— Да что она горбатая, что ли? Все это выдумали для того, чтобы только истязать ребенка!—почти прокричала бабушка.

Тогда встала другая бабушка, мать отца.

— Помилуйте, Надежда Михайловна, какъ вы можете мѣшаться въ воспитаніе чужихъ дѣтей?! Я нахожу, что ихъ еще мало наказываютъ! Они грубы, дерзки, непослушны! Я бы ихъ драла ежедневно!

— Ну еще бы! Вы привыкли со своими крѣпостными,— только драть да мучить! Вы и дѣтей готовы уморить! А еще бабушка называется! Нѣтъ больше силъ моихъ! Я не могу больше видѣть муки этихъ несчастныхъ! Я не могу здѣсь больше жить! Я уѣзжаю! Потрудитесь, Павелъ Александровичъ, завтра же отправить меня отсюда!

И старуха круто повернулась на своей здоровой ногѣ и гордо вышла, ведя меня за собой.

Придя къ себѣ въ комнату, она грустно опустила въ кресло...

— Подай мнѣ скорѣе полотенце... помочи водой...— крикнула она мнѣ.

Я подала, положила ей на голову компрессъ.

Лицо бабушки было страшно; оно было все въ красныхъ пятнахъ... Бабушка едва дышала.

— Господи! Господи! Это не люди, а звѣри! Уѣду я, уѣду! Не могу этого видѣть!

— Бабушка, милая! Вы уѣдете, а намъ еще хуже будетъ!—заплакала я, пряча голову къ ней въ колѣни.

— Что же дѣлать! Что дѣлать!!.

— Annette! En classe!—раздалось у двери, и я должна была уйти.

Бабушка сдержала свое слово и на другой день уѣхала во Владимиръ къ старшей дочкѣ. Ее сопровождалъ отецъ. Взяли съ собой и меня.

Бабушка долго просила отца. Наконецъ, онъ согласился, и мы поѣхали. Ъхали мы въ возкѣ цѣлыхъ два дня и двѣ ночи. Отецъ и бабушка хранили глубокое молчаніе всю дорогу. Я также, какъ звѣрекъ, поглядывала то на того, то на другую. Но, какъ ребенокъ, я скоро забыла всю эту ссору и наслаждалась видомъ

чудной снѣжной картины. Ъхали мы лѣсомъ. Громадныя ели были засыпаны снѣгомъ и стояли, какъ великаны, протягивая свои руки. Морозъ былъ больше двадцати градусовъ, а снѣгъ сіялъ, блестѣлъ на солнцѣ.

Приѣхали мы во Владимиръ подъ вечеръ. Всѣ сидѣли за вечернимъ чаемъ. Ахамъ, охамъ и восклицаніямъ не было конца.

Тетя Катя прослезилась, цѣлуя меня:

— Какъ на Валентину похожа! Одно лицо!

Усадили насъ пить чай.

Я не сводила глазъ съ шести головокъ разнаго цвѣта, сидящихъ за столомъ.

— Что, дѣвочка, дивишься, сколько сестрицъ у тебя? — шутилъ дядя Саша. — Ну, знакомьтесь: Поля, Нюра, Оля, Соня, Вика, Варя. Запомнишь?

Всѣ дѣвочки сидѣли по старшинству, самыя младшія около гувернантокъ.

Это были двѣ высокія, сухія дѣвицы, вытянутыя въ струнку. Одна изъ нихъ говорила по-нѣмецки, другая—по-французски.

Дѣвочки молча меня разглядывали.

Послѣ чая всѣ шесть дѣвочекъ чинно подошли проститься съ бабушкой и матерью и отправились въ сопровожденіи своихъ двухъ гувернантокъ въ спальню.

Отецъ съ дядей Сашей тотчасъ же послѣ чаю ушли въ кабинетъ. Бабушка пошла отдохнуть послѣ долгой дороги. Меня увели въ дѣтскую.

Меня страшно поразила чинность и тишина въ этомъ домѣ. Всѣ говорили очень медленно и тихо, дѣвочки не произносили ни звука.

Началось раздѣваніе, вечерняя молитва. Обѣ гувернантки сидѣли рядомъ и наблюдали за порядкомъ.

Но вотъ вся церемонія укладыванья кончилась, и гувернантки удалились. Тутъ началось веселье! Меня

уложили на диванъ, но каждая дѣвочка требовала, чтобы я полежала съ ней.

— Ты къ намъ надолго?—спрашивала одна.

— Тебѣ сколько лѣтъ?—приставала другая.

— У тебя есть «редиска» и «рѣдка»? — требовала меня третья.

— Какая редиска и рѣдка? — удивилась я. — Не понимаю!

— А вотъ здѣсь сейчасъ сидѣли редиска и рѣдка. Это наши гувернантки.

— А зачѣмъ вы ихъ такъ зовете?

— Мы ихъ терпѣть не можемъ. Онѣ злыя, гадкія...

— Что же онѣ бьютъ что ли васъ?

— Нѣтъ, не бьютъ! Имъ бы мама не позволила. А онѣ насъ все отчитываютъ.

— Что это значитъ отчитываютъ?—спросила я.

— А вотъ, если не выучишь урока или что-нибудь нашалишь, такъ позовутъ они тебя, рабу Божию, въ свою комнату, да полтора, а то два часа изволь слушать ихъ монотонныя наставленія. И чего, чего онѣ тутъ только ни приплетутъ!!!

— Я на-дняхъ слушала, слушала, да и задремала, чуть со стула не упала, — сказала хорошенькая Нюра.

— А у васъ гувернантки отчитываютъ?

— Нѣтъ! Никогда! Но зато насъ бьютъ линейкой, за уши дерутъ за всякую провинность.

— Ужъ не знаю, что лучше! Я, пожалуй бы, согласилась, чтобы меня били да за уши драли, чѣмъ это ужасное томительное отчитываніе.

— Да, и вообще, Нюта, если бъ ты знала, какая у насъ въ домѣ скука, тоска! Цѣлый день распредѣленъ на часы. Почти не знаемъ отдыха. Никто у насъ не бываетъ. Дѣтей знакомыхъ нѣтъ. Мама не позволяетъ намъ знакомиться. Такая скука!

— Да васъ и самихъ много. Есть съ кѣмъ играть!— замѣтила я.—Цѣлыхъ семь дѣвочекъ!

— Да играть-то некогда. И вѣчно эти противныя рѣдька и редиска тутъ торчатъ.

Вдругъ дверь отворилась и на порогъ показалась тощая фигура въ ночномъ чепцѣ и со свѣчей въ рукѣ.

— Was ist dass? Schande! Schande!!.

Мнѣ пришлось покинуть тепленькое мѣстечко около Нюры и отправиться на свой холодный диванъ.

— Nun! Ihr werdet schon Morgen kriegen!—проговорила рѣдька и удалилась.

— Что это значить?—спросила я.

— Значить, что завтра будетъ отчитывать полтора часа.

— Ну, давайте спать! Нюта устала.

Я, дѣйствительно, страшно хотѣла спать и уснула моментально.

На другой день ровно въ 8 часовъ вошла въ комнату со свѣчей въ рукѣ редиска уже совсѣмъ одѣтая, причесанная.

— Et bien, enfants, levez-vous!

Она чинно сѣла на стулъ и вынула изъ ридикюля вязанье. Дѣвочки сразу вскочили, и началось тихое, торопливое одѣванье. Я глядѣла на нихъ и удивлялась, какъ можно было дѣлать все такъ тихо и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ проворно.

По очереди дѣвочки умылись, и каждая подходила къ редискѣ,—та ее причесывала. Затѣмъ, когда всѣ были готовы, стали на молитву. Молитва читалась по-нѣмецки.

Послѣ молитвы все шестіе отправилось въ столовую пить чай.

Я тоже вскочила и живо одѣлась.

Чинно всѣ по очереди подошли къ ручкѣ бабушки, тети Кати и дяди Саши.

Я тоже подошла.

— Выспалась, дѣвочка?—поцѣловала меня тетя Катя.

— Ich glaube nicht. Sie haben so lange gesprochen im Bette,—выговорила рѣдка медленнымъ голосомъ.

— Ай, какъ стыдно! Непослушаніе! Вы, вѣдь, знаете, что вамъ запрещено въ постели разговаривать!—внушительно выговорила тетя Катя.

— Это я! Это я говорила, про все спрашивала! Милая тетя Катя, не сердитесь!—И я чмокнула ея руку.

— Geben Sie, Freulein, den Kindern Freiheit für heute!...—обратилась тетя Катя къ рѣдкѣ.

И вотъ, о, счастье! Дѣвочкамъ разрѣшили на сегодня не заниматься, и рѣдка и редиска удалились къ себѣ.

Послѣ чая я пошла навѣстить старшую дочку тети Кати, больную Машу.

У нея была на ногѣ рожа. Я испугалась, увидавъ ея ногу. Это былъ чурбанъ, покрытый язвами. И, вообразите, тетя Катя не звала доктора, а лѣчила ее сама.

Пріѣхалъ какъ-то въ отпускъ братъ Маши, инженеръ, и хотѣлъ позвать доктора,—такъ тетя Катя въ истерику:

— Не вѣрю докторамъ, не вѣрю!

Маша прохворала болѣе двухъ мѣсяцевъ и навсегда осталась немного хромой.

На другой день начались обыкновенныя занятія.

Съ 8 часовъ утра и до вечера каждый часъ былъ распредѣленъ, и дѣтямъ почти не давалось отдыха. За малѣйшее непослушаніе, за малѣйшій капризъ виновную отводили въ комнату къ строгимъ гувернанткамъ, и тамъ ее отчитывали всевозможными нотаціями, текстами изъ св. писанія, и въ довершеніе всего заста-

вляли выслушать главу изъ евангелія. Присутствіе двухъ аргусовъ страшно раздражало дѣтей, — нельзя было ни слова сказать другъ съ другомъ. Одинъ день былъ французскій, другой — нѣмецкій. И сама тетя Катя иначе не говорила, какъ по-нѣмецки.

Тяжело и томительно показалось мнѣ въ этомъ домѣ, точно въ монастырѣ.

— Нѣтъ, у насъ лучше, — говорила я. — Васъ хоть не бьютъ, за уши не дерутъ, но у насъ зато и гости бываютъ, и времени свободнаго больше. А вамъ ваши двѣ мегеры дышать не даютъ.

Бабушка очень просила отца оставить меня погостить еще нѣкоторое время, но отецъ наотрѣзъ отказалъ. Да я и сама не захотѣла. И мы уѣхали черезъ четыре дня домой.

Тяжело было разставаться съ бабушкой. Обѣ мы горько плакали. А еще тяжелѣе было возвращаться домой.

Только что мы пріѣхали, какъ Вася мнѣ объявилъ:

— А мы, Нюта, все на тебя свалили. Какъ ты только уѣхала, насъ съ Таней позвала Зинаида Павловна и вмѣстѣ съ Авдотьей Макаровной давай допрашивать, кто все передавалъ бабушкѣ... Мы все на тебя и сказали. Мы такъ испугались, а ты была далеко!

Дѣйствительно, только что мы уѣхали, какъ Зинаида Павловна съ Авдотьей Макаровной призвали Васю и Таню въ кабинетъ, заперли дверь и начали допросъ. Струсившіе ребята изъ страха выгородили себя окончательно, а всю вину свалили на отсутствующую сестру. И досталось же мнѣ! Иначе, какъ ябедницей, сплетницей меня не называли, старались ежеминутно оскорблять меня.

На именины Зинаиды Павловны я подарила ей подушку своей работы, но она ея не приняла.

— Я не могу принять подарка отъ той, которая на меня жалуется, что я ее истязую, мучаю!..

Такъ я и стала отверженной... Съ Васей и Таней я почти не говорила, я сердилась на нихъ.

— Вы предатели... выдали меня, я не хочу съ вами знаться!

И такъ тяжело, такъ ужасно было жить. Но, какъ и раньше, я нашла себѣ утѣшеніе: я молилась.

Въ четыре часа ночи, когда все въ домѣ еще спало, я вставала, зажигала передъ образомъ тоненькую восковую свѣчку, которую украдкой уносила изъ церкви отъ всенощной, становилась на колѣни и читала евангеліе. Затѣмъ шли молитвы.

У меня въ книжечку были вписаны любимыя молитвы, выданные изъ молитвенника.

Были молитвы мои собственныя. Одна молитва была обращена къ мамѣ. Я вѣрила, что она на небѣ все видитъ и слышитъ. И вся моя наболѣвшая душа вылилась въ этой молитвѣ..

«Мама, дорогая, родная! Я вѣрю, что ты на небѣ видишь и слышишь все! Видишь, какъ меня мучаютъ, какъ я страдаю. Помоги мнѣ! Научи меня, что мнѣ дѣлать, какъ жить! Я знаю, что я дурная дѣвочка, что меня не любятъ. Мнѣ горько, тяжело жить безъ ласки, безъ любви. Дай мнѣ силы все переносить и сдѣлай, чтобъ я была добрая!..»

Такъ молилась я, и слезы градомъ текли изъ глазъ моихъ. Помолившись, я набиралась силъ на цѣлый день. Было уже шесть часовъ, я садилась готовить уроки.

И такъ шли дни за днями, унылые, однообразные съ вѣчными наказаніями и руганью. Но на меня нашло какое-то отупѣніе, какая-то покорность.

Вдругъ случилось, что мой молитвенникъ пропалъ. Обыкновенно я его клала подъ подушку. Прасковья

что ли, оправляя постель, взяла его—не знаю, но только онъ очутился въ рукахъ у Зинаиды Павловны.

Она явилась въ классъ, развернула молитвенникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ была молитва къ мамѣ, и стала громко читать:

— «Меня мучаютъ! какъ я страдаю!»... Она и въ молитвѣ лжетъ.

И она стала читать дальше и смѣяться вмѣстѣ съ Авдотьей Макаровной.

— Отдайте! Отдайте мнѣ мой молитвенникъ! Грѣшно вамъ смѣяться надъ молитвами!.. Васъ Богъ накажетъ за это!!

— Нѣтъ, не отдамъ! Я еще отцу твоему покажу!

И Зинаида Павловна вышла изъ класса.

Я выбѣжала вслѣдъ за ней, цѣпляясь за ея платье, умоляла отдать, но она грубо оттолкнула меня и ушла въ кабинетъ. Я побѣжала въ дѣтскую и съ рыданіями бросилась на кровать. Цѣлый адъ былъ у меня въ душѣ. Надъ самыми лучшими чувствами души глумились, издѣвались!!.

— Господи! Да когда же этому будетъ конецъ?! Когда же я наконецъ вырасту и прекратится эта травля, это издѣвательство!!.

И въ душѣ моей кипѣла неистовая злоба противъ моихъ гонителей...

— А вѣдь Христось терпѣлъ... — думала я. — Его били, оскорбляли, а онъ молился за враговъ... И я должна терпѣть и прощать своихъ враговъ!.. Господи! прости имъ, не вѣдаютъ бо, что творять!

И я молилась...

ГЛАВА XXIX.

Переѣздъ въ Павловку.

Давнишнее желаніе отца выйти въ отставку и поселиться въ деревнѣ наконецъ осуществилось: бабушка рѣшила продать ему Павловку и переѣхать на жительство въ сосѣдній городъ М.

Мы, дѣти, были, конечно, очень рады переѣзду въ деревню: мы такъ любили Павловку! Не рада была одна Зинаида Павловна. Ей, привыкшей къ городской жизни, не очень-то улыбалось похоронить себя въ деревнѣ.

Былъ конецъ января, и надо было торопиться переѣздомъ и перевозкой вещей по хорошему санному пути.

Вещи отправили на двадцати подводахъ, а мы ѣхали въ двухъ возкахъ. Въ одномъ ѣхалъ отецъ, Зинаида Павловна и Таня. Въ другомъ: Авдотья Макаровна, я, Вася и няня съ шестимѣсячнымъ Петрушей. Это было ужасное путешествіе... Дорога была такъ разбита, были такіе страшные ухабы, что возокъ нашъ нѣсколько разъ опрокидывался совсѣмъ на бокъ и намъ приходилось выскакивать въ окошко. Кто не ѣздилъ по нашимъ зимнимъ дорогамъ, тотъ не имѣетъ понятія, что это за ужасъ. На каждомъ шагу ужасные

ухабы и буквально цѣлыя громадныя ямы, куда возокъ заваливался иногда такъ, что лошади не могли его вывезти, и приходилось сзывать на помощь. Такъ было и съ нами.

Случилось это ночью. Мы спали. Меня разбудилъ рѣзкій толчокъ. Я вдругъ почувствовала, что куда-то падаю, что-то треснуло и мои колѣна ушли во что-то мягкое, холодное. Затѣмъ на меня навалилось что-то тяжелое... Тутъ я поняла, что возокъ опрокинулся на мой бокъ.

— Господи! Что это? Съ нами крестная сила!.. Робенка-то, робенка задавите!.. — вопила во все горло нянька.

Разбуженный ребенокъ заоралъ. Авдотья Михайловна стояла и охала. Вася ревѣлъ.

Всѣ мы лежали другъ на другѣ, а я внизу всѣхъ и колѣнами въ снѣгу, такъ какъ, падая, я пробила стекло и ноги мои глубоко ушли въ снѣгъ.

— Барышня, барчукъ, давайте же руки! Вылѣзайте!

Нашъ кучеръ отворялъ дверцы и протягивалъ намъ руки.

— Робенка-то, робенка-то прежде возьмите! — вопила нянька, высоко державшая маленькаго Петрушу.

Пришлось кучеру поочередно вытаскивать всѣхъ черезъ верхнюю дверцу, и мы, несчастные, по колѣна въ снѣгу, выбрали на дорогу и стояли, пока не подняли возка.

По счастью близко была деревня. Лакей, сидѣвшій у насъ на козлахъ, отпрягъ лошадь, поскакалъ въ деревню и привелъ десять мужиковъ. Дружными усилиями имъ удалось наконецъ поднять возокъ. А мы тѣмъ временемъ стояли на дорогѣ и дрогли.

Хорошо еще, что невдалекѣ отъ насъ сзади ѣхалъ отецъ въ другомъ возкѣ. Они подѣхали и взяли къ

себѣ няньку съ маленькимъ Петрушей, который уже весь окоченѣлъ отъ холоду и посинѣлъ отъ крику.

Авдотья Макаровна неистово ругалась и клялась, что никогда въ жизни больше не поѣдетъ по такимъ дорогамъ.

— Счастье еще, что это случилось близко отъ деревни—стонала она,—а то мы бы умерли на дорогѣ! Я увѣрена, что заболѣю, схвачу воспаленіе легкихъ!

— Идите впередъ пѣшкомъ, мы васъ нагонимъ! — приказалъ намъ отецъ. — Иначе вы замерзнете.

Мы побрели по колѣна въ снѣгу, но зато мигомъ согрѣлись. Луна свѣтила во всю, освѣщая дорогу.

— Я не пойду дальше! Тутъ еще волки нападутъ! Вернемтесь назадъ!—заявила Авдотья Макаровна.

И въ самомъ дѣлѣ становилось страшно. Мы отошли довольно далеко впередъ. Вернулись и скоро встрѣтили нашъ возокъ. Усѣлись и поѣхали, продолжая опять нырять по ухабамъ.

Никогда не забуду этой поѣздки. Всѣ бока, всю голову разломило отъ ужасныхъ толчковъ направо, налево. Хуже всѣхъ эта поѣздка подѣйствовала на Авдотью Макаровну. Она металась, стонала, охала и что-то безсвязно бормотала себѣ подъ носъ.

Наконецъ, послѣ двухдневнаго мытарства, мы пріѣхали въ Павловку.

Какъ красива показалась намъ эта усадьба!.. Мы видѣли ее только лѣтомъ, а теперь это было совсѣмъ другое. Никогда не выдавшіе деревни зимой, мы были въ дикомъ восторгѣ.

Пока разбирали и распаковывали вещи, мы были предоставлены самимъ себѣ и ни о какомъ ученіи не было и помину, тѣмъ болѣе, что Авдотья Макаровна по пріѣздѣ слегла въ постель и не вставала.

Цѣлые дни проводили мы на воздухѣ: бѣгали съ санями, катали другъ друга съ горы на саняхъ и ку-

баремъ. Это доставляло намъ больше всего удовольствія. Ляжемъ рядышкомъ на верху горы и катимся, т.-е., вѣрнѣе, кувыркаемся до самаго низу. Хохотъ, визгъ, крикъ... веселье безъ конца.

Придемъ домой мокрые, всѣ въ снѣгу. Ужъ наша Прасковья ворчитъ, ворчитъ на насъ безъ конца.

— Удержу на васъ нѣту... И ты, большуха, туда же! Вѣдь тебѣ, почитай, 14 лѣтъ скоро, а она, какъ крошечка, катается кубаремъ съ горы.

— Ахъ, Прасковья, это такъ весело, такъ весело!

— Весело тебѣ! Вотъ, ужотка засадятъ васъ за ученъе!..

— Не скоро еще! Авдотья Макаровна долго прохвораетъ.

— А ты почему знаешь?

— Слышала, какъ сегодня докторъ говорилъ, что она не скоро поправится.

— А ты и рада!

— Конечно, рада! По крайней мѣрѣ погуляемъ вволю.

Но случилось совсѣмъ не то, что я предполагала, а мы надолго остались безъ гувернантки.

На другой день рано утромъ мы проснулись отъ какихъ-то дикихъ криковъ, исходящихъ изъ комнаты Авдотьи Макаровны. Я было сунулась туда, но меня тотчасъ же вытолкали вонъ. Я все-таки успѣла разглядѣть Авдотью Макаровну, сидѣвшую на постели съ растрепанными волосами, дикими глазами, что-то кричавшую. Руки у нея были связаны назадъ, на головѣ компрессъ.

— Что случилось?

— Съ ума сошла... вотъ что! — сказала мнѣ Прасковья. — Уходите по добру по здорову!

Черезъ нѣсколько часовъ пріѣхалъ докторъ и при

помощи лакея и кучера нашу сумасшедшую гувернантку увезли въ городъ въ больницу.

А все-таки, хотъ она и была насъ, а мнѣ стало жалко ее, когда ее увозили. Что-то въ душѣ шевельнулось, хотя я ее и не любила.

Но не долго пользовались мы свободой. Зинаида Павловна стала заниматься съ нами сама. А она была куда строже Авдотьи Макаровны. Ту можно было надуть, заговорить какъ-нибудь, а съ Зинаидой Павловной это было невозможно. Она была и требовательна и взыскательна.

Затѣмъ пошелъ цѣлый рядъ гувернантокъ, выпи-сываемыхъ изъ Москвы по рекомендаціи конторы. И о, Господи, что это были за субъекты! Одна была совсѣмъ безграмотная, ни о чемъ не имѣла понятія. По французски говорила такъ: *Le poudré... Voilà un champignon... il a plevé* (шелъ дождь). Исторіи совсѣмъ не знала.

Я стала заниматься самостоятельно,— писала сочиненія, которыя и гувернантки и Зинаида Павловна читали вслухъ. Но мнѣ-то отъ этого не легче было. Ничто не удовлетворяло мою жажду знанія. А учиться и знать мнѣ хотѣлось. Книгъ подъ руками хорошихъ не было, были только сухіе учебники. И я зубрила безъ толку. Выписывала въ тетрадку всѣ уѣздные города каждой губерніи и выучивала ихъ наизусть. И до сихъ поръ, стоитъ только назвать первый городъ, какъ я на память повторяю всѣ другіе. Если бъ въ то время у меня были такіе книги и учебники, какъ теперь, мое ученье пошло бы, конечно, гораздо успѣшнѣе.

И читать было нечего. Книжный шкафъ отца со-держалъ въ себѣ нѣсколько романовъ Загоскина, Лажечникова. Все было мною тайкомъ по ночамъ пере-читано. Обыкновенно я вставала въ три часа утра, босая кралась въ кабинетъ, брала книгу и читала до

семи часовъ утра, затѣмъ ставила книгу на мѣсто, чтобъ не увидалъ отецъ, такъ какъ касаться къ этимъ книгамъ мнѣ строго запрещалось.

На мое счастье сталъ ѣздить къ намъ дядя Петруша. Молодой, красивый, онъ скоро покоришь мое сердце, въ особенности, когда сталъ возить мнѣ потихоньку книги и развивать меня. Книги я тщательно прятала отъ чужихъ глазъ подъ тюфякъ и по нѣлымъ ночамъ читала украдкой. Такъ перечла я Тургенева, Достоевскаго, Писемскаго.

Жить стало легче. Я жила жизнью героевъ и героинь романовъ, мною читанныхъ, и днемъ ходила, какъ въ чадѣ. Доставалось мнѣ за это ужасно, но все отъ меня отскакивало. Я предвкушала удовольствіе при первой возможности засѣсть за книгу.

Мы условились съ дядей Петрушей. Онъ оставлялъ книги въ тарантасѣ, и я тихонько ходила въ сарай брать новыя и возвращать прочитанныя.

Книги скрасили мою жизнь, и я была безучастна къ выговорамъ и наказаніямъ. А и то и другое сыпалось обильно на мою голову. То урока не знаю, то дерзость скажу. И такую-то большую, четырнадцатилѣтнюю дѣвочку ставили въ уголъ на колѣна, оставляли безъ обѣда. Это случалось всего чаще тогда, когда къ намъ пріѣзжали гости. И вотъ почему.

Зинаида Павловна была ужасно скупа и одѣвала насъ очень плохо. Я была довольно неуклюжа. Это можно было бы нѣсколько исправить костюмомъ, а на меня надѣвали старыя, нѣсколько лѣтъ тому назадъ сшитыя платья, узкія, короткія, почти мнѣ по колѣна. Лифъ, нѣсколько разъ выпущенный, съ короткой тальей, стягивалъ мнѣ плечи до невозможности. Я буквально выпирала изъ лифа. Понятно, что въ такомъ костюмѣ мнѣ было совѣстно показаться гостямъ, въ особенности мужчинамъ.

Если я надѣну бѣлую пелеринку, чтобы прикрыть мои голыя плечи, Зинаида Павловна тотчасъ закричитъ:

— Otez votre pèlerin!

Оставалось одно: надерзить, не выучить урока и— оставаться безъ обѣда.

Очень мнѣ это было больно, когда пріѣзжалъ дядя Петруша, но я предпочитала лучше не видѣть его, чѣмъ показаться въ такомъ костюмѣ.

Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока не пріѣхала къ намъ тетя Соня и не высмѣяла наши костюмы. Была призвана портниха, и мнѣ сшили два ситцевыхъ платья— и длинныя, и широкія. Наконецъ-то!

Глядя на себя въ зеркало, я думала: теперь я вовсе и не неуклюжая и не кургузая, и ногъ почти не видно.

А гувернантка удивлялась, что я не дерзила и знала уроки и не приходилось оставлять меня безъ обѣда.

ГЛАВА XXX.

Объявленіе воли.

Бабушка торопилась продать Павловку моему отцу до объявленія воли. Ей, властной барынѣ, привыкшей хозяйничать по старому, новые порядки пришлось бы вовсе не по сердцу. Нельзя было безнаказанно выпороть, ударить, обругать,—за все приходилось отвѣчать.

— Не могу я, не могу хозяйничать при такихъ глупыхъ порядкахъ! — говорила она. — Никогда этого не будетъ, чтобы я мужичьей ровней была. Была барыней, барыней и останусь! Пусть безъ меня хозяйничаютъ...

Бѣдный дѣдушка рыдалъ, когда ему пришлось покинуть свой маленькій кабинетикъ, въ которомъ онъ провелъ болѣе сорока лѣтъ.

Тамъ у него все окно было заставлено бутылками съ наливками, которыя онъ съ такой любовью настаивалъ. Цѣлые дни лѣтомъ онъ ихъ сливалъ, переливалъ, разливалъ въ бутылки и пряталъ въ специальный шкафъ, вдѣланный въ стѣнѣ.

Со всѣмъ этимъ пришлось разстаться и переѣхать въ городъ М., въ 18 верстахъ отъ Павловки. Несчастный старикъ долго упирался, но въ концѣ концовъ ему пришлось подчиниться желанію «матушки-барыни». Онъ

сильно опустился и мало-по-малу совсѣмъ впалъ въ дѣтство.

Цѣлые дни проводилъ онъ на своемъ диванчикѣ, около своего стола, безмолвно поглядывая въ окошко на дорогу, которая вела въ его милую Павловку. Комнаты у него отдѣльной не было, а ему отгородили ширмами уголокъ въ большой залѣ. Тамъ онъ и спалъ, тамъ и проводилъ цѣлый день. Подъ конецъ онъ даже своихъ не узнавалъ.

Пріѣхалъ Лева изъ университета на праздники.

— Вотъ, Александръ Ивановичъ, это твой сынъ Левъ.

— Кто такой? Кто такой? Левъ? Сынъ?.. Никогда такого не было.

— Здравствуйте, папаша!

— Здравствуй, здравствуй! Откуда такой объявился? Не было, не было... не знаю такого!

Лева не смѣялся, — ему было жаль старика.

Въ другой разъ дѣдушка забуянить. Бабушка не могла его урезонить. Тогда Лева надѣвалъ студенческій мундиръ и фуражку.

— Что это вы, Александръ Ивановичъ, буяните? Я прикажу арестовать васъ.

Дѣдушка пугался, съеживался. Последнее время всякая форма приводила его въ ужасъ. Онъ во всѣхъ видѣлъ грозное начальство, которое намѣрено окончательно разорить его.

— Извините, капитанъ-исправникъ... я ничего-съ... я ничего-съ...

— Ну то-то!.. Прошу васъ не буянить...

И дѣдушка стихалъ.

Съ дѣтьми онъ дрался... отнималъ игрушки и радовался, когда они ревѣли.

Продѣлывалъ онъ и злыя штуки. Несетъ горничная

полная руки посуды... Онъ подкрадется сзади и хватъ ее подмышки. Та вскрикнетъ и выронитъ посуду.

— А-а-а!! Испугалась?! — И въ восторгѣ собираетъ черепки съ полу.

Изъ ума выжилъ старикъ.

Да постарѣла и бабушка.

Дѣдушка и бабушка послѣ воли.

Властная, энергичная, привыкшая повелѣвать, ежедневно распоряжаться по хозяйству, она теперь была заключена въ тѣсныя рамки мелкаго домашняго хозяйства. Въ Павловкѣ, бывало, съ утра и на погребъ, и на скотную, и въ ткацкую, и въ кухню... а теперь все ограничивалось одной кухней. Старая прислуга была еще при ней, но останется ли, когда будетъ объ-

явлена воля—еще вопросъ. А объявленія воли ждали со дня на день.

И наступилъ наконецъ день 19 февраля 1861 года.

Было ясное свѣжее утро.

Я встала рано.

Насъ обѣщали пустить въ церковь. Почти вся прислуга повалила туда. Нашъ приходъ былъ въ двухъ верстахъ отъ усадьбы. Мы почти бѣжали, боясь опоздать къ обѣднѣ. Весь дворъ передъ церковью былъ полонъ народу, въ церковь едва можно было протолкаться.

— Чего барчата-то лѣзутъ! — услышала я. — Небось теперь царству ихнему конецъ... Такіе же и мы вольные будемъ!

Кончилась обѣдня. Вышелъ священникъ, держа въ рукахъ манифестъ. Всѣ, отъ мала до велика, пали на колѣни...

— «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, русскій народъ», — громко началъ священникъ, — «и призови благословеніе Божіе на свой свободный трудъ»!..

Голосъ его дрогнулъ. Дрогнула и вся церковь... Плакали женщины... причитали старухи, плакали и мужчины... Я тоже обливалась горячими слезами. Мнѣ вспомнилась Машка, вспомнился Оедька на веревкѣ, бѣдная Наташка... и такъ хорошо, такъ свѣтло становилось на душѣ: кончились ихъ мученія, теперь они на волѣ, на волѣ!..

Домой я вернулась, какъ въ чадѣ. Отецъ въ волненіи ходилъ по комнатѣ и свирѣпо на меня посматривалъ, когда я въ восторгѣ рассказывала, какъ было торжественно въ церкви и какъ всѣ радовались и плакали отъ радости.

— Поглядимъ, увидимъ... не такъ еще заплачутъ!.. Воля-то воля, да какъ еще жить-то будутъ!.. То ихъ поили, кормили, а теперь самимъ добывать придется...

Къ вечеру отецъ созвалъ всю прислугу и торжественно сталъ спрашивать, кто желаетъ уйти, а кто остаться въ услуженіи.

Многіе пожелали уйти, нѣкоторые остались «послужить прежнему барину», конечно, за приличное вознагражденіе. Остались и Петръ съ Прасковьей, къ большому моему неудовольствію, такъ какъ я всегда ее не любила.

Но была мнѣ и радость.

Отецъ собралъ всю прислугу и сталъ спрашивать, кто желаетъ уйти, а кто остаться въ услуженіи.

Вернулась къ намъ моя милая Машка, та самая, которую я все собиралась отпустить на волю, когда мнѣ бабушка ее подарить. Она не захотѣла разстаться со мной, и мы опять зажили съ ней друзьями. Это было для меня большимъ счастьемъ, потому что я была очень одинока.

Новыя, постоянно мѣняющіяся гувернантки ничего, кромѣ непріятностей и огорченій, мнѣ не доставляли.

Всѣ онѣ были пріятельницами Зинаиды Павловны. Она одна очень скучала въ деревнѣ, и эти гувернантки ее развлекали. Мы же, Вася, Таня и я, видѣли ихъ только во время класса, а въ остальное время были предоставлены самимъ себѣ.

Я съ рвеніемъ принялась учить Машку читать, пи-

Встрѣча со свободной Машкой.

сать, и, когда она научилась, стала давать ей книги и вмѣстѣ читать по утрамъ.

Такой другъ, какимъ была для меня Машка, былъ для меня очень дорогъ. Она скрасила мнѣ послѣдніе годы моего дѣтства, одинокаго и сиротливаго. Горько плакала я, когда въ одинъ прекрасный день она объ-

явила мнѣ, что мать выдаетъ ее замужъ за лакея, и она уѣзжаетъ въ городъ М.

— И зачѣмъ ты, Маша, замужъ выходишь. Развѣ ты его любишь, этого лакея?

— Вовсе не люблю, а матушка неволить: иди, да иди!

— Такъ ты не слушай!

— Нельзя супротивъ матери итти.

И она вышла за своего лакея и уѣхала, оставивъ меня опять одну. Потерявъ своего единственного друга и товарища, я еще больше пристрастилась къ ученью, тѣмъ болѣе, что, наскучивъ постоянно мѣнять гувернантокъ, отецъ объявилъ мнѣ, что мое образованіе окончено и что я могу теперь заниматься сама. Для Тани и Сережи взяли гувернантку подешевле, а Васю отдали въ Москву въ гимназію. Я осталась совершенно одна. Общества у меня не было никакого, и я цѣлые дни проводила за книгой.

Лева, пріѣхавшій на праздники къ бабушкѣ, заѣхалъ и къ намъ. Сталъ меня расспрашивать о томъ, что я учу, чѣмъ занимаюсь. На мой отвѣтъ, что я уже отучилась и гувернантокъ у меня уже больше нѣтъ, онъ ужаснулся.

— Да ты вѣдь еще ровно ничего не знаешь! Хочешь, я тебѣ пришлю всевозможныхъ книгъ, изъ которыхъ ты получишь отвѣтъ на всѣ твои вопросы?

Лева былъ въ то время на первомъ курсѣ университета естественнаго факультета и увлекался науками.

— О, хочу, хочу, конечно хочу!

Уѣхавъ, онъ прислалъ мнѣ цѣлый ящикъ всевозможныхъ книгъ, и я съ увлеченіемъ принялась за самообразованіе. Я распредѣлила свой день по часамъ, сдѣлала себѣ расписаніе и училась. Полная сознаниемъ, что я ровно ничего не знаю, я старалась всѣми силами наверстать потраченное даромъ время.

Цѣлый новый, невѣдомый мнѣ міръ открылся передо мной...

— Если тебѣ что-либо будетъ непонятно, пиши мнѣ, спрашивай,—говорилъ мнѣ, уѣзжая, Лева.

И между нами завязалась оживленная переписка.

Отецъ сначала косо смотрѣлъ на эту переписку и украдкою распечаталъ два-три письма. Но прочелъ и успокоился:—кромѣ всякихъ научныхъ вопросовъ и отвѣтовъ на нихъ, онъ не нашелъ въ нихъ ничего. И переписка продолжалась.

Я нашла, наконецъ, куда дѣвать свои молодыя силы и впервые почувствовала себя счастливою.

Кончилось мое безотрадное дѣтство, и я вступила въ юность, которая улабалась мнѣ.

Эпилогъ.

Прошло много лѣтъ...

Быстро пролетѣла юность. Прошли и зрѣлые годы, и бойкая, бѣдовая когда-то «звѣзда» стала почтенной «бабушкой Аней».

Все пережитое кажется теперь какимъ-то далекимъ, далекимъ сномъ, и порой даже не вѣрится, что все это дѣйствительно было.

Взрослой мнѣ не разъ приходилось вспоминать свое дѣтство, рассказывая сначала своимъ дѣтямъ, а потомъ внукамъ, какъ жилось намъ въ недоброе старое время. Слушали они мой рассказъ всегда съ большимъ вниманіемъ, но имъ плохо вѣрилось, что такъ могли когда-либо обращаться съ дѣтьми, особенно съ ихъ мамой и съ ихъ старой бабушкой Аней.

Я увѣрена, что и многіе изъ моихъ юныхъ читателей, познакомившись съ моими «Картинками прошлаго», тоже задумаются и не разъ спросятъ себя: «Да неужели же все это было въ дѣйствительности?!» Имъ, выросшимъ въ совершенно другихъ условіяхъ, другой обстановкѣ, должно, конечно, казаться невѣроятнымъ такое обращеніе, такія истязанія, какимъ въ свое время подвергались мы. Они не знаютъ теперь, къ счастью, ни розогъ, ни «красныхъ языковъ», ни «высиживаній», «холоданій» и «голоданій», т.-е. всего того, что въ наше время составляло самые обычные приемы воспитанія.

Нѣтъ теперь и такихъ «воспитательницъ», какъ наши Софья Александровна, Прасковья Ивановна и Авдотья Макаровна. Нѣтъ больше и того страха и трепета передъ родителями, въ которомъ воспитывались мы: дѣти теперь ближе къ своимъ родителямъ, больше живутъ одной общей жизнью съ ними.

Да, многое, очень многое измѣнилось съ того памятнаго момента, какимъ закончился мой рассказъ,— съ паденія крѣпостного права, наложившаго свою тяжелую, жестокую печать на всѣ стороны русской жизни. Немудрено, что многія «картинки» изъ этого «прошлаго» теперь кажутся чѣмъ-то неправдоподобнымъ, невѣроятнымъ... А между тѣмъ, все, что рассказано у меня, къ сожалѣнію, правда отъ перваго до послѣдняго слова. Въ моемъ рассказѣ нѣтъ ни одного выдуманнаго факта. О многомъ я даже завѣдомо умалчивала, не желая слишкомъ терзать юную душу своихъ юныхъ читателей.

Надо, впрочемъ, сказать, что положеніе въ нашей семьѣ съ годами постепенно измѣнялось. Нашимъ младшимъ братьямъ и сестрамъ,—дѣтямъ нашей мачехи,—жилось уже совершенно иначе. Прежняго страха передъ отцомъ дѣти уже не испытывали. Онъ обращался съ ними мягко, даже нѣжно. Никакихъ розогъ, никакихъ наказаній, а тѣмъ болѣе истязаній не было и въ поминѣ. Очевидно, крѣпостная реформа оказала свое вліяніе и на воспитаніе дѣтей.]

Нашимъ младшимъ братьямъ и сестрамъ и нашимъ дѣтямъ и внукамъ выпало на долю большое счастье, что они родились послѣ отмѣны крѣпостного права. Имъ не пришлось переживать многого того, что волею-неволею пришлось пережить и перечувствовать намъ!..

Лѣтъ двадцать тому назадъ, когда мои дѣти были уже подростками, случилось мнѣ побывать на старомъ пепелищѣ.

Мнѣ захотѣлось непременно повидать то старое гнѣздо, въ которомъ прошла часть моего дѣтства и юности. Посѣтили мы Павловку, давно уже проданную моимъ отцомъ какому-то помѣщику.

И, о Боже, какія развалины я увидала!..

Запустѣвшая Павловка.

Домъ покосился... Флигель, гдѣ мы жили когда-то съ Софьей Александровной и гдѣ я проводила столько вечеровъ въ бесѣдѣ съ моимъ другомъ Машкой, — сгорѣлъ, и на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ когда-то стоялъ, росъ бурьянъ... Оранжерея тоже сгорѣла. Садъ... Но, Боже мой! Развѣ же это тотъ громадный, тѣнистый садъ, который я помню такъ хорошо?! Роша, гдѣ было «Петровское», прелестная избушка, подаренная Петрушѣ въ день его именинъ, на половину вырублена

или сгнила и повалилась... Отъ Петрушиной избушки не осталось и слѣда... Бесѣдки нѣтъ... Курганъ, на который мы такъ часто лазали, цѣль, но весь заросъ... Отъ громаднаго красиваго пруда осталась какая-то стоячая лужа...

Полное разореніе, запустѣніе во всемъ!..

Отъ прежняго величія остались одни только грустные воспоминанія...

Я поторопилась скорѣе оставить эти дорогія мнѣ по воспоминаніямъ мѣста. Всю дорогу я молчала. Тяжело было на душѣ.

Проѣзжая мимо усадьбы Вольскихъ, я любопытствовала узнать, что съ ними случилось.

И что же я узнала?..

Ихъ имѣніе было продано какому-то кулаку, а самъ «Благой», когда-то красавецъ, игрокъ Василій Вольскій, разорился и былъ выгнанъ изъ дому собственными дѣтьми.

Мнѣ не хотѣлось вѣрить.

— Что же онъ теперь дѣлаетъ? Какъ живетъ, гдѣ?—спрашивала я у ямщика.

— Да, что попало работаетъ,—отвѣтилъ мнѣ возница.—Воду возить, дрова, плоты гоняетъ...

— Не можетъ быть!!.

Прежній образъ Василія Вольскаго до того сильно запечатлѣлся въ моей памяти, что я никакъ не могла примириться съ такой переменой. Но, какъ разъ въ это время, какъ бы въ подтвержденіе словъ ямщика, на спускѣ съ горы намъ попался навстрѣчу возъ съ дровами. Лошадь медленно поднималась въ гору, а за ней сзади шель... самъ Василій Вольскій.

Я едва узнала его. Это былъ сгорбленный, худой, оборванный старикашка. И только по его все еще прекраснымъ глазамъ, которые сверкали изъ-подъ гу-

стыхъ, нависшихъ бровей, можно было узнать прежняго «Благого».

Не узналъ онъ меня или не хотѣлъ узнать, но онъ отвернулся и прошелъ мимо. Съ грустью посмотрѣла я вслѣдъ медленно удалявшемуся возу.

Такъ вотъ что случилось съ гремѣвшимъ когда-то на всю округу Василиемъ Вольскимъ!!

Ямщикъ тоже обернулся и какъ бы понялъ мою грустную думу.

— Да, важный баринъ былъ, — сказалъ онъ задумчиво. — Богатый. Однѣхъ лошадей сколько было! А вотъ поди ты. Не благословилъ Господь. Какъ воля вышла, такъ и разорился. И то сказать, братецъ ихній, Александръ Васильевичъ, много имъ помогли, — почитай все начисто картами у нихъ отобрали...

Ямщикъ помолчалъ.

— Много теперь господь... такъ-то... — сказалъ онъ немного погодя. — Какъ воля-то вышла, крѣпостныхъ, значить, не стало... хозяйствовать, нужно было самимъ... Ну, многимъ это несподручно вышло. Кто усадьбу продалъ, кто такъ перебивается, — одна слава, что баринъ... Другому и сѣять не на что...

Мы поравнялись съ какими-то строеніями.

— Это что за имѣніе? — спросила я.

— А это Каширина Павла Ивановича, купца здѣшняго. Раньше Чигоринскаго барина было.

— Какого Чигорина? Савелія Васильевича?

— Его самага. Да ужъ теперь, почитай, лѣтъ тому двадцать, коли не болѣ какъ къ Павлу Ивановичу перешло. Важное имѣніе. Мельницу выстроилъ. Теперь кирпичный заводъ строить. Ишь тамъ труба-то большущая. Это заводъ и есть.

— А Высокое знаешь? — спросила я ямщика.

— Какъ же. Ъздимъ мимо на машину. Знаемъ.

— Чье оно теперь?

— А Богъ его знаетъ. Тамъ теперь не разберешь. Дѣлятся они, сродственники-то. Послѣ покойной барыни никакъ не сладятся. Судятся, сказываютъ.

— А хозяйничаетъ кто же? Кто живетъ теперь тамъ?

— Да никто не живетъ. Управляющій, только и всего. Онъ и хозяйствуешь.

— Такъ почему же они не продаютъ?

— Да никакъ сговориться не могутъ. Почитай уже пятый годъ все дѣлятся. Много ихъ, сродственниковъ-то, и всѣ, сказываютъ, другъ на друга косятся. Такъ и не продаютъ. А охотниковъ много. Имѣніе стоящее.

И словоохотливый ямщикъ сталъ называть мнѣ имена мѣстныхъ и окружныхъ купцовъ-покупателей, перебралъ всѣхъ старыхъ помѣщиковъ, вспомнилъ про ихъ старое житье-бытье, про волю...

Много измѣнилось за эти двадцать лѣтъ. Изъ старыхъ никого почти не осталось. Гремѣвшіе когда-то баре-помѣщики сошли со сцены, оставивъ по себѣ память только своимъ буйнымъ, широкимъ образомъ жизни, своимъ хлѣбосольствомъ, да своимъ суровымъ, жестокимъ обращеніемъ съ крѣпостными. Появились новые люди, пошли новые порядки.

Съ грустью уѣзжала я изъ родныхъ мѣстъ... Никого изъ близкихъ больше не осталось. Одни умерли, другіе оставили свои разорившіяся «дворянскія гнѣзда», уступивъ свое мѣсто другимъ...

Дѣдушка и бабушка умерли уже давно. Послѣ продажи Павловки они прожили нѣсколько лѣтъ въ уѣздномъ городѣ М., недалеко отъ своей бывшей усадьбы, а потомъ переѣхали въ Кострому къ одной изъ своихъ дочекъ. Дѣдушка въ послѣдніе годы окончательно впалъ въ дѣтство, никого не узнавалъ и умеръ на рукахъ у Левы, который ухаживалъ за нимъ послѣднее время.

Послѣ смерти дѣдушки бабушка Анна Павловна прожила еще нѣсколько лѣтъ, переѣзжая все время отъ одной дочки къ другой. Властная старуха, пользовавшаяся въ свое время извѣстностью и уваженіемъ во всей округѣ, привыкшая быть полной госпожей въ своемъ домѣ, не могла свыкнуться со своей скромной долей, всюду вносила ссору и раздоръ, и, наконецъ, умерла въ деревнѣ у своей любимой дочки Тани.

Много еще родныхъ и близкихъ ушло съ тѣхъ поръ изъ жизни. А тѣ, кто еще живъ, насчитываетъ уже шестой, а то и седьмой десятокъ. У самаго младшаго изъ нашей семьи, маленькаго Сережи, рассказывавшаго намъ когда-то про «тигровъ и львовъ», теперь уже взрослые дѣти.

Бойкая, непосѣдливая когда-то «егоза», «звѣзда», теперь тоже уже 65-лѣтняя старуха...

«Картинки прошлаго», предназначавшіяся раньше моимъ дѣтямъ, будутъ уже теперь читаться моими внуками.

Ихъ поколѣнію я и посвящаю свою книгу.

Я буду счастлива, если, прочтя ее, они увидятъ, какъ много приходилось намъ терпѣть отъ дурного воспитанія и сами будутъ иначе обращаться со своими дѣтьми.

Оглавленіе.

	<i>Стр.</i>
Глава I. Первые годы	5
» II. Мои проказы	13
» III. Малютка Катя	19
» IV. Первая гувернантка	25
» V. На свободѣ	32
» VI. Софья Александровна Рахманова	40
» VII. Смерть мамы	44
» VIII. Истязанія	49
» IX. Переселеніе	58
» X. Павловка	65
» XI. Крѣпостные	75
» XII. Приѣздъ Петруши	97
» XIII. Лягушечій прудъ	108
» XIV. Побѣгъ	115
» XV. Бабушкины именины	125
» XVI. Огѣздъ Софьи Александровны	135
» XVII. Женитьба отца	144
» XVIII. Смерть Нины и моя болѣзнь	152
» XIX. Приѣздъ Мити изъ корпуса	159
» XX. Братья Вольскіе.	166
» XXI. Павла Ивановна Чигорина и ея семья	182
» XXII. Авдотья Макаровна	190
» XXIII. Мои ночныя походы	200
» XXIV. Гимназисты.	210
» XXV. Выѣзды, балы, елки	219
» XXVI. Увлеченіе циркомъ.	237
» XXVII. Последнее испытаніе	245
» XXVIII. Двѣ бабушки.	251
» XXIX. Переселеніе въ Павловку	264
» XXX. Объявленіе воли	271
Эпилогъ.	279

Книгоиздательство Е. Д. Трауцкой.

„Библиотека для школъ и самообразованія“,

Книгоиздательство Е. Д. Трауцкой ставитъ своей главной задачей изданіе общедоступныхъ книгъ по разнымъ отраслямъ знанія и по беллетристичѣ для школьнаго и внѣшкольнаго чтенія и для начальнаго самообразованія.

I. Естествознаніе. Географія.

- Н. РУБАКИНЪ. Приключенія двухъ кораблей или рассказы о царствѣ вѣчнаго холода. Изд. 6-ое. Съ 66 рис. Ц. 35 к.
Рекомендовано для библиотекъ начальныхъ, сельскихъ и городскихъ училищъ, для народныхъ читаленъ, для низшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній, для ротныхъ библиотекъ кадетскихъ корпусовъ, для чтенія кадетъ I—V классовъ.
- Н. РУБАКИНЪ. Рассказы о великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы. Изд. 8-е. 52 рис. Ц. 30 к.
Допущено въ низшія училища Мин. Нар. Просв. для публичныхъ народныхъ чтеній и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ.
- Н. РУБАКИНЪ. Рассказы о дѣлахъ въ царствѣ животныхъ. Изд. 6-е. 60 рис. Ц. 35 к.
Допущено Мин. Нар. Просв. въ учен. библиотекы среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, въ бесплатныя читальни, библиотекы и для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ.
- Н. РУБАКИНЪ. Рассказы о подвигахъ челоуѣческаго ума и чудесахъ науки. Изд. 4-е. Съ рис. Ц. 35 к.
Одобрено Мин. Нар. Просв. для учениковъ среднихъ возраста, для библиотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ и городскихъ училищъ, для бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библиотекъ.
- Н. РУБАКИНЪ. Подземный огонь.—Откуда, когда и какъ онъ появился подъ землей.—Что было съ землею много лѣтъ назадъ и что съ ней будетъ. Изд. 2-е. Съ рис. Ц. 40 к.
- Н. РУБАКИНЪ. Среди тайнъ и чудесъ. Съ 92 рис. Ц. 75 к.
Содержаніе. Среди чудесъ и таинственныхъ силъ природы. Какъ говорятъ и поютъ камни. Всемирный потопъ. Великіе чудотворцы. Рассказы о видѣніяхъ и привидѣніяхъ. Рассказы объ удивительныхъ исцѣленіяхъ. Рассказы о бѣсахъ и ихъ изгнаніи.
- СЕМЕНОВЪ, К. Что есть на небѣ, на солнцѣ, на звѣздахъ и на другихъ небесныхъ свѣтилахъ. Съ рис. Ц. 35 к.

II. Исторія, исторія культуры, историческіе рассказы.

- Н. РУБАКИНЪ. Изъ тмы временъ въ свѣтлое будущее.—Рассказы изъ исторіи челоуѣческой культуры. Съ 115 рис. Ц. 90 к.
- Н. РУБАКИНЪ. Вѣчная слава. Историческая хроника XVI столѣтія изъ временъ борьбы Нидерландовъ за свою независимость. Изд. 3-е. Съ рис. Ц. 60 к.
Допущено въ учен. библиотекы среднихъ-учебныхъ заведеній. Мин. Нар. Просвѣщенія.
- Н. РУБАКИНЪ. Рассказы о великихъ событіяхъ разныхъ временъ и народовъ.—Великія войны и борьба съ войной. Изд. 2-е. 34 рис. 8 истор. картъ. Ц. 50 к.
- А. БЫКОВА. Рассказы изъ исторіи Англіи XI—XIX вв. Изд. 3-е. Съ рис. Ц. 60 к.
- ОБЩЕДОСТУПНЫЕ РАССКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ (для школъ и самообразованія). Изд. 3-е. Ц. 30 к.
Допущено Мин. Нар. Просв. для низшихъ училищъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

III. Беллетристика и публицистика.

- Н. РУБАКИНЪ. Испытанія доктора Исаака.—Старинная быль. Изд. 8-е. Ц. 6 к.
Допущено въ низшія учил. Мин. Нар. Просв. для бесплатныхъ народныхъ читаленъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.
- Н. РУБАКИНЪ. Кораллы и люди. Старинное сказаніе изъ жизни далекаго Востока. Изд. 3-е. Ц. 12 к.
- Н. РУБАКИНЪ. Искорки.—Изъ лѣтнихъ поѣздокъ. Изд. 3-е. Ц. 10 к.
- МОРИСЪ ФРИДМАНЪ. Что такое въ дѣйствительности сыскное агентство Пинкертона? Разоблаченіе о дѣятельности агентства Ната Пинкертона. Пер. съ англ. Ц. 60 к.
- МОРИСЪ ФРИДМАНЪ. Сказки и быль о Натѣ Пинкертонѣ (изъ книги Мориса Фридмана «Что такое агентство Пинкертона?»). Ц. 10 к.

Подробный каталогъ высылается бесплатно.

Книгоиздательство и книжный складъ „НАУКА“.

Москва, Б. Никитская, 10.

Научно-популярныя и учебныя книги:

- АРРЕНИУСЪ. Вселенная. 1912 г. Ц. 20 к.
АРРЕНИУСЪ. Судьба планетъ. 1912 г. Ц. 30 к.
ГЕРТВИГЪ. Развитие биологiи въ XIX столѣтiи со статьею «Современное положенiе дарвинизма». Ц. 35 к.
ЛИНДЪ. Практическое руководство къ опредѣленiю звѣрей, водящихся въ Европейской Россiи. Съ предисловіемъ проф. Мензбира. Ц. 35 к.
ОСТВАЛЬДЪ. Колесо жизни. Физико-химическія основы процессовъ жизни. Съ предисловіемъ прив.-доц. В. Елпатьевского. 1912 г. Ц. 40 к.
ФРИДМАНЪ. В. Свѣтъ и матерiя. Общедоступный очеркъ спектральнаго анализа. Съ предисловіемъ А. Цингера. Ц. 1 р. 25 к.
ФРИДМАНЪ, В. Воздухъ, его жизнь и свойства. 1912 г. Ц. 40 к.
ФРИДМАНЪ, В. Учебникъ теоретической ариѳметики для старшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ гимназiй и реальныхъ училищъ и для самообразованiя. 1912 г. Ц. 75 к.

Пособiя для самообразованiя и обученiя. Справочныя изданiя.

- ВЛАДИСЛАВЛЕВЪ, И. Тетрадь для записи о прочитанныхъ книгахъ. Пособіе для учащихся. 1912 г. Ц. 20 к.
ВЛАДИСЛАВЛЕВЪ, И. Русскіе писатели послѣдняго столѣтiя. Указатель произведенiй, критики и общихъ пособiй по исторiи литературы. Изд. 2-ое 1913 г. Ц. 60 к.
ВЛАДИСЛАВЛЕВЪ, И. Что читать. Указатель систематическаго чтенiя для учащихся. Вып. I. Ц. 25 к. Вып. II. Ц. 40 к. Съ предисл. Н. Рубакина.
РУБАКИНЪ, Н. Среди книгъ. 2-ое изд. Т. I. Ц. 3 р. Т. II—печатается.
УЛЬЯНОВЪ, Н. Указатель журнальной литературы. Вып. I. 1905—1910 гг. Ц. 90 к.
СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ КАТАЛОГЪ книгъ, вышедшихъ въ 1910 г. Съ приложенiемъ указателя рецензiй и предисловіемъ И. Владиславлева. Ц. 25 к.
БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЕЖЕГОДНИКЪ. Подъ редакціей И. Владиславлева.
Выходитъ въ февралѣ мѣсяцъ каждаго года.
Вып. I. Систематическій указатель литературы за 1911 г. Книги, журнальныя статьи съ указателемъ рецензiй. Ц. 60 к.
Вып. II. Систематическій указатель литературы за 1912 г. (Печатается).

Готовятся къ печати:

- ПРИМѢРНЫЕ КАТАЛОГИ для народныхъ библиотекъ на разныя суммы (отъ 25 р. до 500 р.).
ПРИМѢРНЫЕ КАТАЛОГИ для библиотекъ низшихъ учебныхъ заведенiй на разныя суммы (отъ 10 р. до 300 р.).

Подробные каталоги книгоиздательства и книжнаго склада
«НАУКА» высылаются бесплатно.

Книжный складъ «НАУКА» выполняетъ заказы на всѣ находящiяся въ продажѣ книги.
Заказы выполняются немедленно.

Цѣна 1 р. 50 к.

На лучшей бумагѣ **1 р. 75 к.**,
въ папкѣ **2 р.**

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Москва, Книжный магазинъ „Наука“, Б. Никитская, 10.

С.-Петербургъ, Кн. скл. „Провинція“, Стремянная, 6.

Кн. скл. „Земля“, Невскій, 55.

2024382034